

The background of the book cover is a dark, atmospheric landscape. In the foreground, there are dark, silhouetted leaves and branches of a tree on the left side. Below them, a body of water, possibly a lake or a wide river, stretches across the middle ground. The water has a subtle, ethereal greenish-blue glow, suggesting a magical or otherworldly setting. The background is a soft, hazy green, creating a sense of depth and mystery. The overall color palette is dominated by dark greens, blues, and blacks, with a touch of lighter green in the water and background.

Владимир Сушков

Делион

Огненная пляска

16+

2020

Владимир Михайлович Сушков Делион. Огненная пляска

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=60671697

SelfPub; 2020

Аннотация

По решению ордена стражей Клепий отправляется на поиски артефакта, необходимого для сохранения баланса сил света и тьмы. В Делионе вот-вот начнется хаос – Темное божество, закованное в Бездне шестью печатями, рвется на свободу и у него достаточно приверженцев, возродился культ огнепоклонников Фахтаче, а на морском востоке самозванный король ведет кровопролитную войну с Пятью Колониями. Клепий попадает в водоворот этих событий, но он готов преодолеть все это ради собственной цели, но какой ценой?

Глава первая. Зловонные топи.

405 год от начала Четвертой Эпохи. 23 число месяца Холодных Дождей.

Место: Зловонные топи. Провинция Бравия.

Осторожно опираясь на клюку, сделанную из местного дерева витыги, он пробирался по сухим островкам, стараясь удерживать равновесие. Толстая дубина позволяла не упасть в эту зловонную жижу, покрытую мхом, лишайником, кувшинками, и другой, непритязательной к чистой воде, растительностью. Поначалу, как только Клепий пришел в Зловонные топи, он надел на себя повязку, которая хоть немного спасала от этого дурного запаха. Спустя несколько дней, страж привык к жуткой вони и смог обходиться без всякой атрибутики, прикрывающей лицо.

В первый день, Клепий даже ничего не мог есть. Все, что он отправлял к себе в рот, через некоторое время возвращалось тем же путем. Зловонные топи получили свое название не просто так. Это место настолько гнусно смердело, что вокруг не было ни одного поселения в пределах ста пятидесяти стадий. Сильный ветер гнал вонь в окрестные поселения, и жителям близлежащих сел приходилось нелегко. Но спустя какое-то время Клепий все же привык. Ему приходилось спать на древних старых деревьях, чьи ветви соединялись так, что образовывали между собой ложе. На почве страж спать не рисковал – земля здесь была предательски

мягкая и часто оползала в болота.

Даже сейчас, переходя с одной кочки на другую, он чувствовал ногой, насколько влажными и ненадежными уступами они являлись. Хлюпая под тяжелым сапогом, из-под земли появлялись пузыри с тухлой водой, которая небольшими струйками устремлялась в воздух. Тропы островков блуждали по неизведанным и не отмеченным на карте маршрутам – некоторые приводили в тупик, другие были циклическими и закруглялись между собой, третьи же образовывали восьмерку, и Клепий часто натыкался на свои собственные зарубки на древних деревьях этих болот. Из живности он видел только каких-то странных птиц, о которых не слыхивал до сих пор, а также много мелкого зверья – болотных крыс, водянистых лягушек, перепков. Но это было не все живое, что обитало в Зловонных топях – некоторые монстры Тьмы охотились тут на небольших зверей и изредка утаскивали в болота людей из окрестных поселений.

Страж надеялся, что не увидит ни одного монстра или демона, пока не доберется до хижины ведьмы. Прошло уже три дня с тех пор, как он вошел в топи и начал блуждать по ним, каждый раз вырезая очередную зарубу (или фигурку, если проходил здесь во второй раз), составляя мысленно в своей голове карту. Здесь было очень темно даже ясным солнечным днем, густые кустарники и кроны толстых древних витыг закрывали свету доступ к этим местам. К вечеру, уже устроившись на ночлег в одном из гнезд, среди сплетенных

ветвей витыг, Клепий зарисовывал на своем пергаменте примерную дорогу, которую сегодня преодолел. Таким образом, день за днем, он составлял и дополнял свою собственную карту и скорее всего, она была единственной, которая хоть как-то могла рассказать об этих болотах. Никто в своем уме не стал бы посещать Зловонные топи, уж сколько разных историй рассказывают об этих местах, о различных страшных существах, а в первую очередь о древней ведьме, чей возраст старше, нежели возраст самой Империи.

Клепий остановился на одном из островков, который при-мыкал к корням старой витыги, чей ствол было бы трудно ухватить пяти взрослым мужчинам.

«Кажется, я что-то слышал. Или же, мои собственные уши, обманывают меня?»

Опираясь на свою дубину, он решил передохнуть и заодно послушать еще раз то, что возможно ему почудилось. Но кроме шелеста листьев, осенней песни ветра и взрывов газовых пузырей ничего не было слышно. Возможно, он еще ближе на несколько стадий к своей цели.

С виду Клепию было не больше пятидесяти солнцееоборотов. Светло-русые, коротко стриженные волосы, спустя несколько недель пути, слиплись и были грязными. Голубые глаза были сродни цвету ясного дневного неба, широкий нос, ровные уши и небольшая включенная борода. На нем были надеты прочная кольчуга и кольчужные чулки, сделанные кузнецами Обители, а за его спиной развевался темный

плащ, на котором было изображено Колесо с двенадцатью спицами – символ Двенадцати богов, или попросту говоря Пантеона. Шлем и перчатки он таскал в своем мешке, так как днем на болотах от испарений было жарко, ночью же напротив – сыро и холодно, от чего Клепий промерзал даже в своих одеяниях. В вещевом мешке находилось вяленое мясо, которое можно хранить долго, ячмень для помола, соль, и кое-чего из овощей, которых уже на четвертый день осталось мало. Помимо пищевых запасов, в мешке находились различные лечебные травы, веревка из конского волоса, мази, пергамент с чернилами, и другие менее нужные в походе вещи.

«Пора передохнуть. Я могу сновать туда-сюда целый день, так и не найдя хижину колдуньи».

Несмотря на то, что на страже были кольчужные доспехи, он с легкостью смог забраться по толстым почкам и прочным ветвям на дерево в свое очередное гнездо. Ветви сплелись здесь настолько прочным узлом, что их даже мечом перерубить невозможно. На поясе Клепия висели ножны, в которых находился полуторный меч, подаренный ему в Ордене на совершеннолетие.

«О, Двенадцать богов, как же давно это было. А ведь сейчас и не верится, что я когда-то был молодым. Не миновало еще и пятидесяти солнцееборов, а я уже чувствую себя уставшим стариком».

Однако покой членам Ордена Стражей при жизни мог

только снится. Вся их жизнь посвящена борьбе с Тьмой и ее созданиями, которая не прекращается ни на секунду. При поступлении в Орден, каждый воин дает обет. В клятве говорится о безраздельной службе во благо Двенадцати богов и трона Империи.

«Прошло столько лет, а клятву я помню до сих пор. Как же это было давно, но и сейчас, закрыв глаза, вижу все-тот же помост, где стою на коленях перед магистром».

Магистр с мечом в правой руке, и книгой пророчеств в левой, произносит слова над Клепием, тот же в ответ произносит клятву верности Ордену. Меч опускается на левое плечо.

– Сим же рази в сердца врагов человеческих, – оплетенная кожей и инкрустированная золотом книга опускается на правое плечо стража.

– И помни же слова, во имя которых ты служишь людям, – завершил свою речь магистр.

Тогда Клепию было всего шестнадцать лет, больше тридцати лет назад, он слабо представлял, как сложится в ордене стражей его жизнь.

Устроившись удобнее, на ветвях деревьев там, где в ствол попала молния и поделила его на две части, путник устроил небольшой очаг. Правда, разводить огонь – не собирался, слишком опасно приковывать к себе внимание. Открыв сумку, он нашарил в ней небольшой кусок вяленой говядины и остатки уже затвердевшей лепешки, изготовленной четыре

дня назад. Ужин оказался черствым, но голод говорил о том, что это было невероятно вкусно.

Его размышления вернулись к тому дню, когда посланец передал указание от магистра Ордена, срочно явиться к нему. Несмотря на то, что утро было солнечным, ветра задували через ставни окон. Скучно обставленная келья, где изредка проживали стражи, когда были в обители (а чаще всего они бывали на заданиях в различных частях Делиона, или выполняли обязательства по убийству Демонов и менее опасных существ), была холодной, от чего Клепий проснулся очень рано, и, совсем того не ожидая, услышал стук в дверь.

Разжевав кусок вяленого мяса, он отправил его в желудок вслед за черствой лепешкой, затем снова вернулся мысленно в то роковое утро.

Тогда, достопочтенный магистр, рассказал о том, что тучи начали сгущаться не только над Империей и расой людей, но и над всем Делионом.

– Еще несколько десятков лет назад, прислужники Тьмы сидели и не высывались из своих нор. Сегодня же почти в каждом городе есть различные культы Тьмы, некоторые из особо ретивых в открытую хулят Двенадцать богов, земли Бравии кишат различными тварями и мутантами, самого консула подозревают в поклонении Тьме.

Клепий помнил все дословно и не мог с этим не согласиться. За последние годы произошло много различных инцидентов, это было тревожным сигналом.

– Тьма пробуждается, сын мой, – продолжил магистр – Последователи Скованного (да будет проклято его имя) начали искать шесть Печатей, стражи существуют именно для того, чтобы помешать им.

Тогда Клепий все понял. Чтобы прислужники Тьмы не нашли печатей, стражи должны найти их первыми и уничтожить. Это не было секретом еще с той поры, когда на свет был выведен ребенок, которого называли Флавианом.

– Ему уготовано уничтожить эти печати. Но найти их можем только мы. – Магистр продолжил речь, рассказав о том, что у него появилась зацепка, которая поможет в поисках.

Небольшой перекус подходил к концу. Еды Клепию пока хватало, а вот с водой были определенные проблемы. Ее оставалось совсем немного, он старался экономить, выпивая за раз не более глотка.

Зацепка касалась одной ведьмы.

– В книге имперского историка Тевробия, которая считалась до сих пор утерянной, наши писцы нашли упоминания одной из печатей, – говорил в тот день магистр. – Ясным языком было указано, что она одно время находилась у бравлян-ской ведьмы, проживающей в Зловонных топях.

Именно тогда, три недели назад, страж начал свое путешествие. Действия Тьмы по поиску все шести печатей, дабы освободить своего хозяина – Скованного бога, началась в тот момент.

«Думаю, узнать место хранения печати будет ничем не

легче, чем найти саму ведьму».

И Клепий понимал, что, скорее всего он прав. Света становилось все меньше, солнце клонилось к закату, однако страж решил продолжить свой путь.

«Пока не стемнеет полностью, попробую закрыть пробелы на своей карте, авось повезет найти хижину».

Он достал пергамент со своими каракулями и начал изучать его. Клепий водил указательным пальцем по проложенным линиям, старался высчитать каждую тропу. В итоге, на пергаменте была изображена карта с множеством закорючек, линий и геометрических фигур. Каждая тропа, которая приводила в тупик, была помечена и он, в конце концов, нашел одну, которую не исследовал.

Ниоткуда появились странные птицы с черными перьями, неуклюжей вытянутой головой, похожие на воронов, но значительно меньше размером. Они перелетали с ветки на ветку, но продолжали сидеть на том же дереве, что и путник, тому, с свою очередь, чудилось, будто они за ним наблюдают.

Решив не терять времени зря, Клепий собрал все в свой мешок, глотнув воды, уложил фляжку на самое дно и, спустившись с дерева, побрел по тропе, которую отметил на карте. Преодолевая кочку за кочкой, он осторожно обошел большую часть болота по корням деревьев, а затем и по твердой почве, которая являлась продолжением тропы. Низкорослые кустарники находились прямо в болоте, их корни уходили далеко в ил, а на ветвях росли красные ягоды. Часть куста

была объедена каким-то зверьем, скорее всего перепками, которые походили на крыс, но отличались широкими и длинными хвостами. Клепий знал, насколько эти ягоды опасны. Человек, попробовавший горсть этих ягод вывернет свой желудок наизнанку, далее последует кровавый понос, отек легких и, в лучшем случае, он умрет в течение дня. В худшем же – медленная мучительная смерть.

Внезапно тропа из кочек здесь оборвалась. Дальше было болото, с едва вырисовывающимися бугорками суши.

«Боги послали мне очередное испытание»

Дубина из витыги была выше Клепия. Он опустил ее сухим концом в болото до тех пор, пока этот конец не преодолел мягкий ил и не уперся в твердую почву. Вытащив клюку из воды, страж поставил ее рядом с собой.

«Что ж, по колено, можно рискнуть»

Сначала Клепий снял с себя плащ, свернул его в трубочку и убрал в мешок, чтобы тот не тянул его вниз, под воду. Плащ был больше атрибутикой и неплохо согревал в холодную погоду, но в битве, либо долгих переходах был бесполезен.

Первый шаг дался нелегко. Как будто ступаешь в неизвестность. Нога с железным кольчужным чулком погрузилась в прохладную зловонную воду. Клепию казалось, будто его засасывает сама бездна. Почву он нащупал не сразу, опираясь на дубину, опустил вторую ногу в болото, и вода оказалась по колено. По крайней мере, ненадолго. Стоять на одном месте было опасно – твердая почва начинала уходить

из-под ног, и вода уже достигла его бедер. Передвигаться в болоте, которое еще и засасывает тебя в кольчужных чулках, сложно. Мешок с продовольствием уже начинал касаться воды, и имперец решил поторопить события.

Переставить ногу оказалось не так-то просто. Ил продолжал засасывать ее вместе с кольчужным чулком. Сделав некоторые усилия, страж переставил сначала левую ногу, затем правую и вода снова оказалась ему по колено. Проверять палкой место для следующего шага, не было времени, за несколько секунд тело Клепия погрузилось на целую ладонь. Сделав еще один шаг левой ногой, он оперся на свою дубину и не без усилия переставил правую.

В этот момент дубина ушла под воду и Клепий, не удержав равновесия, плюхнулся в вонючую жижу, чудом не захлебнув ее. Он оказался под болотной водой, опираясь на руки, попытался встать. Ножны с мечом и мешок с продовольствием тянули его в правую сторону, туда, где полностью исчезла дубина. Собравшись с силами, стараясь не поддаваться панике, годами отточенное мастерство владения эфиром и самим собой помогло Клепию вынырнуть из-под воды, схватившись правой рукой за первую кочку, которая выпирала на поверхности, словно голова притаившегося животного.

– Вот Бездна! – выругался вслух страж, держась за бугор двумя руками так, будто он через несколько секунд уйдет на дно.

Он был сильно раздосадован этой оплошностью, лямка

мешка спала с левой руки и держалась только на предплечье правой.

«Наверняка все мои пожитки намокли. Боги в свидетели, я даже не знаю, смогу ли что-нибудь поесть после вонючей воды».

А это значило, что пути назад уже не было. Весь мокрый от болотистой жижи, Клепий взобрался на бугор, чтобы передохнуть и в голове начал перебирать варианты того, что можно использовать в пищу.

«Перепки питаются ядовитыми ягодами, крысы в свою очередь едят перепков, о лягушках не может быть и речи».

Клепий, в отличие от обычных людей, был меньше подвержен эмоциям, в том числе и страху, но это рассуждение натолкнуло на мысль, что он может остаться голодным.

«Остаются только эти странные птицы».

Однако, задвинув эти мысли на задворки своего мозга, поковылял дальше по кочкам. Лишившись своей дубины, он шел еще медленнее и аккуратнее. Если он сорвется хоть с одной из этих кочек, то его засосет трясина, и страж навеки останется в Зловонных топях.

«Жуткая смерть для жуткого человека»

Но все обошлось. Тропа из кочек закончилась у небольшого более или менее сухого бережка, где росли кустарники, которые до этого момента Клепию не встречались.

Выйдя на твердую землю, он приземлился на пятую точку рядом со сгнившим деревцем, дабы отдышаться. Осмотрев

мешок, он понял, что весь провиант намок. Через небольшие колечки вода попала в чулки, залив их до основания – теперь от его ног воняло не лучше, чем от болота.

Высушивать вещи времени не было. Клепий хотел, во что бы то ни стало отыскать хижину ведьмы до заката солнца. Местные деревья пропускали мало света даже в солнечный день, не говоря уже о сумерках. В крайнем случае, страж хотел найти себе дерево-приют и сделать все свои дела именно там.

Птицы следовали за ним. Сначала ненавязчиво, а затем и вовсе образовали коридор, они сидели и по правую, и по левую сторону от Клепия.

– Тут что-то не чисто, – пробормотал про себя путник.

Достав из сумы небольшой нож, он вырезал на небольшом дереве, которое склонилось перед ним, словно раб перед императором, небольшую линию. Дерево, переполненное влагой, тут же отреагировало на порез, выпустив через ранку ручей сока.

«Пробовать это на вкус я не стану».

Теперь Клепию казалось, что здесь ядовито все. И отчасти он был прав. Испарения от болот создавали густую, тяжелую атмосферу. Легкие, спустя несколько дней после попадания в Зловонные топи, начали болеть. По ночам у него скручивало желудок так, что приходилось спускаться в ближайший куст, несмотря на то, что питался он мало и один раз в день. Утром же появлялся насморк – забитый нос хоть как-то по-

могал совладать с этой вонью.

Никто из Обители не знал имя ведьмы, многие сомневались в правдоподобии легенд. Магистр сам был подвержен скепсису, поэтому страж, перед тем как исследовать Зловонные топи, решил навести справки в близлежащих деревнях.

Клепий был родом из Фикий, пусть он там и прожил всего десяток лет детства, но все же имперский менталитет метрополии был ему ближе, нежели обычаи других народностей Империи. В Кустице, он встретил некоего жреца, который именовал себя волхвом. Именно волхв первым из местных рассказал ему о ведьме.

– Да многие у нас в деревне подношения ей делают, что-нибудь отварное.

На вопрос, почему отварное, бравлянин отвечал, что ведьме то уже даже не десятый век стукнул и зубов у нее не больше, чем дубовых листьев на ели.

– Так, чтобы она могла разгрызть. Федотка вон, знахарша наша, моления ей подносила, да и смесь из жгутицы и густья, от костной боли. Говаривал я ей, на хрен сдалась твоя мазь старой ведьме, которая одним словом может превращать людей в животных?

Клепий сделал очередную зарубку. Тропы здесь были заросшие, девственные места, по влажной земле трудно было определить, живет ли тут кто. Следы на такой земле оставляются легко, но их нет.

Страж поинтересовался у волхва, где же оставляют ведь-

мины дары, на что бравлянин отвечал, что где угодно. Мол, ведьма, если захочет, то и в другой конец Зловонных болот за несколько минут прилетит. Клепий подивился их пред-
рассудкам, но вслух ничего не произнес, лишь поблагодарил волхва.

В Чешке, которая была на севере от Зловонных болот и лежала на Волчьем тракте, имперец не надеялся ничего найти, потому как поселение это стояло от болот на тридцать стадий. Тем не менее встретился там бедный крестьянин, который рассказал другие подробности.

– Шимка говорит, мол, видывала она ведьму, тут неподалеку, от ручья нашего, – рассказывал бравлянин. Девка-то она конечно глупая, но врать-то ей зачем? Как увидела ведьму, сразу бегом домой. Ну а отец ее думает, что-Шимка-то там, у ручья обжималась с милым своим.

Сделав еще одну зарубку, Клепий понял, что так ничего толком не узнал о ведьме. В других поселениях ему не сообщили ничего путного. Бравляне – народ простой и далекий от имперских обычаев и норм, но при этом они уважают стражей и чтят тех, кто стоит на их защите от страшных тварей и монстров Тьмы. Как оказалось, здесь, в округе от Зловонных болот даже не сомневаются в том, что ведьма существует.

«Может быть, народ этот суеверный и глупый, но сказки на пустом месте не возникают».

В любом случае, следовало бы проверить слова историка

Тевробия.

Судя по тому, как начало смеркаться, через одну стражу будет так темно, что хоть глаз выкалывай. Страж придумал, как решить ситуацию.

«Ведьма – нечистота и будет возмущать эфир, как и остальные твари Тьмы».

Самое время использовать Опус Теос.

В Орден Стражей принимают людей с самого раннего возраста. Орден использует своих рекрутов для поиска детей, которые могут взаимодействовать с эфиром, не как маги, через заклинания или артефакты, а напрямую. Ученые до сих пор расходятся во мнениях, касательно природы эфира и почему маленький процент людей может взаимодействовать с ним. Дети проходят различные испытания – начиная от воздействия местных артефактов Второй эпохи и заканчивая закаливанием. Некоторые будущие стражи так и не открывают в себе способностей и их попросту отправляют домой.

Клепий был талантливым учеником. У него открылись почти все доступные способности, к тому же он мог дольше всех сохранять контакт с эфиром.

Его кожа покрылась мурашками от воспоминаний. В начале обучения ему хотелось сбежать из Обители и забыть про все это. Дети психически неустойчивы, но при всем этом, они могут активнее использовать эфир, в отличие от взрослых.

Путник закрыл глаза и отстранился от этого мира. Звуки,

запахи и даже ощущения собственного тела покинули его. Он оказался там, далеко за гранью физического мира. Оболочка разрушилась, словно скорлупа куриного яйца, его выкинуло в метафизическое пространство. Страж ощущал себя сгустком энергии, неким живым шаром в огромном открытом пространстве.

Эфир – начало бытия. Именно он формирует всю видимую вселенную, даже боги возникли из первородного эфира. В нем нет течения времени в привычном для обычных людей понимании. Овладеть временными потоками практически невозможно для человека. Лишь только богам ведано, как это работает. В то же время эфир – это опасное метафизическое место, которое обволакивает известный нам мир. Изредка из него прорываются силы, что уничтожали целые цивилизации. И именно эфир стал для последователей тьмы тем оружием, откуда появились различные монстры и мутации, оскверненный эфир стал местом рождения демонов.

Клепий плыл по бесконечному потоку пространства, стараясь найти своими ментальными щупальцами окружающий мир. Внезапно, его метафизическое зрение обнаружило большое возмущение эфира.

«Нашел», – подумал он и вышел из Опус Теос.

Выход в эфир всегда пожирал у стражей много сил. Клепий тут же почувствовал слабость в теле, головокружение и небольшую тошноту. Даже многолетние тренировки не спасали от этих побочных эффектов. Главное, что страж обна-

ружил ведьму. Теперь остается сопоставить колебания эфира в метафизическом мире с реальным.

Долгие годы медитаций, плавания в океанах эфира закалили Клепия и позволили за несколько минут найти логово ведьмы. Он посмотрел в сторону густых зарослей, что находились, судя по компасу, на востоке и побрел туда неспешным шагом.

Кустарники настолько плотно прижимались друг к другу, что приходилось прорубать себе путь мечом. Колючие ветви царапали ладони, благо остальное тело было защищено от них. Здесь, под корнями кустарников было нарыто много разных нор. Птицы же продолжали наблюдать за происходящим с верхушек деревьев.

«Надо успеть к закату солнца, иначе будет совсем темно».

Сумерки опускались на Зловонные топи, словно скатерть на праздничный стол. С каждой минутой становилось все темнее и темнее, Клепий начал прокладывать себе путь с удвоенной силой, но использование Опус Теос вытянуло из него много сил. Вскоре он выбрался на небольшую поляну, наряженную в туман молочного цвета. Здесь было настолько сыро и влажно, что даже под кольчугой кожа становилось мокрой. Впереди было ведовское жилище.

Трава на поляне была мертвой, желтой, от нее дурно пахло гнилью, и чем ближе она была к хижине, тем больше превращалась в обычный компост. Теперь птицы сидели прямо у опушки поляны, своим зорким взглядом следили за каж-

дым движением Клепия. Сапоги стража уминали пожелтевшую траву прямо в почву, очевидных следов от живности не было. Шаг за шагом он приближался к своей цели, земля под ним издавала хлюпающие звуки. Туман полностью покрывал верхние слои, тем не менее Клепий смог рассмотреть, что здесь трава вовсе сгнила, но над ней не вился рой мошкары, всякое живое боялось заходить на эту территорию. С каждым шагом нога уходила по щиколотку, туман казался холодным, как кусок льда.

Наконец он добрался до жилища ведьмы. Границей между домом и остальным участком были колья в виде частого забора, на котором насажены черепа различных существ. Клепий узнал в них – медвежьи, собачьи, кошачьи, коровьи, заячьи и даже человеческие головы. Все они были обращены таким образом, чтобы глазницы смотрели на входящего. Это не устрасило стража, и он перешел границу.

Ветхая хижина была больше похожа на скромную нищую лачугу, сделанную из бревен и обложенную соломой. Во многих местах бревна были сгнившими, окон не было вовсе, солнечный свет проникал в жилище разве что благодаря щелям в доме. Фундамента как такого не было, дом буквально вкопан в землю и походил на полуземлянку, перекошенная дверь на ржавых петлях находилась по границе с землей. Жутко разило ветхостью, сыростью и запахом разложившихся трупов. Иллюзия того, что хижина была короткой, рассеялась, и Клепий увидел, что обиталище ведьмы длинной пря-

моугольной формы.

Страж подошел вплотную к лачуге. Оставалось только одно – толкнуть дверь.

«Двенадцать богов, защитите меня своей властью, молю вас Пантеон избавить меня от ужасов этой ведьмы».

Сам Клепий в глубине души понимал, что у богов на этой земле власти нет. Здесь все было пропитано искаженным эфиром, даже деревья вокруг поляны имели странные формы – мертвые, в виде закорючек с опавшей листвой. Многие из них давно иссохли и, поедаемые древесными червями, издавна больше походили на пугала, чьи ветки были руками этого мертвого существа.

Протянув руку вперед, Клепий ощутил, насколько это место было пропитано эфиром. Волосы на его руке встали дыбом, здесь было намного прохладнее, чем пару шагов назад. Возле двери, прямо над его головой нависало нечто вроде флюгера – на круглом ржавом железном конце, подвешенном к балке, крутилось из стороны в сторону под порывами смрадного ветра Двенадцатиконечное колесо, на каждой спице которого было насажено по одному черепу.

«Хуление богов перед входом в хижину».

Ведьма как бы предупреждала, что поклоняются тут не живым богам, а тем, кто сможет сделать такие гнусные вещи.

«Были бы тут жрецы Пантеона, они наверняка бы испугались».

Но не страж. Он одним движением руки толкнул дверь

вовнутрь, и заржавевшие от времени петли издали пронзительный скрежет, который заставил Клепия закрыть уши. Звук разлетелся по всей округе так же, как и те птицы, которые сидели на деревьях и наблюдали за чужеземцем.

«Они провожали меня сюда. Или следили, за тем, чтобы я не сбился с курса. Но зачем?»

Дверь медленно и со зловещим скрипом открывалась, позволяя путнику войти в хижину. Клепий был удивлен тем, что в хижине было не темно, как он думал. Внутренности лачуги находились в полумраке, будто Клепий попал во чрево кита с масляной лампой. Сделав два шага, страж оказался за порогом.

«Она уже знает, что я здесь. Знала это с самого начала».

Половицы издавали скрип не менее ужасный, чем сама дверь. Клепию казалось, что пол уходил у него из-под ног, однако эта иллюзия образовалась благодаря тому, что старые доски провисали под тяжестью воина в кольчуге. Полумрак создавали очень толстые свечи, что висели на стенах. Внутри дом казался больше, и потолок был намного выше, чем в тесных кельях обителю.

«Не так я представлял себе старую колдовскую хижину».

Пахло здесь всем подряд и вперемешку. Несмотря на забитый от сырости нос Клепий чувствовал все эти запахи – смеси дурманных трав, благовония с Семиостровия, животная кровь, протухшие туши, лук, вареная репа, экскременты, таявший воск и еще много самых разных запахов. Кое-

где пол был выстлан ветошью, на тряпье лежали самые различные вещи – конечности животных, человеческие кишки, черепа, гномьи украшения из подгорных мастерских, имперские книги, веточки священного бравлянского дерева, туши тухлых рыб и даже драконьи клыки. Все это находилось по левую сторону, по правую лежали магические предметы – астролябия, хрустальный шестигранный шар, судя по мифам позволявший отследить любого, деревянный многогранный куб, в котором могли храниться пороки человека, магическое сито, о котором Клепий слыхивал краем уха, а также различные смеси трав, стеклянные приборы для их перемешивания и большое количество других предметов. Времени, все это разглядывать, не было, страж побрел вперед, где его ждала ведьма.

Однако нигде поблизости ее не было видно. В Дальнем конце дома висела огромная ширма, которая закрывала заднюю часть лачуги полностью. Трудно было сказать, из чего сшита эта перегородка, но она была из единого полотна ярко-бордового цвета. Клепий заметил старый древний стол, ободраный со всех краев и за ним, наклонившись вперед, сидела ведьма таким образом, что оттуда торчала только голова и грудная клетка, все остальное тело было за ширмой.

У Клепия внезапно пересохло во рту. Был бы страж более трусливым, совершил бы знамение колеса на лбу, но он с вызовом двинулся в сторону ведьмы, которая выглядела... не так, как он ожидал.

Из-под ширмы торчала небольшая голова юной девушки, с глубоко впалыми глазами, под которыми располагались черные, словно души заблудшие во тьме, синяки. Несмотря на то, что лицо было детским, кожа на нем была обвисшей, словно ее в течение сотен лет цепляли крюками и вытягивали в разные стороны. Морщинистое лицо не скрывало звериного оскала, во рту у ведьмы находилось всего лишь несколько зубов, покрытые слоями налета из гнилого мяса. С головы свисали редкие волосинки, и она больше походила на репу, из которой торчали небольшие коренья. Уши словно высохли и были похожи на сухой изюм.

На ведьме совершенно не было одежды. Ее шея была похожа на спадающую ткань от платья – множество телесных складок напоминали огромные швы. Грудь была обвисшей и целиком покоилась на столе, где стоял еще один многогранный куб из неизвестного камня изумрудного цвета, над которым ведьма держала свои дряхлые дрожащие руки, больше походившие на культы скелета, обтянутого кожей.

– Тыыыыыы, – затянула ведьма своим мерзким голосом. – Посмел прийти ко мне.

Ее голос был тихим, словно звуки весенних ручьев и одновременно противным, как скрежет гвоздя об железо. Казалось, что она выдавливала из себя слова через силу, будто ее легкие давно уже превратились в ссохшийся покрытой паутиной орган.

Клепий внимательно следил за каждым телодвижением

ведьмы. С виду, она не представляла опасности, но страж понимал, что это ошибка. Ведьма не прожила бы больше тысячелетия, не будь такой могущественной. Она аккуратно перебирала своими костлявыми пальцами деревянный куб, и казалось, что была сосредоточена на этом предмете.

– Я пришел сюда за ответами, – сказал на это Клепий.

Казалось, что колдунья приложила максимум усилий, чтобы потратить их на вздох. Он получился как небольшое придыхание, но даже столь тихий, казался ужасным. Из-за отсутствия зубов, ее голос был шепелявым, но при этом от него застывала кровь в жилах.

– Я знаю, – почти шепотом произнесла ведьма. – Ты из тех, что надеются предотвратить крах мира.

После этой фразы старуха мерзко захихикала.

– Обычному смертному не нарушить того, что предначертано, – ответила ведьма и ее, казалось, уставшие от многовековой жизни глаза, уставились на стража. – Даже богам уготована своя судьба.

Клепий не верил ни единому слову ведьмы, зная о том, что поклонники Тьмы почитают ложь.

– Нити Делиона ткутся без ведома богов и уж тем более смертных, – продолжила колдунья. – Вы настолько слабы, что даже не можете отсрочить гибель сущего.

– Хватит пудрить мне мозги, старуха, – спокойным голосом произнес Клепий, вплотную подойдя к столу.

«Ветхий стол, ветхое жилище, старая женщина, которая

считается могущественной ведьмой».

Страж даже и не думал о том, сможет ли одолеть колдунью, в случае если начнется бой. Но он был готов помериться с ней силами.

– Я знаю, что ты имела дело с одной из шести печатей Дадура, – произнес страж, показательно положив свою правую руку на рукоять меча. – Скажи, где она находится?

В ответ ведьма лишь тихонько и злобно захихикала, однако Клепия это ничуть не задело, он хорошо умел контролировать себя.

– Ты опоздал, страж, – этими словами ведьма ошарашила имперца. – Тот, кого ты называл братом, в тайне молится о пришествии Скovanного в Делион и поклоняется Тьме.

Она отчеканивала своим холодным, словно едва вставший на озере лед, режущим, как клинок голосом, каждый слог, будто выплевывая слова.

Послышался звонкий металлический звук. Клепий достал из своих ножен обоюдоострый меч, на котором тотчас же заиграли блики от свечей. Острие оружия было направлено прямо в ведьмино лицо, однако та даже не шелохнулась.

– Ты лжешь, темное отродье! – проворчал Клепий, с силой сжимая эфес меча.

Единственный житель Зловонных болот старалась улыбнуться и натянуть кончики своих губ, но с ее девичьим и морщинистым лицом это больше походило на оскал. Во рту промелькнуло три гнилых зуба, и только тогда Клепий заме-

тил, что у ведьмы раздвоенный язык.

– Нити времени говорят о том, что сегодня не мой день смерти, – ответила старушка, опираясь своими тощими руками на стол, чуть-чуть привстав. – Прими то, что твой собрат – предатель. Но кто из вас дурак, решит сама судьба.

Клепий был зол от речей, которые изрыгала эта поганая нечисть. Страж понимал, что нельзя верить ни единому ее слову и возможно, она, видя то, что не переживет эту ночь, решила посеять сомнения в голове стража. Меч в руках он держал более уверенно, нежели эту мысль в голове.

Его душу терзали слова ведьмы.

«Ей не стоит верить, как и любой другой твари Тьмы».

С другой стороны, если сказанное старухой правда, то следует ожидать неприятностей. За последние годы, как говорил сам магистр, Тьма проникает повсюду – Церковь, Академия магов, Инквизиция, Сенат, Купеческие Дома, основание различных культов. Но если они проникнут в Орден Стражей, то это будет для Тьмы большим подспорьем в скорой войне.

«Кто предатель?» – эта мысль была в голове Клепия следующей, но озвучивать он ее не стал. Не стоит оголяться перед врагом.

– Кто приходил к тебе, старуха? – тихим голосом прорычал страж.

Ведьма глубоко вздохнула и, казалось, была утомлена этим разговором. Она сделала вид, что не услышала вопроса,

но, когда острие меча было уже в локте от ее хрупкой шеи, заговорила.

– Посланники Тьмы, – ответила девочка во плоти старухи. – Они тоже ищут печать.

Клепий не моргнул и глазом. Он смотрел прямо во впалые очи ведьмы, зрачки которой бегали странным образом из стороны в сторону.

– Ты опоздал, – хихикнула старуха. – Темники узнали от твоего брата о книге Тевробия.

«Так это правда», – ужаснулся про себя Клепий и его глаза чуть не выдали это.

Однако другая сторона стража старалась бороться со смутной, которую посеяла колдунья, и он не мог принять окончательного решения.

– Скажи, где находится Печать, – процедил сквозь зубы Клепий, осторожно притронувшись лезвием меча к артерии старухи. – Иначе, я сам сотку нить твоей судьбы.

Ведьма долго молчала, ее губы начали судорожно подергиваться. Страж никак не отреагировал на это. Внезапно девичий лик преобразился и сильно вытянулся. Ведьма злобно зашипела так, что у Клепия заложило уши.

Все это происходило за доли секунды. Красная ширма спала, при этом сорвав верхнюю балку, на которую она крепилась. И только тогда страж увидел, что представляет собой это существо.

Из ее дряхлой спины торчали шесть толстых паучьих ног,

покрытые тонкими волосками. Из задней части туловища виднелось острое жало, девичье старое лицо ведьмы преобразилось в уродливую гримасу, и колдунья бросилась на Клепия.

Годы оттачивания мастерства стража выработали в нем молниеносную реакцию. Он успел отскочить от внезапного удара одной из паучьих лап, которая разнесла ветхий стол буквально в щепки. Тут же последовал второй удар правой верхней лапой. Клепий, сделав перекат, обнаружил, что она промахнулась всего лишь на несколько ладоней.

Страж рывком поднялся на ноги, однако ведьма была слишком проворна. Другая лапа тут же сбила его с ног подсекающим ударом, и Клепий ударился об пол, при этом сбив дыхание.

– Ты встретишь свой конец тут, – зловещим голосом произнесла ведьма.

Ее туловище будто было подвешено в воздух, его держали две задние мохнатые лапы. Правая верхняя – занесена над стражем, чтобы пронзить его наверняка. Клепий успел одним движением выхватить из ножен меч, пустив его по инерции по дуге. Лапа, которая метила Клепию прямо в сердце обрубком полетела на пол. Горячая склизкая кровь тут же обдала лицо путника. Ведьма пронзительно закричала так страшно и душераздирающе, что стражу хотелось закрыть уши руками.

Красная ткань перегородки загорелась от одного из под-

свечников, и алое зарево осветило происходящую бойню. Смердело ужасными нечистотами – за ширмой располагалось отхожее место вместе с какими-то склянками, банками и перегонными кубами.

Завыв от боли, лапы понесли ее сначала на стену ветхого жилища, а затем и вовсе на потолок. С потолка хибары свисало странное, иссохшее тело ведьмы, которая что-то кричала на непонятном языке в приступе ярости, смешанной с болью. Из жала вылетела паутина, пригвоздившая стража к полу.

«Боги, что за мерзость».

Эта склизкая жидкость попала ему в рот, безвкусная, по своей природе противная, она пробралась в легкие и страж начал задыхаться. Он кинул свой меч на пол и руками ухватился за горло, пытаясь выдавить из себя паутину. Кажется, он начал терять сознание. Ведьма взирала на него с потолка, потирая свои дряхлые ручки.

Два пальца Клепия отправились в рот, заставив его изрыгнуть эту ужасную жидкость на пол. Ощущение свободы легких от этого отвратительного вещества, тут же сменилось ощущением тревоги. Пришла пора использовать эфир.

На это ушло чуть меньше нескольких секунд. Время в эфире течет по-другому, сложно понять, каким образом. В обычной жизни время сравнивают с потоком воды какой-нибудь из рек, но для эфира это сравнение не имеет смысла. Здесь целый океан и отследить тот же ручеек, которым

ты жил в материальном мире несколько секунд назад очень сложно, на это можно потратить очень много усилий. А чтобы найти здесь то, что произошло около стражи назад, скитаться в эфире придется вечность.

Клепий оказался здесь, в своем метафизическом состоянии, ментальность, то есть активность в этом мире съедала его физические силы в материальном. Однако он понимал, что одно неверное движение, и там, ведьма его скорее всего убьет, поэтому он решил на Магия Кронос.

Сложно описать, что происходит в эфирном пространстве. Это походит на то, что человек погружен глубоко в море, здесь ты так же чувствуешь полное одиночество и забвение. Чем дальше ты находишься в эфире, тем хуже связь с материальным миром. Отсюда можно и вовсе не выйти, заблудиться в бесчисленных пространствах. Толстый канат материального мира постепенно истончается и превращается в нитку, которая в скором времени обрывается, и человек навсегда остается здесь. Жрецы верят, что именно сюда попадают души после смерти.

Клепий был в ментальном состоянии и старался нащупывать одну из нитей, которая вела к тому моменту, когда он отрезал лапу ведьмы. Он перебирал своими сгустками каждый из возможных вариантов, интуитивно пытаясь отыскать тот самый момент. И когда нашел его, будто почувствовал тепло, разыскав один из миллиардов альтернативных версий этого события. Конечно, это ментальное тепло мало чем

сравнится с теплом материальным, но иного сравнения не подобрать.

Благодаря собственным усилиям, его выкинуло в материальный мир. Над ним нависала правая лапа колдуньи, которая тут же опустилась на него. Одно движение меча и волосатая перерубленная конечность упала на пол. Клепий вновь ощутил на себе горячую алую кровь из пульсирующего обрубка ведьмы.

«Что ж, ты сейчас побежишь. Но я тебе не дам этого сделать».

Он помнил этот момент и помнил, что должно было случиться. И этого не произошло. Страж, рывком поднялся на ноги и одним движением меча подрезал обе задние ведьмины конечности. Туша колдуньи грохнулось на пол с душераздирающим воем. Плач ведьмы был больше похож на грустную песнь, которую пытаются петь во все горло. Зачарованный клинок стража отрубил другие две конечности, а последнюю, верхнюю левую прижал своим сапогом. Ведьма извивалась под ним, что-то говоря на своем непонятном языке, однако Клепий не мог его разобрать.

– Говори, где находится печать, – произнес страж, приставив свое оружие к сморщенному горлу старухи.

Сейчас она больше походила не беспомощную столетнюю старушку, чем на могущественную колдунью. Но даже раненная ведьма опаснее, чем отлично подготовленный легионер.

– Говори, – сказал страж и еще сильнее надавил на ее оставшуюся конечность.

Ведьма завопила. Из ее культей на пол ведрами лилась алая кровь, от которой шли испарения. Ручейки стекали по ветхому старому полу, устланному соломой, попадая в щели между половицами.

– Скажу! – крикнула ведьма! – Скажу, только пощади меня!

Клепий выровнял свое дыхание, но при этом продолжал держать меч у горла старухи. Небольшое нажатие полторного меча и кожа лопнула, словно кожа переспелой виноградины, из которой начал сочиться сок. Кровь стекала по костлявой шее старухи, отрубленные конечности судорожно двигались на полу, а обрубки подергивались с фантомной болью.

– Хорошо. Скажи мне, где находится печать, и я обещаю, что пощажу тебя.

Гримаса ведьмы была страшной, она за секунду могла поменяться несколько раз в лице.

– Какой от этого прок, – произнесла она своим шипящим голосом. – Ты все равно опоздал. Слуги Тьмы пришли раньше тебя.

Клепию надоели эти игры в кошки мышки. С твердой уверенностью он нажал острием рядом с пульсирующей артерией.

– Хорошо, хорошо! – выкрикнула ведьма. Я не знаю, где печать, но я знаю, кто ее хранитель.

– Ты лжешь, старуха, – сказал страж без всякой интонации в голосе. В книге Тевробия ясно сказано, что одна из печатей находилась у тебя.

Ведьма зажала свои глаза, видимо думая о том, с чем она сегодня столкнулась. Если слуги Тьмы действительно пожаловали, то они даже не притронулись к ней. Страж подумал о том, что поступил с ней слишком жестоко. С другой стороны, кто она такая, чтобы заслуживать пощадку? Сущность, насквозь пропитанная Тьмой, искаженный эфир сочится из нее. Все же, благодаря своим умениям, страж блокировал эти негативные импульсы.

– Клянусь, у меня ее никогда не было, – начала говорить колдунья. – Тевробий не знал, о чем писал.

Казалось, что из ее глаз начали сочиться слезы. Старуха вновь обрела свой девичий лик и начала рассказывать, что происходило дальше.

«Возможно, что она врет. С другой стороны, если темники сюда приходили, ведьма могла отдать им настоящую печать. Она хочет пустить меня по ложному следу» – подумал про себя Клепий.

Хотя зачем это надо? Если печать действительно у темников, то стражам никогда не добраться в сердце Южноземья – рассадника Тьмы.

– Я была знакома с хранителем печати, – ответила ведьма и начала свой рассказ.

Глава вторая. Ноблос – жемчужина Морского Востока.

– Боги мне в свидетели, будут дуть западные ветра, через три дня мы пришвартуемся в гавани Ноблоса.

Клепию пошел на пользу свежий морской бриз. Минуло больше месяца с тех пор, как он выбрался из Зловонных болот. Как только он узнал от ведьмы, что хранитель печати ныне закован в гору Шармат, он оставил ее в живых, а сам, выбравшись из Зловонных Топей, отправился к близлежащий поселок Каштун, а оттуда в город Льнев.

Тот каменный куб изумрудного цвета, что был на столе у ведьмы переливался всеми цветами радуги. Это было нечто иное, как зеркало в прошлое и ведьма, дабы подтвердить свои слова, позволила Клепию коснуться куба. И он, словно через пелену тумана увидел человека, чье лицо было прикрыто капюшоном, стоявшего подле ведьмы и испрашивая у нее совета. Клепий видел его плащ, точно такой же, который носил, и он сам. Возможно, этот плащ был краден, или может быть старуха не врала и это на самом деле был страж предатель, брат, поправший устои их общего Ордена?

Во Льневе он не застал ни князя, никого из его приближенных, что было логично, учитывая междоусобную войну в Бравии. Регентом был боярин Цадик, дальний родственник князя Видамира и, боярин, узнав о том, что в Льнев прибыл страж, чей статус здесь почитали, тут же выполнил все пожелания Клепия. Страж в первую очередь отправился в ба-

ню, затем после сытного обеда лег на теплую и мягкую перину, провалившись в долгий сон. Проснувшись на следующее утро, Клепий попросил у Цадика точную карту Делиона, особенно восточных земель.

Карты в этом небольшом городе не оказалось, и Цадик тут же отправил гонца в столицу Бравии – Великоград за точной копией карты, здешняя библиотека была до безобразия мала. Цадик поселил Клепия в боярском придворье, и страж праздно ожидал прибытия гонца с картой, чтобы определить местоположение горы Шармат.

Клепий провел в Льневе чуть больше недели. Его физическое состояние улучшилось, он окреп телом, а питаясь нормальной пищей в виде жаренных уток, сала или горячих свекольных супов, набрал вес. Раз в день, на небольшой промежуток времени он выходил в эфир ради профилактики, так же занимался чтением местных архивов, приказов и переписок полувековой давности. Гулять по городу было бессмысленно – весь Льеув можно было обойти меньше, чем за стражу. Однако выйдя за деревянные стены поселения, он смог очистить округу от двух опасных монстров – кровососки и водяного.

Духовное состояние Клепия ни шло ни в какое сравнение с его внешней крепостью тела. Ведьма действительно посеяла сомнения в его голове, а томление в захудалом городке и вовсе убивало его, но двигаться без карты и определенного плана было бы глупо. Если темники тоже ищут печать, то на-

верняка уже на несколько шагов опережают стража. Поэтому каждый час был на счету. Гонец же пришел только на десятый день, да еще и с неполной картой.

В конце концов, Клепий решил действовать по обстоятельствам и, двинувшись на юго-восток Бравии, добрался до первого февсийского порта, там нашел первый попавшийся корабль, который отплывал на Морской Восток.

Гора Шармат располагалась далеко на востоке, там, где солнце пробуждалось первым, далеко за Эльфийским Протекторатом – враждебному Империи государству. Идти же пешком через государство эльфов страж не решил – лишь пять лет назад закончилась кровопролитная война империи с эльфами. Клепий решил добраться до Морского Востока и развитых городов-государств, отыскать там более точную карту и затем двинуться обходным путем по южной границе Протектората. Далее этой точки, Клепий планы не строил. Было естественным то, что он обдумывал мысль о предательстве одного из стражей Обители и, если ведьма не врет, то задача намного усложнялась. Теперь за печатью охотился не только Клепий, но и поборники Тьмы.

– Буду молить Ветроволосую богиню, чтобы ветра благоприятствовали нам, – ответил Клепий капитану судна.

Страж стоял на палубе корабля, опираясь на бортовое ограждение и вглядывался вдаль, туда где тонкая линия горизонта отделяла лазурное море от голубого ясного неба.

Капитану Лемису уже было далеко за пятьдесят, носил он

старые потертые кожаные брюки, порванную во многих местах рубашу, подшитую белыми нитями, а на голове он носил странный головной убор треугольной формы, который постепенно входил в моду в территориальных водах империи. Потрепанный вид, шрамы на лице и откусанная часть носа говорила о его прошлом, как о беспокойном времени. Первые два дня напролет страж проводил в каюте капитана, выпивая с ним по бутылке рома за ночь. Лемис был весьма говорливым собеседником, что ничуть не смущало молчаливого Клепия, он внимательно слушал капитана, который безо всяких проблем решил подвести стража Ордена до Ноблоса.

Лемис рассказал о том, как начинал путь моряка от простого матроса, нещадно драящего палубу днем и ночью, и заканчивая потоплением его собственного корабля – Водной Тверди. Лемис попал на корабль в шестнадцать лет, когда началась война с государством Южноземья – Орифагеном. Тогда, при abordage корабля, его в первый раз ранили в ногу, которая до сих пор ноет при смене погоды.

– Моя левая нога предсказывает погоду лучше, чем жрецы или маги, – отшучивался Лемис.

Юнга Лемис в скором времени стал навигатором для флота Детона Брулия, который проложил новый торговый путь в южную часть Заморья – колонии Морского Востока. Однако, там Лемиса захватили в плен пираты и он смог сбежать от них только спустя несколько лет. Вернувшись в Империю,

он стал боцманом при капитане Фавре на его знаменитом «Решительном». Тогда, вспоминал Лемис, началась страшная междоусобица между семейством Энтионов и Келуев, и судьба подала свою длань таким образом, что капитан Фавре оказался на нужной стороне. Война закончилась одним решающим сухопутным и морским сражением. В битвах при Лихих Водах, где ни один опытный моряк был не в силах предугадать течение, Фавре и флот Энтионов разгромил своих врагов.

– После этого жизнь меня еще побросала, – говорил капитан.

Он опустил те факты, при которых он стал контрабандистом. Почти десяток лет он работал на агентов Брулия и доставлял контрабанду минуя пошлины и налоги, пока его не настигли инквизиторы. Его хотели приговорить к смертной казни, однако богач Брулий через своих агентов сумел подкупить их и, таким образом, Лемис остался в живых.

– Вот тебе и история страж, взлета и падения, – сказал капитан, но затем пожал плечами. Впрочем, я не жалею о своей жизни, я изрядно прожил и надеюсь скончаюсь в морских водах, при каком-нибудь кораблекрушении. Я морское дитя и море должно принять меня.

– Надеюсь только не в этой экспедиции, – пошутил на этот счет Клепий.

Впрочем, капитан показался стражу славным малым. Его любила команда и сам он был опытным моряком, знал где

расположены рифы, когда грядут переменные ветра и прокладывал маршрут с учетом того, на каких островах располагаются пираты.

Утро выдалось ясным. Ни единого облачка на небе. Клепий уже успел позавтракать в который раз рыбой, на этот раз вареной. Страж не осуждал кока, так как эти морские волки привыкли есть то, что дает им море.

– Если честно страж, я не понимаю, зачем вы решили двигаться через Ноблос, – завел речь капитан Лемис. Сейчас на севере Морского Востока неспокойно.

Клепий ощетинился, как еж. Авторитета стража вполне хватала в землях Империи, или соседних королевствах, такие как Нозернхолл или Рабия. Однако, на Морском Востоке жили совершенно другие люди, с абсолютно другой культурой. Они не признавали ни Двенадцати богов и обращались с природой эфира совершенно небрежно. Война – эта всегда другие законы. Разруха, голод, фуражирные набеги. Клепий понимал, на что он идет, однако обойти стороной – значит лишиться времени, которого он итак потерял много.

– Когда вы в последний раз были в Ноблосе, капитан? – поинтересовался Клепий у Лемиса. И что там происходило?

– В Ноблосе я бывал давненько, мать его, – отвечал капитан, потирая свои грязные бакенбарды. Больше солнцееборота назад. А вот с месяц назад я вернулся в Лапир из Фибла, которые чуть южнее Ноблоса.

Клепий еще раз вдохнул свежего морского воздуха. Соло-

новатый и прохладный, он напоминал ему Обитель, которая располагалась на небольшом острове посреди моря.

– В Фибле я узнал о том, что на Морском Востоке появилась еще одна грозная сила помимо фанатиков Фахтаче и Пяти Колоний. Некто Куарья короновался, как царь Морского Востока и, Дадур их подери, без бутылки рома там не разберешься, кто с кем воюет.

Лемис рассказал о том, что Куарья был сыном убитого в прошлом консула Империи – Куарона. Он сбежал не без помощи слуг из столицы на Морской Восток. Каким образом он поднялся от сына консула до короля этих странных земель неизвестно. Помимо прочего, капитан рассказал и про сам Ноблос.

Ноблос – один из крупнейших портов на Морском Востоке, который успешно торгует благовониями, пряностями, эмирийской сталью, которая идеально подходит для легких, но прочных эмирийских доспехов, а также успешно экспортируют рабов в Империю. Город управляется Советом из сотни человек, среди которых самые богатые купцы города. Однако, как говорил сам Лемис, в городе появились опасные элементы – члены культа Фахтаче, агенты Куарья, а также странные природные явления – например дождь из рыб, или появление огромных песочных червей.

Сам Клепий не желал ни на йоту задерживаться в Ноблосе и желал, чтобы город для него стал эдаким перевалочным пунктом между Империей и горой Шармат. Он много думал

о словах ведьмы, в особенности о хранителе печати, который закован в гору. Он никогда не слыхивал о нем, что не удивительно – Шармат расположена очень далеко от Империи, к тому же доступ к горе перекрыт враждебным Эльфийским Протекторатом.

Капитан Лемис оказался прав. Ровно через три дня, ранним утром, они прибыли в Ноблос. Клепий щедро отблагодарил капитана серебряными дукатами, а сам решил двинуться в первую попавшуюся таверну – рассадник сплетен и новостей, чтобы узнать о текущих делах в городе и в целом, Морском Востоке.

– Будь осторожен страж, – почесывая свою густую бороду сказал капитан. Я морской демон и чую опасность издалека. Так вот, здесь ее полно.

Гавань Ноблоса воистину была огромной. Она превосходила по размерам множество имперских портов, но сильно уступала столице Фикий и гаваням Торгового Союза. К докам причалено множество кораблей самых различных государств – огромный флагманский корабль, судя по гербу с изображением грифона, был из Империи, так же там были пришвартованы небольшие, но вместительные гномьи суда из Высоких Пиков, даже торговые галеоны, покрытые щедрой растительностью, это были корабли амазонок. Множество судов неизвестно даже Клепию – судя по всему это были корабли из Морского Востока, Семиостровия – центра мо-

реплателей в Империи, и Южноземья, которые редко шли на контакт с иными расами.

Некоторое число торгашей располагалось прямо на пристани. Как только люди, гномы или амазонки сходили с кораблей, они тут же предлагали свои товары – еду, местные благовония для успокоения тела после дороги, морские соли, дешевые безделушки под видом антиквариата, целебные масла для потенции (которые расхватывались как горячие пирожки). Кстати, о горячих пирожках – их здесь было очень много. Клепий успел разглядеть уже целых три пекарни, из которых пахло ароматными булочками и хлебом. Запах выпечки смешивался с вонью рыбы, висевшей на сетях прямо перед портом, дерьмом, мочой и мужским потом.

Корабельные торгаши обычно не чурались нанимать для себя грузчиков – род занятий непрестижный и мало прибыльный, но ничего сложного в разгрузке корабля не было. Особенно сюда ретировались различные нищенские слои Ноблоса – бродяги, пьяницы, даже калеки умудрялись здесь заработать. После разгрузки корабля они дружно шли в ближайšie таверны и напивались до беспамятства, потратив весь заработок на выпивку, шлюх и ставки на петушиные бои.

Грузчики сновали туда-сюда, кто был пустой, а кто нагружен тюком, корзиной с товаром, или гномьими железными слитками. У них под ногами путались маленькие грязные попрошайки, выпрашивая у гостей Ноблоса хотя бы одну мо-

нетку.

– Алвай! – так почтительно обращались на Морском востоке к незнакомцу. – Подайте хотя бы один серебряник.

Клепий посмотрел на грязного сорванца, в рваных лохмотьях и дырявой обуви. Банда из таких детей рассеялась по всему порту, стараясь обобрать каждого до нитки. Клепий предусмотрительно убрал мешок с дукатами во внутреннюю часть плаща.

– Моя мама умерла, а бабушка – слепая и ходить совсем не может, – мальчишка говорил на восточном диалекте имперского наречия и Клепий хорошо понимал его. – Я ничего не кушал уже два дня, помогите мне, алвай.

Но страж хорошо знал, кто стоит за этими мальчишками. Нищие попрошайки в Ноблосе управлялись одним человеком, к которому стекались почти все богатства приезжих, решивших пожалеть этих детей.

Страж присел на одно колено и посмотрел в голубые глаза нищего мальчика.

– Дам один серебряный дукат, если скажешь, где найти хорошую таверну, – ответил Клепий.

– Так это вон, «Лев Морской», – ответил мальчик заулыбавшись. – Там дядька Сорик работает, жена его гадина, гоняет нас постоянно ведром с помоями да кипятком. А Сорик нас часто подкармливает. Что его псы не доедают, нам отдает.

– Как тебя зовут? – поинтересовался имперец у сироты,

зная, что безродные дети занимаются тут только попрошайничеством.

– Рими, – гордо ответил мальчуган. Меня так прозвал Курак, гном с торгового судна. Говорит, что я своей хитростью похож на Рими Златолюбивого.

Страж рассмеялся и погладил бродяжку по сальным выгоревшим волосам.

– Ну что, веди меня, Рими Златолюбивый.

И мальчуган повел его через узкие закоулки и центральные улицы до «Морского Льва», где Клепий решил ненадолго остановиться, чтобы пополнить припасы и расспросить местных о текущих делах.

Главная улица Ноблоса, которую местные именовали Проспектион, была широкой, здесь спокойно могли проехать четыре колесницы – средство передвижения, так популярное на Морском Востоке. Здесь сновали местные жители, о чем-то мило беседуя между собой, препирались торговцы, о стоимости товаров, ездили вольные всадники, у которых на плече был выгравирован корабль на фоне восходящего солнца. Мальчишка болтал, не умолкая ни на секунду, рассказывая о местных достопримечательностях и о тех торгашах, что дают ему на тарелку супа, или о тех злобных тетках и дядьках, у кого лучше не просить монет.

Как объяснил капитан – вольные всадники, это наемники Ноблоса, которые получали большую плату за охрану города. Но вряд ли они смогли бы выстоять против армии Куарья.

Вольные копейщики патрулировали город пешими и были хранителями порядка в городе. Они следили за сбором пошлин, пресекали бесчинства, особенно ночью возле таверн и питейных заведений, пытались рассматривать различные убийства, происходящие на улочках Ноблоса.

Клепий пошел по тому пути, по которому уверенно вел его мальчуган, знавший город как свои пять пальцев. Свернув с Проспектиона налево, в одну из более узких улочек, где располагалась кузница, Клепий и Рими пошли по прямой, пока не уперлись в развилку. Клепий увидел медную вывеску, без всяких надписей, которая, медленно скрипя петлями, покачивалась от свежего бриза. На вывеске был изображен лев с густой гривой, которая уже изрядно проржавела, выходящий из морских глубин.

Страж поблагодарил мальчика и его глаза округлись до размера монет, которых Клепий дал в благодарность бродяжке.

– Благодарю тебя Алвай, да будут хранить тебя боги! – улыбнулся мальчик. Мож свидимся еще.

Возле таверны было много народа, в особенности мужчины с голыми торсами, в которых угадывались грузчики.

– Вчера пришел корабль из Лапира, – Клепий услышал краем уха разговор одного из грузчиков – грузного, загорелого и с большим выпирающим животом. – «Гордость Февсии», капитан с рожей, которую изрядно покоцала оспа. Мы огрели этого оболтуса на десять золотых, стащили из его

трюмов бочку вина, сбросив ее в море.

– Где ж оно сейчас? – задал вопрос другой грузчик, более худощавый и курносый. Абы так и было, ты бы сейчас Метий был пьяным в кучу навоза, языка бы не ворочал.

– Так мы ж ее не выловили еще, – пожал плечами грузный мужчина.

Подле таверны стояли другие менее подозрительные личности. Худой малолетка, чье лицо было обильно покрыто прыщами, и лыка не мог воротить. Он поддерживал низкорослого лысого мужчину, который срыгивал остатки алкоголя из своего желудка. Тут же стояли две бочки с водой, если кому надо было умыться.

Клепий, проходя мимо грузчиков, одним лишь своим видом заставил их обратить на себя внимание, и они тут же начали перешептываться между собой. Страж, благодаря своему неестественному слуху смог расслышать пару фраз.

– Ставлю свою задницу на то, что Стосовет нанял его, чтобы захреначить этого ублюдка «Крысиного короля», – сказал третий, до сего момента не принимавший участия в разговоре.

– Хрен там, – парировал крепко сложенный грузчик. – Ставлю твою задницу на то, что Стосовет решил прикрыть этих ублюдков, которые завербовали мою сестру. Культисты, как гнойник на роже Ноблоса.

Клепий слегка удивился тому, что люди узнали в нем стража.

«А возможно и простого наемника», – ведь в Ноблосе оружие в открытую так обычно не носили.

Страж толкнул дверь, и та со скрипом отворилась, представив перед Клепием картину таверны.

Двухэтажное здание, построенное из сланца и кирпича, продувалось сквозняком через створки открытых оконных рам. Присутствующие разные запахи – жаренное мясо, хмельное пиво, сделанное на финиках, отварная капуста, потные тела местных жителей, жженный свечной воск, стойкая вонь перегара – все это смешивалось с какофонией различных звуков – голоса матросов, смех грузчиков, ворчание местных стариков, обсуждающих поднятие пошлин и местные проблемы, зазывания местных шлюх, карканье ворона, сидевшего на плече у одного из матросов.

Внешний вид Клепия всегда производил впечатление на обычных людей. Ситуация в таверне не стала исключением.

– Эй, смотри, – втихушку тыкал пальцем пьяный матрос. – У него меч и сам он с материка видимо.

Глаза местных пожирали Клепия, но никто не встретился в открытую со взглядом стража. Один лишь только хозяин таверны, стоявший за своим деревянным прилавком, улыбнулся Клепию и поприветствовал его на чистом имперском диалекте.

– Слава Империи! – трактирщик своей наружностью хоть и был загорелым, носившим восточные одежды, но внешность у него была явно имперской.

– Построенной на крови предков, амикус, – ответил страж, подойдя к стойке.

Было видно, каким хищническим взглядом хозяин трактира рассматривает Клепия.

«Я на этом постоялом дворе в роли животного в фикийском амфитеатре».

Трактирщик своим телосложением более походил на кузнеца, нежели на того, кто содержит постоялый двор – широкая грудь, едва прикрытая узкой восточной тогой, огромные ладони циклопа, неухоженная кучерявая борода и толстый живот, который можно было бы положить на прилавок, будь он чуть пониже.

– Амикус, как прошло твое плавание? – по-отечески обратился хозяин таверны к стражу, наверняка осознавая кем является этот человек.

Клепий был слегка удивлен теплым приемом трактирщика.

– Боги послали мне попутный ветер, чтобы я посетил ваш чудный город, – доброжелательно ответил Клепий.

Трактирщик расхохотался, держась за свой огромный живот.

– Меришка, – выкрикнул он куда-то в сторону крытой занавесью кухни. Тут гость из дальних рубежей. А ну быстро подай ему пиво из закрытого бочонка и жаркое.

Из занавеси показалась милое девичье личико – девочка внешне была похожа на своего отца – такие же густые брови

и большой широкий лоб.

– Сейчас папа, – ответила она и тут же скрылась за грязными, замасленными занавесками.

Не все столы были заняты, однако Клепий решил постоять у стойки и перекинуться парой слов с трактирщиком. Трактирщики те из людей, которые походят на мтырей, сборщиков налогов, только вместо денег у них слухи, а вместо мтарской сумки – голова, полная информации.

– Ну ты и насмешил меня, страж, – открыто улыбнулся трактирщик. – Да, Ноблос с виду действительно чудный, как ты и сказал. Я тоже так думал еще с пяток лет назад, когда решил сюда перебраться. Но внутри, он словно труп, кишачий червями и паразитами и, поверь мне, недолго то время, когда тело это окончательно сгниет.

Тут же из-за занавеси появилась та небольшая девчушка, неся в своих руках большой бокал с пенистым пивом.

– Мама говорит, жаркое будет готово через несколько минут, – сказала девочка и сделал поклон перед отцом.

– Хорошо Меришка, – ответил трактирщик, передавая бокал стражу. Скажи маме, пусть готовит быстрее, иначе останется сегодня ночью без пряников!

Страж, который утомился из-за столь жаркой погоды в Ноблосе, тут же пригубил финикового пива. Пена осталась у него на усах, сама же прохладная жидкость спешно посетила его желудок. Мягкий бархатный вкус пива ненадолго утолил жажду Клепия.

– Ну ты страж далековато забрел от имперских берегов, – сказал трактирщик, оглядывая свою таверну внимательным взглядом. – Я Сорик, здешний глава этих мест.

Сорик обвел руками по обе стороны таверны и сделал небольшой насмешливый поклон.

Судя по телосложению и тому оружию, что висело на стене, пьяные матросы и портовые рабочие редко устраивали здесь драки. На больших толстых гвоздях висел искусно сделанный арбалет с нитевой из грифоньевого волоса. Два гладиуса покоились в ножнах и так же были выставлены на виду.

«Возможно, что этот человек даже бывший легионер».

– Орден никогда не посылает стражей туда, где не служили бы прислужники Тьмы, – начал было говорить страж. – Меня сюда привело одно дело.

Казалось, физиономия Сорика застыла в одной гримасе, и он внимательно оглядел тех, кто находился в его здании.

– Тот, что был до тебя, говорил так же, – ответил трактирщик заинтересованному Клепию.

– Тот, что был до меня? – Клепий не выдал в своей интонации удивления.

Сорик кивнул головой.

– Страж, – ответил он. Велисарием именовал себя, как того знаменитого имперца.

Клепий еще раз глотнул свежего пива, томившегося в погребке «Морского Льва», и почесал в недоумении свою голову.

«Не помню ни единого стража с этим именем. Если это и был член Обители, то явно назвался он не так, как его нарекли родные».

– Где он сейчас? – тут же задал вопрос Клепий, решивший ковать, пока горячо.

Сорик облокотился своими огромными, словно валуны с гномьих гор, кулаками на стол и ответил страннику.

– Поет гимны богам в Фиолхарде, – ответил трактирщик с серьезным выражением лица. – Хотя я сомневаюсь, что боги будут довольствоваться чувством самоубийцы.

Пиво чуть было не застряло в горле Клепия. Страж – самоубийца? Тренированный воин-монах, клявшийся всю жизнь преследовать сторонников Тьмы решил свести счеты с жизнью? Еще и забравшись так далеко от Обители.

«Видят боги, тут запутан целый клубок, который я должен буду распутать».

– Он повесился, – ответил Сорик пожимая плечами. Хотя, по слухам, он что-то не поделил со Стосоветом, и его убийство инсценировали. Политика будет похуже дерьма, и я стараюсь лишний раз туда не лезть.

– Или был повешан, – попробовал эти слова у себя на устах Страж. Не угодил Стосовету?

– Факт остается фактом, его нашли повешенным на стропилах здешнего маяка, который указывает путь мореплавателям. Стосовет – местная элита, что-то вроде имперского сената, куда выходят большей части торгоши, с набитыми

карманами, нежели аристократы. Может лез не в свои дела, а может Стосовет подумал, что он соглядатай Куарья, хрен его знает.

Сорик пожал плечом, продолжая натирать до блеска деревянную поверхность стойки.

Имперский путник понимал, что дело тут такое же, как фикийская канализация – нечистое и пахнет дерьмом.

«Это не просто совпадение, что я оказался за тридевять земель там же, где повесился еще один страж».

В ордене, из-за строгой дисциплины, а также тяжелых испытаний, редко число членов Обители превышало пятидесяти человек, поэтому Клепий знал их всех лично. Но никого, под именем Велисария он попросту не знал.

– Он заходил к тебе в таверну? – поинтересовался страж.

– Еще бы, – сложил руки на груди Сорик. Ведь у меня самая славная таверна, среди этих всех ветхих харчевен в округе. Я никогда доселе не видывал стражей, но его узнал так же, как и тебя – по вашему плащу. А позже, разглядел ваш знаковый амулет.

Клепий машинально потянулся к своему амулету под кольчугой и, нащупав его, успокоился.

– Он не говорил, чего хотел? – поинтересовался Клепий.

– Спрашивал у меня о том, что творится в городе, – утвердительно кивал головой Сорик. Спрашивал о том, где находится Ноблосская библиотека. Все лепетал о какой-то горе. Шар... Шарган? Шаргат?

– Шармат.

– Точно, – ответил Сорик.

«Вот оно», – подумал Клепий. – «Значит, все это неспроста».

– Когда он был здесь? – спросил страж.

– Две недели назад, когда еще дули западные ветра. А с полторы недели нашли его повешенным.

Клепий понимал, что дело тут нечисто. Видимо, ему придется задержаться в Ноблосе дольше, чем он планировал.

– Он ушел после тебя в библиотеку? – поинтересовался страж.

– Да, – кивнул Сорик. – Правда, клянусь Двенадцатью, не знаю, нашел ли он то, что искал. Но на ночь у меня не остался.

Страж еще раз сделал глоток пива и поблагодарил трактирщика. Первым делом он, как хотел еще до таверны, решил отправиться в библиотеку, чтобы разузнать о горе Шармат и о Велисарии. Пусть благоприятствуют боги, чтобы Клепий нашел информацию и сразу же двинулся к горе. Однако, Велисарий задержался в городе неспроста и вряд ли он узнал о мифической вершине, где живет хранитель печати. Если Клепий ничего не найдет в библиотеке, то нужно будет осмотреть место самоубийства.

Вскоре, чудная дочурка принесла своему отцу жаркое, от которого аппетитно пахло. Желудок Клепия тут же отреагировал на столь ароматное блюдо и непроизвольно выдал па-

ру звуков.

– Усаживайся за любой свободный стол, – сказал трактирщик, подавая страннику блюдо. – Знай, если ты захочешь переночевать, я дам тебе лучшую комнату. Сегодня в плавание отбывает амикус Фелий с Семиостровия, посему там можешь расположиться ты.

– Почтенно благодарю тебя, Сорик, – кивнул головой страж, схватив в одну руку тарелку, а в другую полупустой бокал с пивом, на стенках которого до сих пор оставалась пена. – Пусть снизойдет на тебя милость Двенадцати богов.

– Приходи вечером, я дам тебе комнату, – улыбнулся Сорик. – Я соскучился по своим. Потолкуем хоть с тобой за чашами лучшего вина в округе.

Страж благодарно кивнул и отправился, под сопровождением любопытных взоров, за первый попавшийся свободный стол, который соседствовал с моряками. Они уже изрядно подвыпили, играли между собой в морские треугольники – интересную настольную игру, правила которой Клепий до сих пор не мог выучить. Капитан Лемис пытался его научить, но страж безнадежно проигрывал старому морскому волку в каждой партии. Один моряк смеялся над очередным ходом тощего паренька, судя по всему новоявленному юнге, другой, который играл с ним, крепко сжимал груди одной из шлюх. За следующим столом сидели грузчики – трое людей и один гном – пели непристойные песни.

– Одну бутылку рома нашему капитану! – завывали груз-

чики, в обнимку сидевшие друг с другом.

– Две бутылки рома команде нашей славной! – продолжил один из них, в котором Клепий узнал того, что стоял вне таверны.

– Три бутылки рома за морского бога Кельфа! – закричали все четверо.

– Четыре бутылки рома в задницу тупого эльфа! – закончилась песенка под веселый хохот грузчиков, судя по всему, являвшихся бывшими моряками.

Клепий в этот момент приступил к пище, жаркое было щедро посыпано различными острыми специями. В этот момент, страж осматривал двухэтажную таверну. Судя по всему, комнаты для странников располагались именно на втором этаже, который являлся пристройкой основному зданию. На стенах висели старые шелковые восточные ковры, с различными интересными узорами – на первом красные треугольники находились в желтых кругах, а те в свою очередь располагались в синих квадратах. На другом ковре была вышита реальная картина и Клепия передернуло от нее.

– О, боги, – вслух произнес Клепий, рассматривая ковер. На нем изображался один человек на мосту, в старых имперских доспехах «лорика сегмента», который сражался с бесчисленным количеством бравлян.

Клепий прекрасно разобрался в истории Империи и вспомнил, что Сорик так же знал этот факт и даже упомянул его.

– Имперский легионер из разведывательного отряда удерживает мост от бравлян, ожидая подхода имперских легионов, – произнес страж, почесывая свой подбородок. – И звали его... Велисарий.

Упомянутый ранее страж, назвался именем воина из легенд, благодаря ковру.

«Интересно, если это был действительно страж, то он даже не удосужился придумать свою легенду и имя заранее. Почему?»

Прикончив остатки обеда и до дна осушив бокал с финиковым пивом, Клепий решил не растягивать свое пребывание в Ноблосе и, узнав от местных, где библиотека, тут же отправился туда.

Глава третья. По следам мертвого стража.

7 число Месяца Листопада

Вольный город Ноблос. Морской Восток

Клепий не сомневался в том, что Велисарий отправился в Ноблос неслучайным образом. Не сомневался он и в том, что этот Велисарий и страж, что посещал ведьму в Зловонных топях – одно лицо. Библиотека Ноблоса с недавних пор стала самой большой и богатой библиотекой Морского Востока и, наверняка, страж старался отыскать в старых архивных документах любое упоминание о горе Шармат. Интересно, не потому ли он и вступил в конфликт со Стосоветом, может быть эта причина его убийства? А может это было и не убийство, а обычный суицид, хотя с каких пор стражи прерыва-

ют свою жизнь собственными руками? Да и с чего Клепий так уверен, что этот человек был стражем, а не маскировался под него?

Здесьние жители не слыхивали о такой горе, более интересовавшись политической жизнью и не спроста. Политическая обстановка на Морском Востоке накалилась до предела – Вольные города до сих пор придерживаются нейтралитета, пока Куарья воюет с Пятью Колониями – грозной силой в здешней ойкумене, везде бесчинствуют фанатики культа Фахтаче. И Куарья и Пять Колоний желают заполучить себе в союз в первую очередь Ноблос – самый крупный порт на Морском Востоке при этом, городские стены охраняются пусть и храбрыми, но малочисленными воинами, к тому же вольными наемниками. Своей армии у Ноблоса нет, посему, он для двух враждебных фракций представляется лакомым куском, который стоит на столе и ждет, пока его сожрут. В любом случае, рано или поздно, перед жителями Ноблоса встанет вопрос, на чью сторону встать, иначе город ждет завоевание.

Так почему же библиотека стала столь великой лишь в недавнем времени? Это было напрямую связано с тем, чем промышлял король Куарья. Город Месабад – культурная столица всего Морского Востока, которая по своей численности вряд ли уступает имперской столице Фикии. В то время, как Куарья был на подступах с многочисленной и разношерстной армией у Месабада, правящая элита не нашла ничего лучше,

чем сбежать из города, при этом вывозились телегами золото, книги, достопримечательности. Куарья же зайдя в наполовину опустевший город сделал его столицей своего королевства. Элита Месабада рассредоточилась по всему Морскому Востоку, большей частью во враждебных для Куарья Пяти Колониях, но некоторые поселились и здесь в Ноблосе, который чужд к каким-либо ветрам перемен в плане правящих кланов.

Клепий решил после посещения библиотеки зайти на один из базаров Ноблоса и подобрать себе одежду попроще. Здесь у стража нет авторитета и будет лучше, если он сольется с толпой и будет орудовать своим словом и кинжалом, нежели мечом, который у всех на виду.

«Главное, чтобы не было поздно. Хотя, здесь столько разных лиц, что мое, ничем не примечательное, мало кому запомнится».

Страж шел по Проспектуму, разглядывая дома, расположенные на центральной улице. В основном здесь были торговые и промышленные постройки, в особенности кузницы. Более всего тканых мастерских, где делали прекрасные одежды для мужчин и платья для женщин, так же жилых домов было не мало, где жили не такие уж зажиточные купцы. Богачи жили в отдельном районе, который располагался на холме у северо-востока, где находилась еще одна гавань, но более спокойная. Проспектум был для них слишком шумным и загрязненным, с чем Клепий не мог не согласиться.

Здесь было столько лошадиного и верблюжьего навоза, которого хватило бы для удобрения нескольких гектаров почвы. Мощеная крупными камнями дорога была буквально усеяна дерьмом, через каждый десяток шагов здесь встречались экскременты и Клепий даже решил поразвлечься и сыграть в игру.

«А чье это может быть дерьмо?».

Поначалу ему попадалось только лошадиное. Но углубившись в Проспектум, можно было встретить отходы кастрированных волов, мулов, верблюдов, тягловых быков и еще одних причудливых животных костоперов. Местные даже не замечали загаженности улицы, для них это было нормой. Помимо прочего здесь было много мусора, который люди не стеснялись бросать прямо на дорогу. В этом плане варвары Империи были намного чище, нежели жители Морского Востока, помои выливались прямо из окон домов, в переулках просто жутко воняло мочой и, не мудрено, что здесь так часто свирепствовали болезни. В городе была канализация, где, судя по слухам, проживал некий «Крысиный король», глава местной группировки. Клепий был удивлен тем, как может человек проживать в столь зловонном месте. Однако вспомнив его приключения на Зловонных Топях, он понял, что прожить так можно, потому как привыкаешь ко всему.

Жизнь действительно кипела на Проспектионе, где было полно всяких личностей – торговцы, местные жители, спе-

шащие по своим делам, либо прогуливающиеся и беседующие между собой, а также крестьяне, чьи повозки с сеном были запряжены волами. Через некоторое время Клепий добрался до здания, которое располагалось чуть поодаль от Проспектиона. К библиотеке вело два входа, дорога шла через своеобразный парк, в котором росли чудесные деревья Морского Востока – кипарис, папоротник, пальма, бахтачер, иллизим, а в глубине располагались древние и могучие секвойи, которым было не по одной сотне лет. Библиотека состояла из целого комплекса зданий, Клепий не мог сосчитать сколько их тут, но явно больше трех.

Клепий, на пути в библиотеку, не мог не пройти мимо цеховых кузниц – целого квартала по производству знаменитых эмирийских доспехов, откуда доносились многочисленные шумы работающих молотков, и стук наковален.»

Свернув на узкую улочку, которая так же была вымощена, но в этот раз белым кирпичом, страж направился к комплексу. Удивительные деревья создавали на тропе одну сплошную тень, позволяя передохнуть уставшему путнику от нещадно палящего солнца. Ветви кипариса клонились в сторону стража, приветствуя его своей зеленой листвой, на которой красочно играли солнечные блики. Дойдя до развилки, перед Клепием предстал высокий мраморный фонтан, на котором была высечена фигура гарпии.

Пройдя дальше, Клепий наконец добрался до комплекса зданий. В центре располагалась широкая площадка, где сто-

или различные каменные статуи, никого из этих статуй страж не узнал, судя по всему они являлись местными героями. На этой площади располагались два больших фонтана с акведуками, вода текла прямо в одно из зданий библиотеки.

Народу здесь было немного, но все же можно было найти и детей, и стариков. Дети располагались в небольшом каменном двухэтажном здании, мимо которого как раз проходил Клепий. Каменные колонны поддерживали крытый навес, защищавший детей от солнца. Они восседали на подушках и внимательно слушали своего наставника, говорившего на явном восточном наречии.

Это строение являлось лекториумом, где проводились занятия для тех людей, кто желал прослушать лекции по грамматике, астрономии, геометрии или истории. Второе строение было одноэтажным. Окруженное кустистыми деревьями, это прямоугольное вытянутое здание предназначалось для писцов, которые переписывали древние сохранившиеся манускрипты или переводили с других языков труды на восточный диалект. Третье было прямоугольным, с множеством небольших башен. На каждой из которых сидели гарпии, зорко наблюдающие за всяким, пришедшим в библиотеку. Его предназначение для Клепия не совсем было ясно, скорей всего в нем жили сами работники.

Сама же библиотека была намного больше по площади любого другого здания.

Стражу было до ужаса жарко, он пожалел, что не сменил

свои доспехи на более подходящие одежды. Клепию казалось, что он был дураком, среди расхаживающих в просторных тогах и продуваемых платьях людей. Он подобрался к одному из фонтанов, вода которого оказалась прохладной и чистой. Сверху на него взирал каменный человек, гладко-выбритый, с небольшим животом и набедренной повязкой. Скульптор искусно воссоздал личность первого основателя библиотеки – купца Калехара. Набрав в ладони воды, Клепий выпил и заодно умыл свое пропотевшее под солнцепек лицом, после чего направился к самой библиотеке.

Большое прямоугольное здание стояло на каменном постаменте, возвышаясь над всяким, кто входил в него. К главному входу вели тринадцать ступеней, которые Клепий одолел без труда, оказавшись под каменным козырьком с удивительно красивой резьбой.

«Здесь живет премудрость богов, ибо знание – делает из человека бога, а незнание творит из бога дурака», – прочитал про себя Клепий надпись, которая была выбита в каменной плите, расположившейся над широким входом.

Войдя внутрь, Клепий понял, что эта библиотека по размерам сильно уступала имперским, однако он верил, что в ней наличествуют те книги, которых в Империи нигде не сыскать. Здание было двухэтажным – на второй этаж вели полукольецевые мраморные лестницы с толстыми перилами. Повсюду стояли стеллажи, на которых находились различ-

ные свитки, манускрипты, письма, древние книги, даже какие-то непонятные предметы, вроде бронзового скарабея. В центре первого этажа стояла статуя одного из морсково-восточных богов, перед ней воскуривался фимиам и на коленях стояли люди. Второй же этаж был читальным залом, где за кедровыми столами сидели те, кто пришел сюда за знаниями предков.

– Эй, друг, – обратился Клепий к одному из мимо проходящих мужчин на древнем наречии.

Казалось, что незнакомец немного испугался грозного вида стража, тощий человек остановился и губы его затряслись.

– Не подскажешь, где мне найти главного либрариума? – задал вопрос страж.

– О, алвай, – отвечал незнакомец, поглядывая на меч стража. – Там.

Он тыкнул пальцем куда-то вверх, и Клепий начал подъем по мраморной лестнице. Большое количество открытых окон делали второй этаж наиболее освещаемым помещением по всем комплексу, свет проникал во все уголки библиотеки. Клепий вновь поинтересовался, где ему найти либрариума и ему указали на худощавого старика, одиноко сидевшего за одним из столов. Он был одет в одну лишь тогу – длинные седые волосы спадали на его правое оголенное плечо, короткостриженная борода была белее снега Сьердии, а впалые глаза и острые скулы, вкуче с густыми бровями придавали старику грозный вид. Однако, все его движения были

плавными и аккуратными, голубые глаза не метались из стороны в сторону, а плавно просматривали рукописи, лежащие на столе.

– Алвай, – страж сделал уважительный поклон.

Старик, сидевший за резным, крепко сколоченным кедровым столом поднял глаза, оторвав свой взгляд от папирусов и свертков, усыпавших стол. Ему хватило нескольких секунд, чтобы разглядеть новоприбывшего гостя.

– Амикус, – ответил либриариум практически на чистом имперском диалекте. Добро пожаловать, в библиотеку Ноблоса страж.

Теперь то, что в Клепии признавали стража, его ничуть не удивляло. Старик явно был начитанным человеком и отличить стража от рыцаря, наемника, легата или всадника ему не составляло труда.

Клепий погладил свою уже прораставшую щетину, осматривая великолепное убранство библиотеки. Все столы, как на подбор – новые из кедрового или кипарисового дерева, отлично налакированные, с закругленными углами. Столы попроще были без ящичков, более массивные имели при себе комод для письменных принадлежностей, хотя эта часть комплекса предназначалась именно для чтения. Стены помещения облицованы кварцем и бронзой, которые в сочетании между собой придавали библиотеке роскошный вид. Из бронзы были сделаны выпуклые в стенах головы – лики взирали на читающих осуждающим взглядом. Обычного чело-

века выражения выплавленных из бронзы лиц должны пугать. Перила были резными, как и контуры стен, а окна отличались прекрасной отделкой – края оконных рам, без стекла, что непривычно для имперца, были аккуратны замазаны глиной и покрашены в лазурный цвет, который подчеркивал ясное голубое небо над Ноблосом.

– Это здание поражает меня своей красотой, алвай. – хотел завязать разговор страж. – Воистину, эта библиотека – бриллиант в короне Ноблоса.

Старик хихикнул.

– Страж, будем честны, эта библиотека не сравнится с вашей фикийской, или магической библиотекой Дунхолла, – ответил на это либраниум. – Но мы бережем свои труды и нам важны не красоты этого здания, которое будет разрушено либо по пришествию землетрясений, либо обратится в пепел после завоеваний, но красота ума, здесь можно наточить свой ум и будет он острым, как твой меч. Меня зовут Аблат.

Клепий отметил красивый поэтический язык либраниума, который схож с риторикой февсийских философов. Стражу на момент показалось, что старик не один год провел в пределах Империи, что вполне вероятно.

– Я Клепий, алвай, – путник потянул руку старику и тот с удовольствием пожал ее. – Как ты уже понял, страж Ордена Света, несущий гибель для Тьмы.

Старик медленно потянулся из-за стола, опершись на него ладонями и встав на ноги, взял в руки трость, которая стояла

подле него.

– Я знаю зачем ты пришел страж, – ответил Аблат, положив ладонь на левое плечо стража.

Похоже старику было горячо от прикосновения нагретых на солнце доспехов, но он ничем не выдал этого.

– Боюсь, что здесь этой информации нет, – покачал головой Аблат.

«Проклятье Дадур! Не хотелось бы волею богов отягощать свой путь».

– До тебя сюда уже приходил страж, – продолжил старик и указал ладонью вперед, предлагая Клепию проследовать за ним. – Кажется, звали его, Велисарий. Как того имперца, что удерживал мост от тысячи варваров.

Клепий не понимал, куда его хочет отвести старик. Либо подальше от этих стен, что явно имели уши, либо попросту показать ему что-то. Страж беспрекословно подчинился Аблату и последовал за ним. Но могло ли быть так, что библиотекарю не желал держать стража в стенах библиотеки?

– Ты ищешь ответ, на тот же вопрос, что и он? – с ноткой неуверенности задал вопрос библиотекарю.

– Да, алвай, – ответил страж.

– Пойдем, выйдем на улицу, освежимся в местном парке. Люблю кипарисы. Они быстро вырастают и медленно старятся. Поэтому, я бы хотел быть кипарисом.

Клепий взял под руку Аблата, и они начали спуск по каменной лестнице. Страж был прав, библиотекарю хотел изба-

виться от лишних ушей и решил вывести путника в библиотечные сады.

– Вам известно, что случилось с Велисарием? – решил разбавить разговором затянувшееся молчание страж.

Старик медленно утвердительно кивнул головой и обратил внимание на статую посередине фонтана. Калехар по-прежнему стоял в центре площади, мраморная статуя зорким взглядом следила за тем, чем занимаются в библиотеке.

– Калехар был мечтателем, – заговорил Аблат. – Хотел собрать для своего города ценные знания и передать их потомкам. Знания не прерогатива одним лишь божеств. Люди тоже должны владеть ими.

Старик внимательно посмотрел на стража и их взгляды встретились. Казалось, что Аблат юлит.

– Так говорят люди, – продолжил старик. – А возможно, что Калехар сделал библиотеку, чтобы там обучались письму дети здешних купцов и щедро оставляли золотые монеты в его кошельке.

Он пожал плечами. Клепий не понимал, к чему клонит старик.

– Правда, под пеленой времени, становится менее примечательной и обретает более затуманенный вид, – продолжил говорить Аблат. – А человек, видящий в тумане очертания дерева, додумывает, что это опасный монстр, а ветви его, ничто иное, как огромные костлявые руки чудовища. Чем дальше ты от дерева, тем более фантазмагоричная картина выхо-

дит. Победители пишут историю, страж, а что если четыре века назад победила Тьма, кто-бы тогда сейчас для тебя казался плохим, а кто хорошим?

В скором времени они добрались до парка, где находились каменные скамьи. Аблат предложил сесть путнику на одну из таких, которая располагалась под густо заросшим кипарисом. Скамья была искусно вырезана из камня, на ее спинке красовались миниатюрные фигуры каких-то ближневосточных существ. Клепий увидел в них гарпий, ползунов, гигантских песчаных червей, авакул, джинов. Каждая из фигур была в действии – солдат поражал гарпию копьем, червь будто выпрыгивал из песка, пытаясь сожрать очередную жертву, авакул покоился в недрах морсковосточных гор, джин же сражался один против десятков воинов. Клепию понравилось с каким вниманием и любовью к деталям подходили местные архитекторы к своему делу.

Страж снова обратился к прежнему разговору.

– Хотите сказать, что горы Шармат не существует?

– Не могу этого утверждать, – пожал плечами старик.

«Он не хочет прямо отвечать на мои вопросы. Не доверяет мне».

Подувший ветерок слегка освежил Клепия. Ему хотелось быстрее снять с себя доспехи и перевоплотиться в рядового гражданина Ноблоса.

– В наших преданиях, имперец, есть упоминание о далекой горе на востоке, которая называется Шаремат, – сказал

Аблат. – Об этом сообщают много авторов и от народа ходит молва, я не могу сказать, где находится эта гора, хотя могу рассказать, что с ней связано.

«Уже что-то».

– Погодите, – прервал либраниума страж. – Велисарий сказал, зачем ищет эту гору?

Старик ответил отрицательно и начал свой рассказ.

– На Морском Востоке высоко почитают богиню, которая в имперской религии известна, как Огниво – богиня огня, огненной стихии и очага. Как вы ее именуєте? Жена? Охранительница очага. Восточные люди называет ее Фахтаче и тесно связывают ее с поклонением огню и огненной стихии. Тебе ведь известно, страж, что есть в наших краях, особенно пустынях, странное растение, именуемое мохиром. Мохир – это высокий кустарник, ростом чуть выше среднего человека и растет он всегда одиноким. Это наименьшая из его странностей. Когда мохир цветет, его бутоны не распускаются, совсем нет. Они начинают возгораться как свечи и через несколько часов куст превращается в горящий очаг. Мохир горит несколько часов неопалимым огнем, когда же огонь стихает, куст не поврежденный пламенем начинает умирать – бутоны опадают на землю, стебли становятся вялыми и сжатыми, в конце концов он умирает навсегда. Мохир часто связывают с богиней Фахтаче напрямую, говорят, что она действует через это растение на наш мир. Издревле в наших землях прижился культ этой богини, который в последнее

время стал весомой силой на Морском Востоке.

Прости, за длинное предисловие, но я должен был сказать про Фахтаче, ведь она напрямую связана с горой Шаремат. Не знаю, как в имперском Пантеоне, но в Восточных верованиях Фахтаче является самой красивой богиней и вряд ли, кто может затмить из других существ ее красоту. Если захочешь прочитать этот миф полностью, я дам тебе рукопись. Вкратце – появилась неписанная красавица на Востоке, настолько она была красивой, что приезжали к ней цари со всех земель, говорят, что даже император ваш просил ее сердца. Фахтаче не могла не заметить эту красавицу и внимательно следила за ней. Однако эта красавица, которую звали Месида, была влюблена в своего друга детства. Месида отвергала всех царей, королей, императора, даже эльфийского Мудрого. Когда она и Гесиор родились, их положили на один из камней, который раскололся под неведомой силой. Судьба говорила о том, что им не суждено быть вместе, однако они решили сделать из этого камня две круглые печати и носить их на груди до смерти. Но влюбился в Месиду сам бог Фарей – муж богини Фахтаче. И вспылала в ревности богиня, подобно самому обычному человеку. И решила увести мужа Месиды – Гесиора к себе. Фахтаче знала, насколько был честолюбивым Гесиор, потому приняла облик Месиды, только лишь для него. Когда Месида застала Гесиора и Фахтаче в одной постели, то вышла она в пустыню, дожидаясь, чтобы поглотил ее песчаный червь. Гесиор был вне себя

от горя. Фахтаче отомстила Месиде, своему мужу Фарею, а сама влюбилась в Гесиора. Однако, он отверг ее любовь, на что богиня незамедлительно отреагировала – бедный Гесиор был закован в гору Шаремат навечно. Таков сказ, точнее, один из вариантов сказаний. Правда эта остается до сих пор, лишь уже занесена песками лжи и недомолвок?

Старик умолк, а Клепий глубоко выдохнул. Красивое сказание, истина которого облачена в одежду мифов и легенд. Сама история была намного прозаичнее. Однако страж думал, что из этой легенды стоило бы вынести для себя. Возможно необходимо прочитать первоисточник. Однако, Клепий понимал, что все эти атрибуты Морского Востока – песочные черви, мохир, богиня Фахтаче, как-то связано воедино.

– Спасибо вам библиотекарю за предоставленный рассказ, – произнес страж, вставая со скамьи. – Значит Велисарий не сказал вам, зачем ему понадобилась информация о горе?

– Нет, – покачал головой библиотекарь. – Думаю, это как-то тесно связано с культом Фахтаче, чье влияние на Ноблос, так хочет повисить Стосовет. Стосовету нужен козел отпущения и они нашли его в виде огнепоклонников.

Слова старика прогремели словно гром среди ясного неба. Возможно культисты причастны к убийству названного стража, однако вопросов было по-прежнему намного больше, чем ответов. Культисты хотят найти одну из печатей? Они союзники Тьмы? Был ли Велисарий союзником Тьмы? Были

ли культисты союзниками Велисария? Кто убил стража? Зачем культисты ищут Шармат? Может быть они ищут Гесиора? Но зачем?

– Как вы думаете, алвай Аблат, могут ли быть причастны огнепоклонники или Стосовет к гибели Велисария?

Либрариум посмотрел на перстень, надетый на указательный палец правой руки. На нем изображалось небольшой прикрытый глаз, Клепий мог поклясться, что где-то видел этот символ.

– Гибели? – улыбнулся библиотекарь. Мне казалось, что страж повесился сам.

– Если честно, я сомневаюсь в этом, но все же искренне вас благодарю, достопочтенный либрариум, – имперец сделал небольшой поклон и отправился восвояси.

Нитка, которая вела Клепия из Империи в Ноблос окончательно запуталась, образовав один большой спутанный клубок. Страж не сомневался в том, что Велисарий и культисты Фахтаче играют роль в поисках горы Шармат и одной из печатей.

Клепий возблагодарил старика и обещал зайти в библиотеку позже, чтобы забрать сказание о Фахтаче и Гесиоре. Сам же направился в сторону маяка Ноблоса, чтобы увидеть место, где был повешен (или повесился) страж.

Ноблосский маяк располагался у северно-западной части города, на небольшом острове, к которому вел каменный мост, который зиждился на толстых колоннах, спрятан-

ных под беспокойным морем. Вход на мост охраняли пешие наемники, одетые в легкие доспехи. Двое арбалетчиков и двое копьеносцев разглядывали каждого, кто пытался нарушить порядок. Само же это место называлось «мостом влюбленных», некоторые называли его совершенно по-другому – «мостом самоубийц». Здесь люди часто, одержимые идеей тщетности бытия, потерявшие смысл в дальнейшем волочении жалкой жизни, сбрасывались с моста и убивались об острые многочисленные рифы, либо тонули в беспокойном течении.

Маяк возвышался над городом. Он был построен в небольшой крепости, которая защищалась гарнизоном из наемников. Издалека Клепию казалось это здание очень высоким и величественным, сейчас же эпитетов стражу не хватало вовсе. Маяк был грандиозной постройкой и позволял за много стадий разглядеть торговым кораблям ориентир на Ноблос. Кроме того, маяк был оборудован защитными машинами – катапультами, скорпионами и бойницами на крепости, защищая центральную военную верфь Ноблоса, где располагался сильнейший флот Морского Востока. Горожане служили именно на море, презирая сухопутное ведение войны и в этом напоминали храбрых Семиостровцев или северных варваров Сърдов.

Мало тенистая песчаная аллея, по бокам от которой располагались жароустойчивые пальмы, вела к единственному входу в крепость. Здесь этот небольшой островок сужался

и еще более возвышался над остальной территорией. Маяк был огорожен белыми кирпичными стенами, на которых постоянно патрулировали наемные арбалетчики и стрелки с луками. На входе стояли тяжеловооруженные воины с пиками, однако они не обратили особого внимания на Клепия. Что может сделать один человек против такого гарнизона?

Внутри крепости кипела работа. Телега, которую притащили два вола, стояла подле лестницы, ведущей к маяку. На телеге было целых шесть бочонков со смесью, о которой Клепий узнал позднее. Как ему рассказали, смесь эта называется красное золото, которое активно используется в культах Фахтаче, здесь же на маяке, она позволяет поддерживать постоянный огонь, который с момента постройки никогда не гас. Крестьяне двуручной пилой распиливали бревна, которые в дальнейшем передавали крепким мужикам с топорами. Дрова клались в специальные корзины, которые, благодаря недюжинным усилиям работников сверху, доставлялись в самое сердце маяка – очаг, где и горел огонь, предназначенный для плутающих по бесконечным водным просторам кораблей. Помимо работников и наемников здесь можно было найти жрецов, судя по красному балахону и расписной тоге они были священниками Фахтаче. Женщины занимались приготовлением пищи в другом здании, примыкающем к стене. Пахло свежесыпеченным хлебом и сладким картофелем. На другой стороне крепости, прямо под палящим солнцем на сети висела рыба, которая тоже годилась в

еду работникам маяка.

Страж еще раз осмотрел маяк. Здание было построено в форме цилиндра, без каких-либо видимых углов, если смотреть вверх, то ничего не разберешь. Клепий пытался без применения способностей эфира разглядеть где в вышине кончается маяк, однако ничего кроме летающих аистов и других более мелких птиц, щеголяющих под кучными тяжеловесными облаками, он не видел.

– Мне нужно поговорить со смотрителем маяка, – обратился Клепий к одному из наемников.

– А ты кто такой? – поинтересовался воин с изрядной долей скептицизма в голосе.

– Страж, имперец, – ответил путник, выставляя вперед бедро, на котором висел зачарованный меч. – Меня послали расследовать убийство, которое произошло тут недавно.

Наемник посмеялся.

– Самоубийство. Сентар на маяке, поднимайся.

Одно слово «поднимайся» стоило Клепию больше тысячи шагов. По началу он останавливался на каждой сотне ступеней, несмотря на хорошую физическую форму, преодолеть каменную винтовую лестницу было трудно. Позже, он начал останавливаться у каждого небольшого оконца, благодаря которым здесь гулял свежий прохладный ветер. Клепий взмок, сейчас ему хотелось сбросить доспехи и спрыгнуть с маяка прямо в море, окунуться в прекрасные морские воды. Однако дело было безотлагательным, он двигался все выше

и выше, проклиная все на свете и уже думая о том, как ему придется спускаться.

«Насколько толстыми ноги должны быть у смотрителя маяка?» – поинтересовался мысленно Клепий, думая о том, что подниматься сюда ежедневно невозможно.

Следующая остановка у окна стала для Клепия водопоём. Пригубив прохладной воды из фляги, он посмотрел в небольшое оконце, которое на этот раз выходило на юг. Отсюда выдавался прекрасный вид этого восточного муравейника – в некоторых местах крытые крыши практически были в настил, прикрывая друг друга, люди сновали туда-сюда, прятались под широкими козырьками на центральных улицах. Прекрасно было видно военную гавань Ноблоса – верфь, где кипела работа. Острое зрение Клепия позволило разглядеть как корабельщики строят очередной корабль для города, а матросы тренируются на старых триремах слаженной работе. Гавань была огромной дырой в Ноблосе, будто кто-то вырвал из города сердце и оставил там зияющую дыру. Корабли в гавани были словно селедки в бочке – забивали все водное пространство верфи. Клепий пытался сосчитать их количество, но уже после тридцати сбился. Сделав небольшую передышку, он отправился дальше вверх.

Вскоре, страж прибыл в самое сердце маяка – его святую святых, очаг, где всегда горел огонь, а смотритель поддерживал его круглосуточно от восхода и до заката Светила.

По всей округности лежали дрова, предназначенные для

поддержки огня. Стояли крепко сколоченные дубовые бочки, в которых хранилось «красное золото». Красное оно было только по названию, на самом деле же отливало двумя противоположными оттенками – лазурным и черным. В центре маяка стоял огромный котел, жар от которого чувствовался даже у самого края. Сентар, так звали смотрителя, стоял в одной простой набедренной повязке, исхудавший человек, тридцати-сорока солнцезаборов, с густыми бровями и жилистым телом. Специальный механизм, с крюком и лебедкой поднимал бочку вверх, одним движением рычага он опускал бочку и маяк возгорался еще сильнее. Пламя уходило далеко ввысь, опалая итак закопченный купол маяка. В центре купола зияла большая дыра, через которую выходил едва заметный дым от дров.

– Алвай, Сентар, – обратился издали к смотрителю Клепий, однако тот не услышал.

Путнику было невероятно жарко, он клял Бездной свою глупую голову, что торопился сюда. Казалось еще немного и страж грохнулся бы в обморок, если бы не его выдержка, тренированная в ордене. Солнце пекло далеко не так, как жар от маяка, огонь здесь пел свою бодрую, казалось, военную песню. Потрескивали дрова, которые слуги смотрителя подкидывали в огромное горнило. Сам же очаг был прикрыт чугунными прутьями, хоть немного, но это спасало от жара.

Смотритель сам заметил стража и направился к нему, отдав приказания своим слугам.

– Да не опалит тебя пламя нашей богини, путник, – поприветствовал смотритель своего гостя, сразу же признав в нем стража. – Меня зовут Сентар.

– Я Клепий, член ордена Стражей, – ответил гость. – Могу я тебя ненадолго отвлечь своими расспросами, Алвай?

Сентар кивнул головой и отошел чуть подальше от горни-ла, к ограждению верхнего этажа. Он облокотился на камен-ный парапет, где открывался еще более потрясающий вид. Протяни руку и половина города будет тебе по локоть.

«Наверно, так видят только боги. И смотритель Маяка».

Судя по обстановке, боги покинули это место из-за силь-ного жарева. Был только Сентар с бронзовой кожей и его слу-ги, которые трудились в поте лица.

– Вы можете рассказать, что тут произошло, неделю на-зад? – задал вопрос Клепий.

Сентар со смешанными эмоциями посмотрел на Клепия и начал рассказ.

– То был мой рабочий день, мы попали в пересменку с моим товарищем смотрителем Ламосом. Это я обнаружил тело стража, оно висело на веревке, того подъемного меха-низма. Была вторая половина третьей дневной стражи, солн-це уже зашло за горизонт и было темно, поначалу я не мог разобрать, что висело на веревке. Слуги втащили на маяк те-ло, закованное в кольчугу, я не знал, кто это, пока слуги не передали мне слухи из склепа. Только на следующий день я узнал, что этот человек приплыл из Империи. Что заставило

его пойти на этот шаг неизвестно.

От стража не ускользнул бегающий взгляд Сентара и то, что он постоянно отводил свой взор от глаз Клепия. С виду он не казался уверенным в своем рассказе, но голос его держался твердо. И все равно, что-то в его истории не сходилось.

– Разве при пересменке на маяке никого не бывает? – поинтересовался Клепий у зрителя. – Я думал, вы сменяетесь только на этом месте.

Сентар начал нервничать. Его левая рука теребила набедренную повязку, а правой он поправлял потрепанную прическу.

– Да, но в тот день Ламос спустился с маяка раньше времени, ссылаясь на боли в животе, – ответил Сентар. – Говорил, мидии, купленные у Местофана на рынке, были несвежие. Этот гад и мне в тот раз подсунул рыбу, которая уже три дня разлагалась на прилавке, сдобрил ее солью как следует.

Клепий понимал, что обычным разговором тут мало чего добьешься. Сила – это показатель любого человека и проявляться она может в разных ипостасях. У кого-то есть сила физическая, у кого-то умственная. Здешний зритель не владел ни той, ни другой и страж думал, что стоит только лишь немного поднажать и Сентар лопнет как переспелый мандарин.

– Боги посмеиваются над таким удивительным совпадением, Сентар, – говорил страж. – Каким же образом Ламос не увидел стража, а если он его и видел, то почему не пере-

дал тебе, что чужой на маяке? Где же были слуги Ламоса в тот момент?

Голос Клепия был настолько железным, что о него можно было точить клинки.

– Клянусь Пламенем Фахтаче, страж, он отпустил своих слуг раньше положенного, я видал их на обратном пути, два дурака близнеца. Я не знаю, зачем Ламос сделал это.

– Это Ламос убил стража? – с угрозой в голосе задал вопрос Сентар.

– Я не знаю, клянусь, – отвечал смотритель маяка, чьи поджилки уже начали трястись от страха.

Страж решил перейти от вербальных угроз к делу. Взяв Сентара крепко за руку, одним движением он опрокинул затрусившего смотрителя за парапет. Тот сильно ударился ребрами о камень и сбил свое дыхание, но как только оно восстановилось, Сентар начал истошно кричать.

– Подними меня страж! – орал смотритель во всю глотку. – Заклинаю тебя всеми богами Делиона, втащи меня обратно.

Только крепкая хватка Клепия отделяла Сентара от свободного полета в воздухе. Смотритель схватился другой своей конечностью за руку Клепия и с выпученными глазами просил его затащить наверх. Его ноги барахтались в воздухе, он старался наступить на стену маяка, однако они каждый раз соскальзывали, осыпая вниз крошечные камни и таким образом Сентар раскачивался в воздухе.

– Говори правду! – потребовал Клепий. – Или я отпущу тебя вниз и падать ты будешь не дольше дождевой капли. Только вот капля высохнет, не оставив и следа, а твое тело будут соскребывать с камней.

Слуги Сентара смотрели на все это, но не вмешивались. Однако всего тут было двое слуг, один куда-то исчез. Они что-то кричали на восточном диалекте Клепию, при этом продолжая заниматься своей работой. Они опускали благодаря рычагу длинную веревку вниз вместе, на котором должна была быть корзина.

– Скажу тебе правду, клянусь! – умолял Сентар пощадить Клепия. – Клянусь неопалимой Фахтаче, я все тебе расскажу, как было.

Сентар оглядывался по сторонам, стараясь что-то рассмотреть, на что страж не обратил внимания. Клепий держал смотрителя крепко за руку и ждал, пока тот ответит на все его вопросы.

– Кто убил стража Велисария? – повторил свой вопрос страж.

– Клянусь, я не знаю, клянусь, – ответил испуганный до смерти Сентар.

– Тогда Расскажи мне всю правду.

– Расскажу, клянусь всеми богами Делиона, – ответил Сентар. – Только затащи меня обратно.

Клепий не поддался искушению напугать смотрителя еще больше. Суда по его состоянию, он готов был рассказать все

что угодно, даже признать себя владыкой Империи. Страж втянул зрителя на парапет и схватился за его набедренную повязку.

– Если я увижу, что ты врешь, то толкну тебя, – произнес страж. – Умеешь летать?

Сентар судорожно покачал головой. Клепий видел в его бегающих глазах испуг, руки зрителя тряслись как при болезни, именуемой трясучкой. Сентар был перепуган и дрожал, словно опавший осенью лист на ветру. Слуги продолжали крутить лебедку, Клепий и вовсе перестал обращать на них внимание.

– Рассказывай все, что ведомо тебе.

– Хорошо, хорошо, – ответил Сентар, выставив в знак доброжелательности вперед ладони. – Клянусь Неопалимой, что в тот вечер я не знал, что должно свершится. Да, я слышал от местных, что в город прибыл из Империи член какого-то старого ордена и назвался он исконно имперским именем. Слышал, что связался он с Крысиным королем, а после его прибытия культисты Фахтаче стали чувствовать себя увереннее и все чаще принимались за сожжения людей. Да и не секрет для людей с маяка, что Ламос симпатизировал огнепоклонникам, но как только Стосовет начал на них охоту, он сразу же открестился от них.

– Это ложь, – потянув за повязку зрителя ответил Клепий. – Стражи не принимают участия в мирских делах и обязуются клятвой защищать мир от тварей Тьмы.

– Стой, стой! – кричал смотритель. – Я говорю тебе, что слышал от других. Возможно это просто слухи.

– Что было дальше?

– В тот вечер я встретил слуг Ламоса на мосту влюбленных и не стал задавать лишних вопросов. Мне показалось это странным, но мало ли, что у старика было на уме. Он уже проработал на маяке с самой юности с двух десятков лет и может быть башка съехала набекрень от жары, почему мне знать? Самого же Ламоса я встретил уже в корзине, по которой он спускался вниз.

Клепию этой информации было мало.

– Он был испуганным? Загадочным?

– Наоборот, – ответил Сентар. – Он выглядел довольным, когда вылезал из корзины, однако, как только заметил меня, то сразу же схватился за живот и рассказал то, о чем я говорил тебе раньше, страж.

«Так значит смотрители и слуги поднимаются по одному в корзине наверх, а не пешком по лестнице. Этот говнюк заставил меня преодолеть тысячу ступеней, ничего не рассказав о корзине».

Клепий чувствовал, как сильно болят его ноги, особенно в области икр. Они были вздуты, а ступни будто горели от усталости.

– Погоди, что-то тут не сходится, – сказал страж и посмотрел на слуг, которые еще крутили лебедку непонятно зачем. Рычажный механизм находится только на маяке, или на зем-

ле тоже?

– Только на маяке, – ответил Сентар, понимая к чему клонит страж.

– Кто же тебя тогда поднимал? – снова затряс зрителя Клепий. – Если наверху никого не было. И кто опускал Ламоса?

– Клянусь страж, клянусь Неопалимым пламенем Фахтаче, я не знаю, – кажется на этот раз Сентар говорил правду и далее он рассказал, что произошло. – Вскоре, когда я уже был близко к вершине я видел, как на веревке болтается чье-то тело и я до смерти перепугался. Когда мы наконец поравнялись с мертвецом, чьи глаза повылазили из орбит, я от страха надул в штаны. Я трус, страж, я трус, я не мог убить твоего друга.

– Когда ты добрался до верху, кто был у рычажного механизма?

– Я не добрался до верху, – ответил на это Сентар, который в тот момент уже расплакался. – Я остался один на один с мертвецом и трусливо рыдал в отчаянии, кричал, стараясь докричаться до тех, кто был внизу. Так как слуги Ламоса ушли раньше времени, то и поднимать моих слуг было некому. Они шли пешими долго, для меня казалось, что целую вечность. Я ничего не знаю, тебе надо поговорить с Ламосом.

Клепий нутром чувствовал, что в этом деле с мертвым стражем был замешан второй зритель маяка, первый же был обычным трусом и дорожил своей шкурой. Сентар был

прав, он не мог убить Велисария, Клепий готов был поклясться своей головой, что Сентар то и комара забоится убить.

– Где мне найти Ламоса?

– Где точно, сказать не могу, – глаза Сентара покраснели от слез, сам же он трясся подобно одуванчику, который ласкается весенним ветром. – Он живет в Рыбьем квартале, неподалеку от пристани.

В этот момент выражение лица Сентара сменилось с расстроенного на удивленное и он посмотрел за спину стражу. Клепий обернулся, но было поздно. Арбалетный болт прошел насквозь его кольчуги, прямо подмышку. Он упал на одно колено от болевого шока. Правое предплечье онемело и сильно жгло от боли. Двое наемных арбалетчиков поднялись в корзине, благодаря слугам. Клепий поздно сообразил, что они спустили третьего слугу смотрителя, чтобы тот позвал на помощь. Все это происходило за доли секунды, второй арбалетчик понял, что имперец еще не повержен, начал быстро заряжать оружие. Рука разжалась и Сентар судорожно упал на пол маяка.

Все это произошло моментально, арбалетчик прицелился и был готов выстрелить. Клепий закрыл свои глаза и окунулся в пучину эфира. Боль ушла на задний план, жжение прекратилось, страж почувствовал себя незначительной маленькой точкой в кипении жизни безграничного эфира. Ментальные щупальца стали перебирать нити времен. Здесь, в ме-

тафизике, Клепию казалось, что прошло много времени, но в физическом мире он еще был жив. Скорее всего арбалетчик даже не успел выстрелить. Нащупав нужную нить времени Клепий приложил много усилий, чтобы открыть дыру в метафизическом пространстве и просочиться через нее в реальность.

– Где точно, сказать не могу, – Клепий вдохнул свежий воздух и поначалу тело не хотело подчиняться ему, однако тренированный воин-монах все же превозмог над собой. – Он живет в Рыбьем квартале...

После этих слов Клепий повернулся в сторону слуг, которые уже делали последний оборот рычага. Арбалетчик только брал свое оружие на изготовку, даже не успев прицелиться, у второго же стражника арбалет и вовсе был опущен. Несмотря на полное отсутствие сил, казалось, что эфир высосал все физические силы Клепия, страж из последних сил делает кувырок вперед и арбалетный болт проходит мимо. Встав быстро на ноги, он вынимает из своих ножен зачарованный мастерами рун меч и направляется к корзине. Второй арбалетчик целится в Клепия, однако страж, наделенный звериными рефлексами, успевает пригнуться от выстрела. Болт попадает в подвешенный бочонок с красным золотом и проходит насквозь. Когда Клепий бежал в сторону подвешенной корзины, брызги от бочонка разлетелись по маяку и головешки от огня попали на красное золото. В один момент, за спиной стража происходит чудовищное зарево, и

он слышит краем уха как слуги Сентара начинают истошно кричать от боли.

Первый арбалетчик так ничего и не смог поделывать, не успев ни перезарядить, ни достать оружие ближнего боя он получил лишь прикосновение клинка стража по горлу. Однако это касание заставило его захрипеть, кровь хлынула из пульсирующей вены, орошая деревянную корзину, покрытую соломой. Второй арбалетчик вовремя достал изогнутый кинжал и пытался пырнуть стража. Кинжал только лишь попал в кольчугу, не оставив заметных повреждений даже на доспехах, не говоря уже о теле Клепия. Первый раз страж не пожалел о том, что не снял свое обмундирование. Корзина была слишком тесной для двоих, поэтому уклониться второму арбалетчику от удара Клепия было невозможно. Меч легко прошел через кожаные доспехи и наемник, пораженный полуторным оружием в сердце, не издал ни звука. Корзина покачивалась по инерции и Клепий понимал, что веревка скорее всего выдержит, но стоит ли испытывать богов на превратности судьбы. Развернувшись, одним прыжком он добрался до парапета и увидел, как почти вся площадка маяка горит. Красное золото попало на дрова, которые спокойно лежали и ждали своего последнего часа в горниле. Теперь возгорелись и другие бочки. Клепий понимал, что пора двигаться отсюда.

Страж думал о том, что его ожидает спуск на тысячу ступеней вниз, но не осознавал, что натворил на маяке. Он убил

двух людей, еще двое сгорели, превратившись в головешки, жутко воняло жареным мясом и палеными волосами, все двое слуг застыли в ужасных позах и пламя до сих пор плясало на них. Однако Сентара на маяке уже не было.

«Надо его догнать, пока он не забаррикадировал меня на маяке!».

Кровь забурила в теле стража, он начал осознавать, что на этот раз его зачарованный меч поразил не прислужников Тьмы, а обычных людей, которые еще вчера пили в таверне, веселились с друзьями и спали со своими женами. Однако оставить в живых Сентара было нельзя, иначе он поднимет тревогу.

«Мое первостепенное задание – найти печать. Люди не должны вставать на моем пути и мешать божественному свету».

Клепий решил, во что бы то ни стало, догнать Сентара и остановить его, хотя бы так, чтобы тот потерял сознание. Страж прикрыл своими руками лицо, так как шлема на нем не было и пробежал через коридор, пожираемый с двух сторон пламенем от красного золота. Все же некоторую часть волос он опалил, но успел добраться до выхода к ступеням и тут же ринулся вниз, перескакивая через каждые три ступени, стараясь догнать Сентара.

В праведном гневе его чувства были острыми, словно секира палача, адреналин в его крови бил фонтаном, Клепий был подогреваем энергией эфира и чувствовал все тонкости

материи. Острый слух позволял слышать, как морские волны разбивались о корма кораблей, взмахи крыльев птиц, а зрение фокусировалось на одной точке и страж мог различить каждый нюанс в стенке маяка. Нечеловеческая скорость бега позволила Клепию нагнать Сентара.

В таком состоянии Клепий не понимал, как Сентар испугался его появления. Смотритель маяка пал на колени в угол и истошно рыдал, умоляя пощадить его. Однако гнев, который завладел стражем не позволил ему остановиться. Меч оставил красную кровавую полосу на груди смотрителя. Клепий был словно в пелене тумана и толком не помнил, как выходил из Ноблосского маяка.

Глава четвертая. Распутывая клубок.

Есть хороший сказ о том, что из себя представляет зло и какое является злом наибольшим.

Клепий вспомнил легенду о Миротворце – одном из восточных богов и, пожалуй, наиболее почитаемом, наряду с Вездеходящим. Страж услышал этот сказ много лет назад, еще в юношестве, но мало понимал, о чем говорилось в нем. Теперь этот миф выплыл на поверхность, словно утопающий после недельного пребывания в иле глубокого морского дна. Тело это разбухло и стало явным, то же самое и со сказом, который теперь стал для Клепия действительностью.

Миротворец – главный бог Судия, восседает в своем цар-

ственном зале с тысячами слуг. Когда наступает суд, слуги сидят настолько тихо, что ни один шелест в это мгновение нельзя услышать. Даже звери, обладающие абсолютным слухом, впадают в уныние от этой загробной тишины, которую называют Тишь Хаа.

Жил в Месабаде один значительный правитель, который был действительно великим, не только на устах народа или в буквах свитков, но и на деле. Звали этого царя Абисад и был он слишком горделивым. Но гордость не помешала ему сделать Месабад удивительным городом и заселить его людьми с окрестных земель. Таким образом Месабад под владычеством Абисада стал самым крупным городом на Морском Востоке. Он удачно вел войны, расширяя территории своего царства, а захваченные города облагораживал, предоставляя населению цивилизованную жизнь. Покорил за то время многих, почти весь Морской Восток, однако только племя Сеферитов, что находится на северо-востоке, не покорялось, потому как жили они в самом центре пустыни среди непреступных песчаных валунов. Племя то было очень многочисленное, но город был всего один – Сефер.

Случилось так, что Абисад в одном из походов попал в засаду со своим многочисленным войском. После перехода через пустыню они были настолько обессилены и жаждали воды, что сеферитам не составило труда разбить их и взять десять тысяч лучших воинов в плен. Абисад спасся лишь благодаря одной из своих наложниц, которая предоставила ца-

рю свои одеяния и, таким позорным образом, он смог вернуться в Месабад.

Затаил глубокую обиду Абисад на сеферитов и воспламенилась в его сердце чудовищная жажда мести. К тому же, возжелал Абисад освободить своих братьев – те десять тысяч пленных, которые верно служили ему многие лета. Однако царь знал, что город этот Сефер располагается на вершине песчаной горы Сефа и приступом взять его невозможно. Это съедало его изнутри. День за днем царь старел, как по часам, через неделю половина головы его была седой, словно облака, посылаемые богами. А через две недели тело его сохло, слово древо, не поливаемое дождем. Как ни пытался, его любимый брат Месид успокоить своего царя, у него этого не получалось.

И вот, в одну ночь, явилась богиня Немерис, насылающая порчу в опочивальню Абисада и молвила ему:

– О, Царь царей, сколькими же ты народами повелеваешь? Над каким количеством простирается твоя правящая длань? Не ты ли усмирил народы фтара, коледов, ихтеров, намунов и еще с десятков? Отчего же ты не можешь покарать сеферитов? Скажу тебе вот что. Я помогу тебе спасти десяток тысяч твоих людей, найшу на сеферитов страшную болезнь, и будут они выплевывать свои внутренности семь дней и тогда откроются тебе врата Сефер и войдешь ты в запустевший город. И будут тебя встречать как освободителя собственного народа и наречешься ты отцом для тех десяти тысяч, что

спасешь. Но все в жизни людей имеет собственную цену. И если ты оплатишь ее, то да будет так, как я сказала.

Естественно, Абисад, после столь воодушевляющих и торжественных речей решает спросить, что же это за цена такая. Говорит, что и глаз свой отдаст и другие члены тела, лишь бы спасти тех, кто воевал за благоденствие в его царстве. Богиня же Немерис ответила ему.

– Цена не столь высока, отдать одну душу, взамен десяти тысяч тех, кого ждут дома жены, матери, сестры и дети. Отдай же на заклятие своего брата, возлюбленного Месида и пролей кровь его на моем алтаре. И дарую тебе все то, о чем молвила я раньше.

Три дня и три ночи Абисад раздумывал над предложением великой богини. Но на четвертое утро понял царь, что пленные поданные его голодают в темницах Сефера по его вине уже три солнцехворота. И согласился он на предложение богини.

Заклав своего брата на алтаре, кровь родственная пролилась на священное место Немерис. Удовлетворенная богиня повелела всем пленным нанести на головы каменным мелом, что был в избытке в темницах, знак свой – простую фигурку из палочек с лунным диском, и исполнила все то, что обещала. Передали разведчики пленным эти слова и сделали они, как того пожелала богиня. И наслала Немерис страшную болезнь на Сефет, и каждый от младенцев до стариков, уже изнемогающих на одре смертных, почувствовали недуг. Пер-

вый день харкали они кровью, младенцам же повезло пуще остальных, умерли они уже на третьи сутки. Другие же выплевывали сначала легкие свои, а затем и другие органы, пока на седьмой день не почили.

Вошел царь в опустевший город и увидел все, что обещала богиня, исполнено. Абисад возрадовался своим десяти тысячам детей и отблагодарил богиню обильными жертвоприношениями.

Но всяк, что есть во вселенной, имеет свой конец. Так и Абисад, отошедший от мира сего оказался в залах Миротворца. Бог Хаа, восседал на своем золотом троне и ростом он был выше всяких стен городских. И были из спины его крылья орлиные, а голова же у него была совы, что мудростью своей почиталась везде. И говорит ему Хаа, указав на Весы Судьбы.

– Вот сотворивши зло одно меньшее, – указал Миротворец на огромную чашу весов, где лежал брат Абисада Месид в том же положении, как его закололи.

Абисад, увидев своего брата умершего, расплакался и пал на колени перед Хаа, моля его о пощаде. Но бог Судия его не слушал.

– Вот зло большее, – указал Хаа на чашу, где увидел Абисад десять тысяч его верных сынов, мучимых в плену. – Оставив их и не уплатив в жертвы своего человека любимого, погубил бы ты десять тысяч этих душ.

Абисад заплакал еще сильнее, распростёршись ниц даже

и не думал, поднимать своих глаз на бога, ничем не подкупаемого, никого не боящегося. Наоборот, все боги и демоны боятся Хаа, так как судить он будет всех и даже самого себя.

– Что ты выбрал из двух? Наименьшее ли?

– Истинно, – отвечает заплаканный Абисад. – Одну душу отдал ради десяти тысяч тех, кого дома ждут матеря, жены, сестры и дети.

На эти слова Миротворец поднялся со своего золотого трона. Тысячи писцов, что свидетельствовали на папирусах показания Абисада, умолкли и пали ниц перед величием своего бога-Судии.

– Скажи мне, заклинаю своими Весами Судьбы и братственными мне богами, кто тебе дал власть распоряжаться чужими жизнями? Отчего же ты подумал, что эта одна жизнь стоит так мало, по сравнению с десятью тысячами других? А не думал ли, что ты, детей не имеющий, но имеющий наследником своего брата Месида определил судьбу своего народа? Ибо было предначертано то, что Месид, брат твой, став царем, спасет в войне сто тысяч душ. А что теперь, скажи мне, тварь богов, пропадут ли эти сотни тысяч в пучине мрачной войны?

Абисад бился в истерике и не мог совладать с собой. Между тем Хаа продолжал:

– Я тебе говорю, истинно. Как Судия и Владелец Весов Судьбы говорю, что не знаешь ты власти над жизнью и отнимает ее лишь тот, кто дал ее. Возомнил ли ты себя бо-

гом? Тогда ты будешь богом для тех десяти тысяч, которых проклинаяю я именем своим. И будут они мучимы вечность в песках Морского Востока и увидят они падения града твоего. Иди же в самую глубокую Бездну, поля Мехеелы для тебя закрыты.

Клепий четко понимал, почему в его голове всплыло это сказание, которое он услышал много лет назад, когда еще состоял на послушании в Ордене Стражей. Сегодня он лишился жизни обычных людей, кого дома ждут дети и жены. Возможно, они были не столь невинными как казалось, однако, лишая жизни тех, кто поклоняется Тьме и извратили свою душу грязной природой эфира и обычных людей – совершенно разные вещи. Страж много раз сталкивался с жадной и отвратительной людской природой – насилие на войне, разграбление старых захоронений, изнасилование женщин в кабаках, однако дело обходилось в таких случаях малой кровью. Сейчас же погибло много людей. И страж непрестанно думал о том, стоили ли эти жертвы цели?

«Моя цель – отыскать печать. Старое сказание поучительно, но, когда на кону стоит жизнь всего Делиона, несколько трупов – это всего лишь преграда, которую преодолеть было необходимо».

Спустя мгновение мысли менялись. Он спорил со своими совестью и честью.

«Они были невинными, я убил их своим оружием. Кто они

– агнцы, возложенные на алтарь ради благой цели или жертвы разбойника? Пусть боги рассудят».

Клепий решил после наступления заката помолиться в своей комнате в таверне. А пока, неотложные дела звали его в дальнейший путь, клубок из хитросплетений предстояло расплести, отделить зерна истины от плевел лжи.

После того, как он вышел из маяка, поднялся шквал различных слухов. То, что произошло, каким-то странным образом, заметили почти сразу. К тому моменту, как он зашел к цирюльнику, чтобы отстричь свои волосы и побрить бороду, в народе уже ходила разная молва, о происшествии на маяке.

– Культисты Фахтаче заживо спалили одного из зрителей маяка, – говорил один из бедняков, которому отстригали выющиеся вшивые волосы.

– Да ты дуралей, – отвечал ему другой. – Этот зритель и был культистом, убили его либо свои же, либо прознали о нем стражи, да решили зажарить на огне маяка.

– То погиб Сентар, – вставил свое мнение цирюльник, который небрежно владел своими ножницами. – Этак, старый червь Ламос, как поговаривают дружки его, тесно общался с культистами.

– Вот поганцы! – раздался голос из другой стороны помещения. – Эти ублюдки хотят обратить весь в город пепел, во славу своей богини.

– А мне кажется, что Стосовет просто хочет снова обрести популярность в народных массах.

– Какой Стосовет? Это все агенты Куарья.

Клепий пытался выудить хоть капельку информации из нагромождения, которым наполнились слухи. Он решил кардинально поменять свою внешность, потому как третий слуга Сентара успел бежать и мог донести властям Ноблоса о произошедшем на маяке. Поэтому Страж первым делом прикупил себе на местном базаре просторную прохладную одежду, а свои доспехи оставил в таверне Сорика. Хотя не было сомнений, что все обвинения падут на него, так как много людей видело стража, когда он выходил с маяка после гибели зрителя.

Трактирщик, как и обещал, выделил ему хорошую комнату, взяв мзду в два раза ниже положенного, хотя имперец настаивал выплатить всю полную сумму. Оставив там доспехи, Клепий переделался в новую белоснежную тогу с синей толстой бахромой, а на ноги нашел сандалии с причудливыми ремнями, которые наискось доходили прямо до колен. Взяв с собой под тогой только лишь кинжал, Клепий удалился в город, а точнее в одну из ближайших цирюлен. Здесь страж постригся почти наголо, таким образом опознать его было бы труднее.

Изменив свою внешность, Клепий незамедлительно отправился в Рыбный квартал, чтобы найти Ламоса – второго зрителя маяка. Если верить словам Сентара, то именно Ламос был свидетелем того, как повесился Велисарий. Возможно, Ламос непосредственно сам принимал участие в по-

вешении стража. В любом случае, второй смотритель, судя по рассказанному Сентаром, был замешан в этом деле. Еще одна остановка на пути Клепия, который хотел, как можно быстрее, добраться до горы. Однако, это место еще нужно было найти, и он был не первым, кто искал Шармат. Возможно, Велисария погубил именно интерес к этому месту, а значит он тоже искал вершину. Но зачем?

«Орден посылает на задание второго стража, только вот с какой целью? Возможно, Велисарий и есть тот предатель, о котором говорила ведьма, только вот кто и зачем его убил? Какую роль в этом играет смотритель маяка? Дело тут явно нечисто».

Рыбный квартал найти было совершенно несложно. От него несло рыбой за несколько стадий, с любой прилегающей улицы.

Квартал располагался чуть севернее центральной гавани Ноблоса, которую Клепий мог рассмотреть с высоты птичьего полета. Проходя мимо верфи, страж собственными глазами мог убедиться, чего стоит Ноблос – тут кипела работа по строительству различных кораблей – трирем, квинтирем, и торговых судов. Народа здесь было больше, чем в фикийских храмах на празднике богов и не удивительно, что враждующие коалиции хотели заполучить себе в союзники этот город. Ноблос не владел сухопутной армией, опираясь на свое золото, которое в свою очередь подогревало морсково-восточных наемников, а вот на флоте служили горожане. Офицер-

ский состав, в виде капитанов, адмиралов, боцманов и других, набирался в среде богачей. Точнее, купеческие дома, которые управляли городом в совете, создавали судна на свои собственные деньги.

Миновав самую большую гавань, которую когда-либо видел страж, он очутился чуть севернее, у залива, которые местные называли «Заливом грез». Залив грез омывал северо-западную часть города, где и находился Рыбный квартал. Рыбный квартал был по большей части промышленным отростком Ноблоса, но здешние рыбаки предпочитали проживать недалеко от залива, где водилась самая разная рыба – осетр, окунь, щука, треска, налим, креветки и другие морские обитатели. Немудрено, что они проживали рядом с местом крупной ловли рыбы. Все эти обстоятельства и создавали внешний вид этого квартала – дома были практически нагромождены друг на друга, узкие улочки проходили через каменные здания, стены которых пропахли мочой и отходами после чистки рыбы. Казалось, вонища здесь стояла намного хуже, чем та, что была на Зловонных болотах. Клепий петлял среди узких улочек, которые практически не выдвигали людей, стараясь держаться подальше от главных улиц. В скором времени, проходя мимо домов, где были развешаны плетенные сети с уловом, бочки, набитые требухой, копильни, где готовили рыбу, страж вышел к центральному базару и поинтересовался у одного из торгашей, где можно было найти Ламоса.

– Ах тот, дурачок старый, то на маяке потопил «Небесный Цветок? Живет у самой пристани, где проходит Карпья улица, ну знаешь. Карпы там водятся у берега. Посему и назвали ее Карпьей. Да живет еще там Гер, кличка у него Карп. Может проплыть под водой больше двадцати минут. Поговаривают, что потонул он в детстве в заливе, да нашли его через час в водах Залива грез целёхоньким и невредимым.

Страж пропустил мимо ушей все то, что сказал торговец после слов о потоплении корабля и поинтересовался об этом у нищего купца.

– Дак, все ж знают об этом, хотя сам Ламос клянется всеми богами, что ложь вся эта от языков грязных, – отвечал торговец.

Купец был явно не из богатых. Конкуренция в здешних местах высока, а судя по тому, что на его улов часто усаживались целые рои мух, покупали у него рыбу только самые скупые и бедные.

– Ну-ка расскажи, – поинтересовался Клепий насчет Ламоса, прежде, чем навеститься к нему в гости.

«Интересно, а он уже осведомлен о том, что случилось на маяке? Боги помилуют, если нет, иначе он может скрыться из виду, а может и из города. Сразу же поймет, что ищут именно его».

– Да по безумию своему, потопил он один из кораблей, – пожал плечами беззубый торговец с проплешиной на голове. – Хотя это только слухи. Ламос то наш, из старого торгового

рода, да вот обанкротился папаша его. Заделал сына, а сам изменял женошке своей. Спускал все состояние на любовниц. А Ламоса прежде этого сосватали за достойную девицу из купеческого рода Алгегосов. Мари, кажись звали ее. Сосватали, свадьбу то сыграли, а когда папаша умер, оставив за сыном долгов на несколько тысяч дукатов, то сынок за голову и схватился. Неизвестно как, но Ламос то выплатил эти долги, может кто подсобил, боги ведают. Но Алгегосы род горячий, клянусь своим стручком, Мари была невиданной красавицей. Видал я ее пару раз, бросил бы ради пары минут и женошку свою и улов весь свой, ради дамы этой. Таки вот, Мари развелась с Ламосом и вышла за богача Амфетра, что держит Ноблос. И по сей день жизнь их могла бы складываться по проторённому пути, но нашли богача того мертвым в поместье его. Случилось несчастье одно, что маяк потух в день праздничных календул и на маяке в тот день был тот самый Ламос. Корабль «Морская Длань», где на борту была Мари, наткнулся на здешние опасные рифы и затонул, да никого там не спаслось, кроме попугая капитана. Поговаривают, что специально смотритель маяк потушил. И опять боги мимо пронесли чашу наказания, а Ламос остался безнаказанным, несмотря на гневные тирады Амфетра. Но золото и влияния не помогли богачу, нашли мертвым его у своем собственном доме. Кто стоит за этим хреном с маяка, кто же знает?

Вот такую историю рассказал купец. Клепий не знал, до-

верить ли этим рассказням базарным или нет. Но факт оставался фактом, о Ламосе ходили самые разные слухи, а значит, некоторые из них точно были не безосновательными.

Наконец-то страж добрал до набережной, где всю кипела жизнь купцов и рыбаков. Здесь было полным-полно рыбацких сетей, удилиц, небольших весельных лодок, корзин с наловленной рыбой, столов, где сразу же счищали чешую со свежего улова, слышался говор не только с Морского Востока, гномов здесь было так же, как и имперцев, что немало удивило путника.

В конце концов, страж отыскал дом Ламоса, по тому, как описал его торгаш. На обычную халупу это мало походило, скорее дорогой и богатый дом с подворьем, все же с виду он казался ветхим – не залатанная крыша, хотя здесь дожди практически отсутствуют, это не помешало бы проживать в этом большом здании. Ограда уже изрядно покосилась и проржавела, старая железная дверь, на вершине которой виднелось око в пламени, была приоткрыта. Сад казался запустелым, повсюду росли сорняки. Клепий, без запинки угадав в этом здании жилище второго смотрителя маяка, отправился внутрь. Никто на него даже не обратил внимания, он мало чем отличался от здешних жителей, разве только кожа была более бледной.

Толкнув приоткрытую дверь, Клепию в нос ударил жуткий трупный запах – воняло разлагающимся телом, стоял железный привкус крови. В доме было темно, но неесте-

ственное зрение Клепия позволило ему разглядеть то, что творилось в помещении. Осторожно ступая по каменному полу, стараясь не наступить на разбросанные тут и там предметы – папирусы, разбитые чаши, скульптуру богини Фахтаче, Клепий пробрался вглубь и нашел там труп Ламоса. В доме был жуткий бардак, будто кто-то пытался найти свою украденную вещь. Стол из кипарисового дерева смотрителя был исцарапан чем-то тонким, но довольно острым. Рукописи и папирусы валялись на полу, листы были раскиданы по дому сквозняком, который судя по устоявшейся вони, был здесь таким же чужаком, как и сам страж. Клепий не стал осматривать весь дом, для начала он хотел изучить мертвеца.

Услышав какое-то копошение в углу, Клепий моментально схватился за рукоять меча, крепко сжав ее своей пятерней. Страж левой рукой закрыл свое лицо от жуткой вони, источник которой распластался в углу, когда глаза привыкли к темноте, он увидел мертвого смотрителя маяка. По всему телу виднелись какие-то серые отростки, и с мертвеца визирали пять пар светящихся в темноте глаз.

«Крысы, добрались до него быстрее, чем я», – подумал Клепий. – Но убийца все же опередил и меня, и крыс».

Огромные крысы пожирали мертвую плоть Ламоса. Бедный смотритель распластался у алтаря богини Фахтаче – где стояла статуэтка богини с одной обнаженной грудью. На стене был нарисован, как понял Клепий, молельный символ Фахтаче – едва приоткрытый глаз, в горящем пламени, на

своеобразном домашнем алтаре лежал отросток того самого знаменитого неопалимого растения Мохира. Цветок Мохира больше походил на еловую ветвь с небольшими бутончиками, и возлежал прямо у ног миниатюрной богини. Видимо убийца застал его прямо во время молебна, однако видимых следов орудия на теле зрителя не было видно.

Одна из крыс, чей волосатый хвост находился на подбородке зрителя, жадно обгладывала пустые глазницы Ламоса, не обращая никакого внимания на стража. Вторая крыса довольствовалась шеей мертвеца, ее пухлая мордочка была вся в крови, аккуратно, кусок за кусочком, перегрызая шейные мышцы трупа. Третья сделала себе проход в желудок Ламоса, прогрызла зрителя, оставив в животе зияющую дыру. Кусочки мяса были вокруг трупа на полу – отгрызенное ухо, пальцы, лужа крови еще была свежа и, ощупав ее, Клепий понял, что стража убили не так давно.

«Но кто его убил? На теле нет видимых повреждений от оружия. Может быть яд? Или удушение?»

Однако крысы поработали на славу, не оставив на мертвеце ни единой улики. Клепий не мог представить, насколько катакомбы полнятся крысами, что они в спешке прибежали на свежий труп, зато понимал, почему теперь Крысиного короля называют именно так. От старика мало что осталось полезного, поэтому Клепий начал осматривать остальной дом. Ничего примечательного, кроме атрибутики культа,

он не нашел. Теперь страж не сомневался в том, что некоторые из слухов правдивы и старик действительно был культистом Фахтаче, однако каким образом он был связан с Велисарием? Почему страж, если он конечно был настоящим, не мог справиться с одним этим человеком? Даже если бы его слуги были вооружены, то Велисарий – обученный в Ордене владению эфиром, словом и мечом, должен был справиться с ними.

Ответов в доме смотрителя, Клепий не нашел. В папирусах, кроме записей о его доходах и расходах, ничего ценного не было. Хотя, было. Может быть страж и не был силен в подсчете денег, но он смог заметить, какими огромными состояниями оперировал Ламос, откуда же у обычного смотрителя маяка было столько денег:

Зато во дворе дома, взор Клепия остановился на одном месте, которое кое-чем отличалось. Двор Ламоса был неухоженным, повсюду росли сорняки, плющ начал окутывать здание, словно медленный питон добычу, чтобы поглотить её. Но одно место, неподалеку от покосившегося забора, было лишено всякого травяного покрова и, нелепым образом, сверху присыпано листвой и скошенным сорняком. Клепий хотел было найти лопату, чтобы раскопать то, что было сокрыто, но времени на поиски не было и страж принялся рыть землю руками.

Рыхлая земля хорошо поддавалась рукам, тут же страж наткнулся на сундук. Клепий, хорошо владеющий всегда при-

прятанной отмычкой, смог его взломать.

«Интересно, – подумал про себя страж. – От чего он?»

Клепий держал в руках самый обычный ключ из чугуна. На нем не было никакой гравировки или отличительных знаков, этот ключ мог быть от чего угодно. В Ноблосе тысячи домов и не меньше нежилых помещений. Было ясно одно, что если ключ был так спрятан, то он таит в себе ответы на некоторые вопросы. За дверью, к которой подойдет этот ключ, хранится нечто важное.

Солнце не спеша клонилось к горизонту, последние лучи яростно поливали крыши Ноблосских домов. Клепий забрал с собой записи Ламоса и его ключ и побрел в сторону трактира. После столь долгого и непривычно жаркого дня, ему хотелось принять ванну и отдохнуть хотя бы несколько часов. Страж понимал, что промедление может стоить ему дорого, однако больше зацепок у него не оставалось. Все, что он узнал за сегодняшний день, так это то, что Шармат, которые местные называли горой Шаремат, действительно существует, но никто из ныне живущих не знает, где находится эта старая гора. После посвящения в Тайны Фахтаче, почитатели этой богини проводят паломничество к этой горе, чтобы почтить Богиню огня и стать полноценным членом секты.

Солнце заходило за крыши двухэтажных, плотно построенных домов Ноблоса. По пути к трактиру Сорики Клепий продолжил свои размышления о личности Велисария. Этот таинственный человек, который состоял с Клепием в Ордене

Стражей, связался и с Крысиным Королем, и со смотрителем маяка Ламосом. Крысиный король – неведанная сила, спрятанная под городом и, возможно, это влиятельный человек, который мог бы помочь Велисарии. Однако, кем же являлся сам этот смотритель маяка, раз Велисарий беседовал с ним? Зачем стражу понадобился Ламос? Какую тайну узнал Велисарий, чтобы она отошла в мир иной вместе с тем, кто прознал про нее?

Вечерело и посему в трактире было полно народа. Сорик дружелюбно поприветствовал стража и сразу же угостил того хорошим финиковым пивом. Оно отличалось от вкуса дневного варианта, но тоже было неплохо.

– Ты переоделся, – обратился Сорик к стражу. – Это хорошо, ты стал меньше привлекать внимание.

– Мое оружие и атрибуты все еще в комнате?

– Да, – кивнул трактирщик. – Под ключом. В целости и сохранности.

– Проводи меня до комнаты.

Трактирщик выполнил просьбу Клепия. Надстроенный над прежним зданием второй этаж являлся гостевым вариантом для всех чужаков города. Если на первом этаже пили и веселились местные, пропивая сколоченное за день состояние, то на втором, находили уют приезжие.

– Вот твоя комната, – произнес трактирщик, открывая ключом закрытое помещение.

– Мир тебе, друг, – ответил уставший Клепий, входя в

комнату.

Страж был удивлен, что в таком помещении останавливались богатые купцы. Небольшая каморка с каменными оштукатуренными стенами, небольшое оконце, в которое пробивался лунный свет, состряпанная из чурок кровать. Тем не менее этого хватило, чтобы Клепий быстро погрузился в сон, едва он коснулся мягкой перины из гусиного пуха.

Из-под только что открывшихся век виднелись зрачки, которые обшаривали всю комнату.

«Тут кто-то есть. Предчувствие, в отличии от людей, никогда меня не обманывало».

И только сейчас Клепий, пробудившийся благодаря своим инстинктам, вспомнил, что оставил свое оружие у прикроватной тумбы, под левой рукой. Имперец не был левшой и плохо владел левой рукой, однако другого шанса могло не быть. Доспехи с кольчугой лежали внутри тумбы, а остановить врага голым телом было проблематично.

Убийца не был профессионалом, либо страж обладал острым нечеловеческим слухом. Он слышал дыхание убийцы и его движение в сторону кровати. Клепий придумал, что можно сделать, хотя эта задумка могла стоить ему жизни.

Окунувшись в океан эфирной энергии, Клепий сконцентрировал вокруг себя сгустки, которые он преобразовал в Магус Зефирус. Магия ветра, так называлась эта способность, тут же неведомой силой оттолкнула убийцу, швырнув

его о каменную стену. Обычного человека без доспехов Зефирус переломал бы на части, однако убийца был закован в доспехи. Клепий схватился левой рукой за меч и тут же перебросил его в правую. Убийца моментально поднялся на ноги и нацелился своим мечом прямо в живот Клепию. Страж вовремя перехватил своего «бастарда» в правую руку и отразил удар наемника, который был на голову выше Клепия и силой уж точно превосходил имперца. После металлического звона меча о меч, убийца толкнул Клепия и тот упал на спину. На этот раз отсутствие доспех сыграло положительную роль, Клепий оказался более проворным и смог нырнуть под высокую кровать, стоявшую на чурбанах. Меч наемника тут же ударил в пол.

Убийца оказался не менее шустрым и воткнул в мягкий матрас свой меч, продырявив его насквозь. Острие орудия угодило прямо в левое плечо Клепия и он, не сдержавшись, закричал от боли. Не растерявшись, страж размахнулся своим полуторным мечом по ногам наемника, подрезав тому поджилки. Настало время кричать от боли убийце, тот подкосился и рухнул на пол, оставив свое оружие. Меч застрял в древесине кровати, он прошел прямо через сучковатое место, иначе он проткнул бы Клепия насквозь, но сучок задержал острие.

Взявшись двумя руками за острие, Клепий пытался вытянуть меч наверх, чтобы освободить свое плечо от лезвия. Приложив много усилий, оставив на руках глубокие порезы,

он освободил плечо от меча и выполз из-под кровати. Из ладоней сочилась кровь, на что Клепий сейчас не обращал никакого внимания.

– Кто тебя послал? – задал вопрос страж, приставив свое оружие к горлу наемника.

Тот смотрел на имперца звериным взглядом и ехидно ухмылялся. За стенами комнаты слышались другие звуки. Наемник был не один.

Клепий тут же выбежал из комнаты и понял, что попал в западню. Двое наемников направлялись прямо к его комнате, оба были в типичных доспехах морского востока – кожаный нагрудник, железные наручи и железная юбка до колен. Они держали наготове свои окровавленные мечи, один наемник был весь в крови и судя по всему не своей. Когда Клепий вышел из комнаты, они разговаривали между собой на восточном диалекте, и завидев его, улыбнулись.

– Вот он, – отреагировал один из убийц на восточном диалекте.

Наемники с мечами наперевес были из этих мест – золотистый загар, карие глаза и диалект выдавали в них ноблосцев. Но кто их послал? Они крались словно кошка, перед тем, как прыгнуть на жирного голубя.

Тот, что был слева сделал ложный замах меча, но страж на это не купился. Второй наемник пытался ткнуть своим оружием прямо в печень стража, но Клепий, благодаря своим рефлексам, вовремя отскочил. Трое мечей закружились

в красивом танце, и мелькали в воздухе, словно фрукты жонглера. Однако наемникам не хватило мастерства, чтобы биться со стражем. Сначала Клепий сделал ложный замах, а затем и подсечку одному из наемников, уронив того на пол. Страж специально повернулся спиной к другому и тот, не раздумывая, побежал на него острием меча вперед. Резким движением Клепий пустил меч по инерции и его зачарованное оружие прошло прямо по животу убийцы, выпустив тому кишки. Наемник упал на пол уже бездыханным.

– Кто вас послал? – страж надавил своей коленкой на шею наемника. – Говори! Иначе присоединишься к своим друзьям.

Наемник не шелохнулся и смотрел только лишь в спокойные глаза стража.

– Хорошо, – ответил страж и встал на ноги.

Один удар и его наточенный меч отсек ступню наемника.

– Ааааа, – закричал убийца от жуткой боли и начал материться на восточном диалекте.

Ступня с брызгами крови, словно ошметок нарезанного мяса, упала на пол, фонтан крови обдал стену трактира и второго наемника, который еще не успел остыть от последнего удара Клепия.

– Вторая нога будет следующей! – пригрозил страж.

– Это был тот урод! Не делай этого, прошу! Не делай этого.

Наемник прибывал в шоковом состоянии и осматривал

отрубленную по щиколотку ногу, откуда свисали ломти мяса. Кровь стекала с ноги, будто из окорока только что заколотой свиньи.

– Кто вас нанял, говори! – страж поднял наемника за нагрудник и начал его трясти.

– Я не знаю его имя, – ответил на это наемник. – Клянусь. Два брата-близнеца, работают слугами у смотрителя маяка. Ламос постоянно нанимал нас на работу, на этот раз нас наняли двое этих здоровяков.

«Слуги-близнецы. Сентар говорил о них. Оказывается, они тоже замешаны во всем этом деле».

Самые разные мысли будоражили голову Клепия, однако он решил уходить из таверны.

– Не оставляй меня, прошу, – наемник плакал то ли от боли, то ли от осознания того, что в скором времени умрет. – С меня же кровь течет ручьем.

Клепий, прихватив из комнаты свои доспехи, кое-как уложил их в свой походный ветхий мешок и, спустившись вниз, увидел, что натворили здесь наемники. Видимо, они не хотели оставлять свидетелей.

«Уроды. Отнимать жизни за золотые монеты – вот, чем довольствуются мерзавцы в этом мире».

Сорик лежал в луже собственной крови, прямо у стойки. Он успел схватиться за арбалет, но не успел зарядить его. Ему филигранно перерезали горло, он так и остался лежать с открытыми глазами, глядевшими в потолок. Трактир в од-

но мгновение превратился в склеп и Клепий поспешил удалиться отсюда, аккуратно перешагивая трупы на полу. Многие из тел были горячими, в сидячих позах находились те, кому не повезло первыми оказаться на пути наемников.

«Братья-близнецы. Зачем им нужна моя голова? Откуда они вообще могли узнать обо мне»

Выйдя из таверны с окровавленным оружием, он понял, что привлек к себе лишнее внимания. Ноблосские копейщики уже поджидали у таверны, а арбалетчики держали его на прицеле. Кто-то решил подстраховаться и натравил городскую стражу на недавно прибывшего гостя из Империи.

– Двинешься с места, получишь болт в голову, – произнес на ломанном восточном один из копейщиков.

Но Клепий решил испытать судьбу. Заранее, ощутив ментально эфирную материю, он сохранил сгустки этого нематериального вещества. Как только он двинулся с места в первый попавшийся переулок, арбалетные болты полетели в его сторону. Страж использовал Магию Ветра и болты сломались напополам прямо в воздухе, подняв пыль по всей песчаной дороге.

Страж нырнул в узкий переулок и побежал, что есть силы, спасаясь от наемной армии. Теперь за ним охотились не только неизвестные убийцы, но и вся армия города. Он оказался в оппозиции ко всем, кто есть в городе и уже успел наследиь по всему Ноблосу.

Двигался он быстро и проворно, миновав один из Про-

спектионов, он не отважился выходить на широкую улицу, а побежал в еще один узкий переулок. Лунный диск освещал тропу, однако в закоулках, из-за высоты плотно стоявших друг к другу домов, света не было и приходилось бегать чуть ли не наощупь. Судя по крикам, а также по стуку воинских сапог, от него не отставали. Но, даже самым удачливым, гос-пожа фортуна не прощает ошибок. Клепий попал в тупик – небольшой двор, окруженный сразу тремя домами с портиками и темным каменным колодцем. Вот-вот нагрянут воины и вряд ли он сможет устоять против целой армии хорошо вооруженных бойцов.

«Может мне сдаться? И объяснить, кто я такой и зачем пожаловал в Ноблос?»

Хотя вряд ли, кто его будет слушать. За бойню в таверне кто-то должен болтаться на виселице центральной площади. Всегда должен быть козел отпущения.

– Эй, – послышался девичий глухой голос. – Страж.

Клепий, стоявший к домам спиной оглянулся, но никого не увидел. Хоть окна были открыты, нигде не горели свечи, там судя по всему все спали.

– Иди сюда, – теперь Клепий понял, что голос раздавался из каменного колодца.

Он подошел к колодцу и увидел там ребенка. Это был не женский голос. А голос ребенка. Мальчишка показался до боли знакомым, но он не стал утруждать себя, вспоминая, где они встречались.

– Ныряй в колодец, – сказал мальчик. – Иначе тебя поймают.

Страж оглянулся и понял по звукам, воины приближались сюда.

– Давай же, – сказал мальчик, который был внутри колодца и держался за кирпичные выступы.

– Я же разобьюсь, – ответил страж

– Неужто вера твоя не крепка? Прыгай, с тобой хотят встретиться.

Клепий понимал, что у него нет выбора. Сражаться с десятком хорошо обученных наемных солдат не самый верный выбор.

– Кто хочет встретиться со мной?

– Крысиный король.

И Клепий прыгнул.

Глава пятая. Мрачные катакомбы.

– Дадур тебя побери! – выругался Клепий, выходя из сточных вод на каменный бордюру.

По началу, ему пришлось искать на дне канализации свой мешок со снаряжением. Тяжелые доспехи сразу же утянули его под сточные воды, и среди городского мусора, животного и человеческого кала, он пытался отыскать свое снаряжение. Выругавшись на всех известных ему языках, он выкарабкался из зловонной жидкости.

– Прости алвай, но другого выхода не было, – пожал пле-

чами мальчуган.

Страж плевался и морщился от жижи, которая случайным образом попала ему в рот. Он обтер свое лицо тыльной стороной ладони и почувствовал, как дико от него воняет по-моями. Нырнуть в канализацию полную отходами не то, что он ожидал испытать при вступлении в Орден.

– Откуда ты знал, что я появлюсь именно в этом тупике? – задал вопрос Клепий, уже спокойным тоном.

Он присел на корточки и открыл свой завязанный узлом мешок. Не стесняясь мальчишки, он снял с себя восточную тунику, мысленно проклиная ее за невозможную вонь и выкинул в отходные воды.

– Мне указывали путь, – ответил парень.

Первым из мешка Клепий достал свой поддоспешник. К сожалению, у него ничего не было под рукой, чем можно вытереться, и пришлось надевать его на мокрое и грязное тело.

– Указывали путь? – поинтересовался Клепий. – И кто же?

– Они, – указал пальцем мальчишка на мелкую живность, которая копошилась в углу.

Яркие красные зрачки на несколько секунд пристально всмотрелись в Клепия, после продолжили заниматься поеданием остатков, выброшенных в канализацию.

– Ты умеешь с ними разговаривать? – в голосе Клепия слышались нотки сарказма.

Клепий почувствовал усталость, потому как ночью, из-за непредвиденных обстоятельств, поспать не удалось. Он на-

дел свою кольчугу и понял насколько тяжелой она ему показалась. Затем Клепий развернул свой плащ и посмотрел на изображение Колеса. Двенадцатиконечное колесо белого цвета на черном фоне – было отличительным изображением ордена Стражей, такие плащи могли использовать только те, кто прошел свое обучение в Обители. Клепий попросил мальчишку застегнуть плащ и начал натягивать сапоги.

– Я не умею, а вот он, да, – ответил мальчик.

– Он? – поинтересовался Клепий, поправляя застегнутый плащ.

– Крысиный Король, – спокойным тоном ответил мальчик.

Клепия с каждым разом удивлял этот человек.

«Человек. Может быть, он и вовсе не человек. По крайней мере, никто не видел его в живую. О нем ходит много слухов, но никто на самом деле не представляет, кто он такой».

Поправив ножны на своем поясе, Клепий вынул из них свой зачарованный меч. Крысы остро отреагировали на металлический звук и уставились своими красными глазками на стража. Меч был идеальным. Ни единой царапины, ни одной отметины, лишь только выбитое ближе к гарде клеймо оружейника Бармиса из Обители. В голове Клепия промелькнули воспоминания о том, как в первый раз он удостоился подержать этот меч. Прошло тридцать лет, а он до сих пор служит ему верой и правдой.

«Я помню, как Гроссмейстер зачаровывал этот меч. То-

гда он сказал, что это оружие, будет нещадно разить всякое чудовище Тьмы. Но он не знал, что когда-то этот меч будет срубать с плеч и головы людей».

Моральный выбор сильно тяготил Клепия. Он много раз уже думал о том, правильно ли поступил тогда на маяке? Сейчас этим вопросом он хотел задаваться меньше всего и решил присмотреться к мальчишке. Глаза его были настолько голубыми, что при свете отдавали больше синевой, грязная потасканная одежда и порванные башмаки. Нос, скорее всего, был сломан несколько раз, у одного уха была оттянута мочка.

– Кажется, я где-то тебя видел, – произнес Клепий, рассматривая мальчика.

– Да, – кивнул головой тот. – Я встретил вас с корабля, когда вы только приплыли в Ноблос.

– Точно, – ответил Клепий. – Ты тот попрошайка, что привел меня к Морскому Льву. При свете дня, ты был немного другим.

– Темнота меняет нас, – немногословно ответил мальчик.

– Вроде тебя зовут Рими?

– Угу, – кивнул попрошайка.

– Меня...

– Я знаю, – кивнул головой Рими. – Он сказал мне твое имя. И как тебя найти. Пошли, Крысиный Король не любит ждать.

Клепий признался сам себе, что ему надоело бродить по

столь зловонным местам. Еще луну назад он не мог даже представить, что Зловонные болота можно переплюнуть по запаху какому-либо другому месту. Здесь воняло отвратно – человеческое дерьмо и моча перемешивались с трупной вонью убитых животных. Сначала Клепий думал, что, прыгнув в колодец он окажется в чистой родниковой воде, пусть она будет прохладная, но чистая. После вспышек самых разных эпидемий, Совет Города много лет назад постановил вырыть глубокие колодца для сливания отходов. Подземное течение сносило человеческие выделения и все то, что выбрасывают люди, скорее всего в залив Грез.

«Воистину крысиное царство!»

Они бегали небольшими группами по три-четыре крысы и отслеживали всякий проплывающий мусор. Если тушка была некрупной, то без раздумий спрыгивали с каменных бортов канализации в жижу и доставали мясо на сушу, начиная жадно пожирать ее. Да, эти зверьки выглядели как настоящие крысы, но не являлись ими. Казалось, что они намного умнее, чем им положено быть. Во всяком случае, ни одна крыса не нападала на Клепия, и этого было достаточно.

Канализация представляла собой целый лабиринт из проходов, сеть дорог, проложенных здесь много веков назад. Кирпичные стены отсырели, и власти даже не задумывались, что в один прекрасный день они могли осыпаться и забить сточные воды. Все отходы могут всплыть на поверхность Ноблоса, и тогда город покроется миллионами крыс, копо-

шацимся в экскрементах.

Рими смело вел Клепия, и страж понял, что мальчуган на-верняка знал здесь все тайные и явные проходы. Они шли молча в полной темноте, Клепий видел все благодаря своему сверхъестественному зрению, а вот как ориентировался тут мальчик, ему было неизвестно. Молчание ни в коем случае не тяготило Клепия, однако стражу стало интересно, знает ли что-нибудь попрошайка о своем Крысином Короле.

– Ты его когда-нибудь видел?

Рими, гордо шедший впереди, обернулся и посмотрел на стража своими голубыми глазами.

– Все, кто здесь живет, видели его облик. Не советую тебе отрывать глаза от пола.

Клепия, который много повидал в своей жизни, мало чем можно было напугать. Но леденящий тон Рими, который представил перед глазами картину Крысиного короля, превратил его кожу в гусиную.

– Ты живешь тут не один, – это был не вопрос.

– Нас много, – ответил Рими. – Но Его тут больше.

Клепию начало казаться, что Рими был душевно больным. Его отрывистые и странные фразы вводили в ступор.

«С кем же я буду иметь дело? Этот таинственный король подземелья наводит жути на всякого, от маленьких детей, живущих в канализации, до городского совета Ноблоса. Но они с ним не борются. Почему?»

Рими уверенно шагал по левой стороне канализации. Кое-

где на каменных уступах, начала обсыпаться кладка. Он предупредил Клепия, чтобы тот шел аккуратнее. К вони страж уже привык, а вот к крысам нет. Казалось, они смотрели на него тысячами глаз из каждой щели, и дорог у них было больше, чем у людей. Крысы чудным образом забирались на стены и провожали взглядом двух путников.

– Нам надо перейти на другую сторону, – произнес Рими и указал пальцем.

– Не хочу больше окунаться в эту зловонную жижу, – поморщился Клепий.

– И не придется, – Рими кивнул головой на пять бочек, выставленных в одну линию и забитых камнями до краев, чтобы сток не уносил их.

Клепий подивился этому. Юркий мальчишка в несколько прыжков достиг другой стороны канализации, в Т-образный перекресток. Судя по всему, им следовало сворачивать в эту прогалину.

Рими был намного легче и не тащил на себе плащ с кольчугой, поэтому Клепий немного помедлил перед прыжком. Первая бочка почему-то стояла под углом, Клепий опасался, что его невысохшая обувь может соскользнуть.

– Прыгай сразу, не останавливайся на одной бочке, – Рими повысил свой юный голос, из-за расстояния между ним и стражем. – Иначе можешь потерять равновесие и упасть.

Клепий долго раздумывал над прыжком. Ему было бы проще прыгнуть над пропастью или ямой с кольями. Раз-

биться с большой высоты или упасть на заостренные колья не столь приятно, но, по крайней мере, ты умрешь чистым.

Первый прыжок удался, но Клепий почувствовал, как мокрая сандалена начала съезжать. Он чуть было не потерял равновесие, и пришлось прыгать без сильного толчка на другую бочку. Плащ развивался сзади, и поэтому мешал стражу как следует прыгнуть, останавливая его по инерции. Третья бочка, четвертая, пятая и вот страж приземлился рядом с мальчишкой.

– Простые вещи иногда кажутся такими сложными, – произнес Рими и свернул за угол. – Мы сейчас находимся под библиотекой. Здесь не так грязно, как в остальных частях города, потому что тут тупик.

– Крысиный король здесь? – поинтересовался Клепий, следуя за мальчишкой.

– Нет, – ответил Рими. – Здесь наш город.

«Город? О чем это он говорит?»

Страж слышал еще до прибытия в Ноблос, что Крысиный король содержит на своем попечении разных попрошаек и творит черные дела в городе. Однако Клепий не думал, что все эти попрошайки живут в подземелье, среди этой вони. Мальчик продолжал молчать до тех пор, пока не остановился на месте и не развернулся к стражу.

– Если ты кому-нибудь расскажешь об этом месте, Крысиный король убьет тебя, – произнес Рими. – Я жив не по милости богов, а потому, что меня сохраняет собственная

осторожность.

– Знаешь, – ответил Клепий. – Ты говоришь, не как ребенок. При первой встрече я видел в тебе нищее дитя, сейчас ты рассуждаешь как взрослый человек.

– В этих местах быстро взрослеют, но для нас же выгодно оставаться детьми внешне – пожал плечами Рими.

В скором времени, они уперлись в тупик. Точнее здесь был обвал, и Клепию было интересно, куда привел его мальчишка. Рими с каждой фразой казался все страннее и страннее. Страж не знал, чему удивляться – тому, что Рими живет в этих злосчастных местах, или тому, что он не хотел их покидать.

– Здесь тупик. Зачем мы пришли сюда?

Рими молча посмотрел на Клепия.

– Тупиков не бывает. Вспомни, когда за тобой гнались Ноблосские наемники. Ты тоже думал, что там тупик, не так ли?

Когда Рими что-нибудь говорил, его глаза казались ярко-голубыми. Клепий мысленно сравнил их с мерцающей в ночи звездой, которые иногда затухают, а иногда возгораются сильнее. Этот мальчик не был обычным, впрочем, как и крысы, обитающие в подземелье. Канализация таила в себе намного больше странностей, чем поначалу это казалось Клепию.

«Интересно, чем тут занимается Крысиный Король?»

Крысы продолжали наблюдать за путниками, яркие глаз-

ки хвостатых тварей были обращены на них со всех щелей завала.

– Не бойся, здесь вода чистая, – ответил Рими. – Здесь бьет родник, и она не смешивается с помоями.

Клепий хотел было спросить Рими, о чем именно тот говорит, но не успел. Мальчик прыгнул в воду без раздумий и исчез под водной гладью. Клепий подивился этому и понял, что если он не всплывет, то там тайный ход. Страж решил, что стоит раздеться перед тем, как последовать за мальчиком, чтобы не утонуть в своей тяжелой кольчуге. В это время всплыл Рими и глянул на Клепия.

– Прыгай, если хочешь поглядеть на наш город, – произнес Рими и вновь исчез под водой.

Клепий не решился прыгать в воду в кольчуге.

«Лучше не рисковать. Не хочу утонуть в канализации и провоцировать смерть на столь бесславный конец».

Он оставил на себе только мягкий кафтан, который поддевался под доспехи. Кольчугу он аккуратно сложил вместе с сандалиями в угол и накрыл мешком. Вряд ли махровый мешок сможет остановить крыс, но все же стоило перестраховаться. Ножны он оставил на себе, как и пояс.

Было темно, но вода здесь была настолько чистой, что Клепий смог в ней увидеть свое отражение. Синяки под глазами, обвисшие щеки и целая прядь седых волос. Время не щадило его. Несмотря на нечеловеческие силы и другие способности, которые не присущи обычным людям, стражи ста-

рели быстрее обычных людей. Эфир каким-то образом взаимодействовал с организмом, и тело старело быстрее, после каждого выхода в метафизический мир. После каждого такого пробуждения, страж чувствовал, как эфир истощает его, здоровье хиреет, поэтому он поклялся использовать эфир только по назначению, не считая ежедневных тренировок, для сохранения формы. Клепию еще не исполнилось даже пятидесяти, а выглядел он как добротный легионер, давно вышедший на пенсию.

Он стукнул кулаком по своему отражению, и вода тут же отреагировала на это небольшими волнами, омывающими каменные борта канализации.

«Страж должен носить эту ношу до конца своих дней. Мы клялись на Пророческих книгах, что от сего момента и до последнего вздоха мы будем сражаться с Тьмой».

Без раздумий Клепий шагнул в воду, его сердце чуть было не выпрыгнуло из тела. Вода была очень холодной, практически ледяной, будто она была не из местной почвы, а из холодных Сърдских морей. Обратившись к эфиру, он начал согревать свое тело. Открыв глаза, Клепий увидел в завале небольшой проход и нырнул туда. Он предварительно задержал дыхание, так как не знал, насколько долго придется находиться под водой. В проходе было намного темнее, чем в самой канализации, поэтому приходилось плыть на ощупь. Он цеплялся за уступы, чтобы придать скорости своему плаванью. Он не видел мальчика и думал о том, как здешние

сорванцы могут так долго задерживать дыхание.

Страж плыл и плыл, не ведая конца обвала. Подняв левую руку вверх, он почувствовал камень.

«Когда же будет конец этому?»

Давление сжимало его голову, становилось не по себе. В этом месте он чувствовал себя столь одиноким, как и в эфире, где ты один единственный во всем метафизическом мире. Клепий не помнил, как долго плыл, но богов он молил истошно, чтобы быстрее всплыть на поверхность. И, то ли Пантеон действительно его услышал, то ли это было стечением обстоятельств, но вскоре он ощутил, что рукам уже не во что упираться.

Вынырнув наружу, Клепий вдохнул местный воздух. Здесь вовсе не пахло нечистотами, скорее наоборот, воздух был свежим. Он оказался в каких-то подземных катакомбах. Перед ним открылся вид огромных толстых бронзовых колонн.

«О, боги, – подумал про себя Клепий, осматривая это громадное помещение. – Бронзовые колонны. Бронзовые статуи. Этим постройкам не меньше двух тысяч лет, когда Делион населяли бронзовые люди, вечно враждовавшие с эльфами».

Всем известно, что до образования Империи и рождения от верховного бога Геола полубожества Дарса, что основал первое человеческое государство Делиона, были бронзовые люди, которые поначалу жили на Морском Востоке. Об этом

говорят практически все историки, жившие за тысячу лет до сегодняшнего дня, спустя тысячу лет после бронзовых людей. Бронзовые люди не знали железа и не умели приручать лошадей, но судя по мифам и легендам, они не жили в нищете и создавали хитроумные механизмы и ловушки. До Бронзовых людей были Первейшие – люди, гигантского роста, в три раза выше обычного человека, но всех их уничтожил катаклизм. На смену Первейшим пришли Бронзовые люди и начались бронзовые века.

– Не может быть, – произнес Клепий, рассматривая ветхое, но великое сооружение. – Я никогда не видел построек Бронзового века.

Мальчик стоял и обтирался шелковыми тканями, которые, судя по всему, были украдены с одного из Ноблосских базаров.

– Оботрись, климат у нас жаркий, а вот родники холоднее ваших, – сказал Рими, подавая стражу ткани.

Клепий предварительно снял с себя всю намокшую одежду и положил в угол вместе с мечом. Увидев, что там сидит два крысеныша, он выгнал их оттуда. Длинные хвосты тут же скрылись в одном из проемов завала. О Боги, эти ткани были настолько мягкими и приятными, что стражу не хотелось с ними расставаться. Нежный шелк ласкал его огрубевшую кожу, хорошенько обтерев свое лицо и коротко стриженные волосы, он начал обтирать тело.

– Не советую этого делать, – произнес страж мальчику,

который осматривал его меч. – Он зачарованный.

– Красивый, – был ответ Рими. – Он острый?

– Я могу прорубить себе проход в завале, и он не затупится, – произнес Клепий. – Он зачарован гроссмейстером ордена.

– Интересно, – ответил мальчуган, продолжая разглядывать меч.

Рими так и терся возле меча, внимательно изучая надписи на гарде клинка. Рукоять для одной руки Клепия смогла бы вместить обе руки Рими. Страж не представлял себя без этого оружия, ведь за всю свою жизнь он не пользовался никаким другим. Только луком и преимущественно на охоте.

– Зачарованный, – тихо произнес мальчик, будто бы пробуя на вкус это слово. – Это как?

Клепий взял свой поддоспешник и начал выжимать из него воду. Приложив усилия, он добился, что из крепкой ткани одежды начали течь ручейки грязной воды.

– Это значит, что его зачаровали энергией эфира, – ответил Клепий. Гроссмейстер моего ордена зачаровывает разные вещи, в том числе и мой амулет.

Клепий показал на вещицу у него на груди. Старый амулет, хоть и был моложе Клепия, но казалось, что вещь это была ветхой и древней. Мало кто из обычных людей знает, что хранится в нем, лишь ходят слухи в народе. Некоторые говорят, что стражей оскопляют и крайнюю плоть вкладывают в амулет, другие же твердят о том, что там хранятся во-

лосы с убиенной ими же матери. Третьи верят в то, что там перемолотый отросток первого убитого чудища Тьмы. И все, начиная от первых и заканчивая последними, ошибаются.

– Как он это делает? – поинтересовался любопытный мальчик.

Еще несколько струек сбежало с поддоспешника Клепия.

– Об этом знает только гроссмейстер и его ученик, – пожал плечами страж. – Многие думают, что гроссмейстер переносит оружие, готовое к зачарованию, материально в эфир и там оно подвергается его воздействию. Иные же стражи твердят противоположную точку зрения – что гроссмейстер гонит эфирные ветра в материальный мир и таким образом закаляет острие меча.

– А что такое эфир? – от мальчишки начали сыпаться вопросы. И кто такие стражи. Почему король так хочет видеть тебя?

– Хватит, – без интонации в голосе оборвал Рими Клепий, надевая на себя не до конца выжатый поддоспешник. – Заговаривать зубы будешь дуракам у пристани Ноблоса. Веди меня к своему Королю.

Казалось, что мальчишка не обиделся за обращение Клепия и лишь молча кивнул головой. Рими снова пошел вперед, в сторону монументальных бронзовых колонн. Уже с такого далекого расстояния, Клепий мог увидеть, что на каждой колонне были вырезаны изображения, которые вились спиралью, вокруг нее.

– И давно вы тут проживаете? – поинтересовался Клепий у мальчика.

– Я с тех пор, как меня спас Крысиный Король, – ответил Рими.

– А остальные? Сам Крысиный Король? Ты же не первый кого он спас?

Мальчик поначалу шел молча и заставил Клепия дожидаться ответов.

– До меня тут уже были дети, – ответил Рими, в шутку шаркая своей старой уже развалившейся обувью. – Их он тоже спас.

«Интересно. Крысиный король спасает детей и ставит их себе на службу, чтобы зарабатывать на них деньги. Но зачем, ему деньги, если он живет под землей?»

– Тоже спас, – тихо произнес Клепий. – А от чего он спас тебя?

До колонны было рукой подать и Клепию хотелось пощупать эту древнюю махину, но Рими сбавил свой шаг и повернулся в сторону стража.

– От того же, от чего он спасал других детей, – ответил мальчик и остановился на месте пристально взирая в глаза Клепия.

Клепию показалось, что мальчик своим отдаленным и полумертвым взглядом что-то хочет прочесть в его глазах.

– От родителей, – добавил Рими и вновь затрусил своими маленькими ногами.

Страж так до конца и не понял смысл сказанного своим канализационным проводником и безропотно шел следом. Его взгляд тут же зацепился за древнюю колонну, на которой были вырезаны или выбиты рисунки. Бронза утратила свой блеск с течением времени, огрубела и некоторые колонны поросли мхом.

«Когда-то эти колонны были цветом золота. Сейчас они больше похожи на угасающие лучи заходящего солнца».

Над сводом этого помещения и на его стенах росли знаменитые грибы Делиона – споралии, которые были обогащены элементами, позволяющими им светиться в темноте. Благодаря таким грибным светлячкам всё помещение в некоторой мере было освещено, пусть этот свет был тускл, зато споралии позволяли Клепию разглядеть рисунки на колоннах.

«Интересно, чьему долоту принадлежал этот рисунок свирепого дракона? И как в древние времена было возможно отлить эту огромную колонну из бронзы?»

Вторая колонна была не менее интересной, чем первая. Один рисунок позволял узнать о могущественном человеке, которому поклонялись люди в плащах. Следующий рисунок, идущий по спирали, показывал, как этот человек вставал со своего трона и раздавал указы мелким людишкам. Клепий специально завернул за колонну, чтобы посмотреть, что было дальше по спирали. Скульптор хотел передать этого чело-

века в полном величии – за его спиной была отлита мантия, а на голове красовалось что-то в роде короны. Следующий рисунок...

– Я знаю этот эпизод, – Клепий обращался скорее не к мальчишке, а к самому себе. – Это Архонт Мелес, который пленил демона Скованного бога – Равхилия.

Следующая фигура изображала большого рогатого зверя, его морда была похожа на бычью. Нога, выпирающая из колонны, стояла на спине этого зверя.

– О, боги, не может быть, – Клепий аккуратно приложил руку к скульптуре из бронзы. – Если эти колонны ровесники всех этих событий.

Рука притронулась к древней постройке. Клепий мог поклясться Пантеоном, что почувствовал сильное возмущение эфира. Здесь даже пахло по-другому, несмотря на сквозняки и гуляющий, словно непутевый сын, по всему помещению ветер, веяло древней стариной, ветхость чувствовалась во всем.

– Эти колонны были построены во Вторую Эпоху, – осознал страж. – В Эпоху героев. Бронзовых людей.

Клепий готов был осмотреть каждую из колонн и положить ладонь на то же место, куда, возможно, клали свои ладони бронзовые люди.

– Пошли, – произнес Рими, несколько отдалившись от званого гостя. – Король следит за тобой.

После этой фразы, Клепий тут же ощутил на себя деся-

ток крысиных глаз, которые пялились на него со всех щелей. Грибы хорошо подсвечивали этих мелких грызунов, все они были разного цвета – темные, серые, в крапинку, чаще всего попадались черные и белые. Некоторые вовсе были без хвостов, часть крыс забиралась по стене помещения, но все они пристально следили за стражем. Клепий решил не задерживаться здесь и пошел дальше за Рими.

В скором времени они дошли до того места, о котором говорил мальчуган. Подземным городом это было назвать трудно, но изначально казалось, что это место обжитое. Ряды колонн, которые, казалось, стоят хаотично, выстраивались под определенным углом обзора в одну геометрическую фигуру.

«Это какая-то загадка от бронзовых. Только, что она значит?»

В центре этого огромного помещения (Клепию казалось, что место это занимало под землей половину Ноблоса), стояло что-то вроде резервуаров, скорее эти бронзовые изваяния походили на огромные амфоры. Среди всей этой старины Клепий приметил и кое-какие вещи из наших времен. Самое интересное, что эти амфоры были обжитыми – в одном из сосудов стояла кровать, судя по всему из южноземного дерева, которая могла стоить баснословных денег. Над кроватью висел балдахин молочного цвета, а рядом, на перекошенном ветхом стуле, сидела девчонка и о чем-то спорила с мальчишкой, который был чуть младше Рими. Девчонка вя-

зала спицами из дорогой ткани какую-то вещь, видимо начала совсем недавно, так как Клепий не смог определить предмет ее рукоделия. Мальчишка же сидел с закрытой книгой в руках.

Другая амфора, была почти идентична первой. Для того, чтобы в нее залезть, к ней была приставлена плохо сколоченная лестница. Это жилище чуть скромнее предыдущего, внутри стоял сундук, судя по цвету древесины, из дуба. Верхний ящик был открыт и, по отблеску света, Клепий понял, что там лежат монеты, которые доставались детям благодаря попрошайничеству.

Здесь было множество амфор, но не все они были обжитые. В некоторых Клепию попадались самые разные предметы – медальоны, амулеты, разбросанные по чаше карты, распряженная телега, в одних было подстелено сено, в других же перегнившая трава, кое-где стояли амфоры из империи, пустые бутылки из гномьего стекла, эльфийские вазы и другие самые разные и невероятно противоположные предметы.

– Это ваше жилище, – это был не вопрос, а внутреннее удивление Клепия тем, что он увидел.

– Да, – кивнул Рими. – Над землей солнце восходит сейчас, поэтому здесь нас мало. Вечером все приносят сюда то, что просил Крысиный король.

«Мелкие воришки. Но я до сих пор не могу понять, зачем такому могущественному человеку нужны деньги. Ради самоутверждения?»

Клепий понял одно – Крысиный Король содержит целую армию воров и попрошаек, которым еще не стукнуло и двенадцати солнцезаборов. И это место под землей поразило его все больше и больше.

Вскоре, Клепий увидел больше. Он сомневался в том, что видел раньше, но сейчас сомневаться не приходилось. Огромные бронзовые колонны, большие амфоры, а теперь стена, которая была почти в его рост. Рими бодро вскочил по ранее проложенному пути от камня к камню и, ухватившись за уступ, подтянулся. Клепию хватало роста, чтобы не прыгать, он зацепился ладонями за край и тоже подтянулся, но там он увидел еще одну стену, Рими не стал дожидаться и запрыгнул на нее, страж последовал его примеру. Предположение Клепия подтвердилось.

«Еще одна стена. Мы поднимаемся по гигантским ступеням».

– И сколько их тут? – поинтересовался страж у Рими.

Мальчик повернулся к стражу и улыбнулся.

– А ты уже устал?

Клепий ничего не ответил мальчику и молча последовал за ним. Страж слышал о том, что бронзовые люди были наследниками Первейших, самой таинственной расой, которая исчезла с лица земли еще в начале Второй Эпохи. О жизни Первейших не сохранилось никаких первоисточников, известно лишь одно, что их стер с лица какой-то странный катаклизм и то, что они были воистину огромного роста. Кто-

то до сих пор проводит параллели между Первейшими и северными Великанами, однако Великаны не столь разумны, как та раса, что почитается, как у людей, так у эльфов, гремлингов или гномов.

«Если эти ступени были предназначены для Первейших... Сколько этой постройке лет?»

Клепий тут же отбросил эту мысль, как нелогичную. Эта постройка не могла относиться к Первейшим, так как никакие материальные находки этой расы не были найдены. Говорят, лишь только, что Арочные Врата были созданы Первейшими, но это никем не подтверждено.

Эти ступени были сделаны из неизвестного камня, похожего на гранит. Время не пощадило их, казалось, что они утратили свой прежний блеск и красоту.

Страж поднялся уже на седьмую ступень и был благодарен богам за то, что проделал все это без доспехов. С другой стороны, отсутствие кольчуги могло сыграть роковую роль в его жизни. Похоже, что дети, которых он встретил в подземелье, безобидны, но это может не касаться самого Крысиного короля. Ему было интересно, насколько эти ступени выдавались в городе. По ощущениям, они должны были уже выйти на поверхность, но этого не происходило. Клепий обернулся назад и увидел внизу хаотично расставленные бронзовые чаши, сверху напоминающие небольшие чашки для вина, но бронзовые столбы по-прежнему оставались величественными, хоть и не настолько, как вблизи. Они создавали проек-

цию и иллюзию, что выстроены в определенном порядке, с самой верхней ступени казалось, что колонны образовывали какую-то фигуру или что-то похожее на созвездие.

– Мы пришли, – произнес Рими.

Здесь был очередной тупик. По прямой пройти было невозможно, за завалами камней виднелась каменная плита, сложенная из того же материала, что и ступени.

– Где же он? – поинтересовался страж.

Рими посмотрел своими голубыми глазами на стража и медленно перевел взгляд с Клепия, затем протянул свою хушачувую руку вперед и раскрыл из кулака указательный палец. Сухой палец с черной грязью под ногтем указывал далеко, в ту сторону, откуда они пришли.

– Запомни это, – произнес Рими и куда-то прошмыгнул своими разодранными сандалиями.

– Запомнить, что? – задал вопрос Клепий, пытаясь рассмотреть то место, куда указывал мальчик.

Стены помещения были усеяны многочисленными споралями, с верхней ступени Клепий чувствовал себя божеством этого миниатюрного мира, небосклон, на котором загорались тусклые звездочки – светящиеся грибы, а мощные бронзовые колонны поддерживали небесный свод, чтобы этот небольшой подземный мир процветал. Однако, Клепий так и не понял, к чему произнес эту фразу оборванец.

– Рими, – обернувшись, Клепий не увидел своего проводника в катакомбы.

Вместо мальчика, последнее, что увидел страж, был какой-то предмет, ударивший его в голову. Споралии не были такими яркими, как звездочки в глазах Клепия в момент удара, его ноги подкосились, и он без чувств рухнул на самую высокую каменную ступень.

Писк.

Глаза не хотели открываться, Клепия жутко мутило, а внутри головы происходили странные процессы. Ему снились странные сны, о которых он не помнил. Его веки не хотели поддаваться усилиям, стражу казалось, что это очередной кошмар.

«Где я? – подумал Клепий, ощущая по своему телу странные прикосновения. В Обители?»

Он хотел было приподняться на локтях, но тело не слушалось. очередной кошмар. В скором времени он проснется в своей келье и пойдет на посвящение в Стражи.

«Я должен вспомнить свою клятву».

Долго и мучительно Клепий пытался припомнить то, что он заучивал перед этим долгожданным днем.

«Клянусь духом своим, – в его голове всплывали образы, помогавшие вспомнить клятву стражей. – И телом бранным»

Он почувствовал странное движение на своих руках. Казалось, что по лицу ползает целый рой мух.

«Что предаю я свою судьбу, волею богов, ради служения Свету, – продолжил размышлять он» Окончание клятвы он

произнес вслух.

– И Истреблению всего сущего, что поклоняется Тьме. Тьма – есть отсутствие Света, и будет слово мое сплетено с мечом моим, дабы нести Свет по всему Делиону.

После окончания фразы его очи разомкнулись.

«О, Двенадцать богов, это не сон».

Клепий попытался вскочить быстро на ноги, увидев перед собой злобную мордочку крысеныша. Белый зверек обнюхивал его нос, а подбородком Клепий ощущал длинный волосатый хвост крысы. По всему телу бегали эти зловредные животные, обнюхивая его, но не причиняя никакого вреда.

«Я в катакомбах, – внезапно разум Клепия прояснился, и он вспомнил последний момент – Рими. Это Рими ударил меня?»

Ножны с мечом висели на поясе, но он решил не провоцировать крыс. Стряхнуть с себя десяток крыс, которых в округе было больше тысячи не самая хорошая мысль. Он лежал, распластавшись на полу, и слышал копошение большого числа грызунов, пищащих, стучавших своими коготками по камню, обнюхивавших все подряд. Тут была кромешная темнота, но зрение Клепия позволяло ему разглядеть, что здесь происходило.

– Будь я немного вежливым, то попросил бы прощения, за предоставленные неудобства, – раздался голос откуда-то издали, голос, который мог одновременно подойти и десятилетнему мальчику, и столетней старухе.

Поначалу Клепию показалось, что к нему обращается сам Рими. Однако крыса на его лице не позволяла ему рассмотреть, кто спрятался в углу катакомб.

– Ты и есть тот, о ком я столь наслышан? – задал вопрос Клепий, сжимая губы, дабы крысиный хвост не попал в рот.

Когда Крысиный король говорит, крысы непроизвольно начинают пищать, и все это сливалось в единую какофонию звуков.

– Убери, пожалуйста, своих крыс, – униженно попросил Клепий.

Страж ожидал хоть какой-нибудь реакции, будь это даже отказом, однако Крысиный Король молчал, нагнетая при этом обстановку.

Одна из крыс начала залезать ему под одежды, при этом медленно и осторожно покусывая нижнюю область живота.

– Убери, – вновь попросил Клепий своего «тюремщика».

Крысиный король отвратительно захихикал. Клепий уже хотел было прорываться отсюда с боем, но некая мысль посетила его, что Крысиный Король сам искал встречи, а значит, не собирается с ним разделяться.

«Или он хотел заманить меня попросту в ловушку. Не стоит доверять тварям Тьмы».

– Ты искал со мной встречи, – продолжил говорить Клепий. – Вот он я.

И вновь ответом оказалось только повисшее, словно луна в ночном небе, долгое молчание, нарушаемое стуком крыси-

ных лапок и их копошением. Иногда Клепию казалось, что они сплетались в единый клубок, который хаотично двигался по всему подземному помещению.

Вдруг, резко, писк стих и крысы расползлись по всем щелям и углам, однако многие из них остановились стройным рядом перед человеком, которого многие на поверхности именовали Крысиным Королем.

Клепий облегченно вздохнул, не почувствовав на себе не одну из крыс. Холодный камень, на котором он пролежал Боги знают сколько времени, не беспокоил его так сильно, как подопечные Крысиного Короля.

– Подойди ко мне, – тихим и высоким голосом, который сильно диссонировал по ушам, произнес Владыка катакомб и Клепий поднялся на ноги, чтобы выполнить его просьбу, ну или приказ.

Страж решил не пользоваться советами Рими и не смотреть в пол, а взглянуть в глаза того, кого боится целый Ноблос. Здесь ужасно пахло сыростью, гнилью, крысиными отходами и плесенью. Воздух будто загустевший, как какая-нибудь харчевая похлебка, сваренная на костях. Крысы тысячами своих глаз наблюдали за аудиенцией своего короля, и Клепию становилось из-за этого не по себе.

– Ты наверняка уже знаешь, что не первый из своего ордена, кто встречается со мной, – произнес Крысиный Король из своего угла.

Потихоньку, с каждым шагом, начал вырисовываться си-

луэт этого...

«Его и человеком назвать трудно».

Клепий увидел, насколько эфир извратил человеческое тело Крысиного Короля и понял, что перед ним стоит еще одна жертва эфирного океана вселенной. С ходу было трудно угадать возраст этого мальчика – настолько тело его было обезображено различными наростами, отростками, болячками. Мальчишка лет десяти, с длинными седыми волосами, его красные мертвые зрачки походили на крысиные, все его лицо было в наростах, похожих на бородавки. Из этих наростов торчали черные редкие волосы. Все его тело покрывали тонкие крысиные волоски, а из плеча торчала вторая огромная крысиная голова, от которой мерзко пахло тухлятиной. Голова показалась Клепию безжизненной и не представляла опасности, но из-за всей этой мерзости, что он лицезрел, ему хотелось снести обе головы Крысиному королю. Эфир и темные боги подшучивали над божественными созданиями и извратили это мальчишеское тело, как могли. Возле него копошились крысы, на плечах и на коленях сидели его создания, почитавшие его будто бога.

– Ты не боишься моих детей? – поинтересовался Крысиный король у Клепия.

– Именем Пантеона клянусь, что не боюсь ничего, кроме того, что могло сотворить с тобой такое.

– Опустим это, – прервал стража Крысиный король и двинулся в первый раз за весь разговор. С тем, кто сотворил со

мной такое нужно не бояться, а бороться.

Его крысиные глаза ни разу не моргнули. Длинные усы, росшие под носом, шевельнулись пару раз, чтобы почуять окружающие запахи.

– Похвально, – произнес король, поглаживая на колене одну из крыс. – Я чувствую, как ты сдерживаешь свой страх.

Клепий понимал, что с таким сверхъестественным нюхом для Крысиного короля не было проблемы почувствовать, что сейчас чувствовал страж. Он не боялся самого создания, но, как до этого сказал, опасался той энергии, что может сотворить с человеком, тем более с дитем, такое. Эфир – опасное метафизическое пространство и любое с ним взаимодействие, даже после десятка лет тренировок может привести к страшным последствиям.

– Я понимаю, что не для того ты меня пригласил, чтобы лицезреть человека, не трепещущего перед тобой?

– Да, – ответил на это король подземелья. – Я знаю, куда ты держишь путь. Но, что более важно, у нас с тобой единый враг.

Это было неожиданностью для Клепия. Да, он понимал, что культисты Фахтаче воюют с армией Крысиного Короля, но не понимал, почему создания Тьмы не едины между собой.

«Хотя это глупо. Среди тех, кто поклоняется Двенадцати, всегда происходят распри, даже между родственниками. Чем же создания Тьмы отличаются от нас?»

– Культисты? – поинтересовался Клепий.

– Да, – ответил король подземелья, дернувшись.

Крысиная голова, торчавшая из его плеча, немного покосилась и склонилась в сторону стража. Крысы, сидевшие на коленях у своего отца, устали на мертвую голову и начали сильно пищать, видимо вознося ей свои молитвы.

– Сами по себе, они ничто, – ответил Крысиный Король. – А вот тот, кто им помогает, может воскресить нечто, о чем пожалеет весь Делион.

– Ты говоришь о Велисарии? О страже, что предал мой орден?

Казалось, что Крысиный король посмеялся своим противным писком. Крысы повторили за ним этот звук.

– О, нет, – ответил катакомбный король. – Он не предал Орден. С самого начала он служил во славу Тьмы. Будь осторожнее. Даже когда солнце в зените, некоторые места не освещаются им. Темнопоклонники проникли повсюду. Верхушка Ноблоса прогнила из-за своих пороков, что только облегчит силам Фахтаче спалить Ноблос дотла. Я заметил тебя еще там, когда ты сошел с корабля в доках Ноблоса. Но мои дети узрели тебя в доме Ламоса, ты нашел там то, что не могли найти они. Ключ.

«Не может быть», – имперец до сих пор не мог поверить в то, что этот мутант обладал таким могуществом.

Значит, Владыка Катакомб не врал, и он действительно видал, что страж откапывал ключ, только вот к какой двери

он подходил?

– От чего же этот ключ? – поинтересовался страж, все же опасаясь вступить в союз с таким существом.

Крысиный король своими мертвенно бледными глазами пожирал своего неожиданного гостя.

– Слышал о том, что этот смотритель погубил собственную жену? – вдруг задал вопрос Крысиный Король. Отец Ламоса оставил ему в награду бесчисленные долги, которые, естественно, смотритель своим трудом никогда бы не выплатил. Он заключил союз с поклонниками Фахтаче и получал от них просто баснословные суммы, на подкупы своих подчиненных и влиятельных лиц. Фахтаче нужны жертвы для всесожжения для своего воскресения – невинные дети, и Ламос занимался контрабандой, скупая детей-рабов для культивистов. Когда жена Ламоса узнала об этом, то спешила донести на него, однако он погубил ее в море. Чудовищно, не правда ли?

Имперец только покорно кивнул, думая о том, сколь же может быть жестокой человеческая натура.

– Ключ у тебя? – поинтересовался Крысиный Король. Так вот, этот ключ от подземелья, скрытая под маяком, где Ламос содержит пленных детей.

Клепий раздумывал над словами Крысиного короля, который, как казалось, говорил правду. Да, действительно, он был прав, говоря о том, что поклонники Тьмы проникли всюду и готовят почву для возвращения темного бога Скован-

ного (да будет проклято его имя). Однако для этого, им еще надо будет найти шесть печатей, сковывающих темного бога за вратами Дадура.

Страж хотел было ответить, что-то Крысиному королю, но тот вставил свое слово первым.

– Тот, кто назвался Велисарием, – в первый раз Клепий заметил, как зрачки Крысиного короля сдвинулись с места, и глаза вмиг покраснели от обилия крови. – Убил моих детей. Пусть ответит своей кровью, за кровь мою.

Клепий видел, как короля катакомб переполнял гнев и злорадия. Он крепко сжимал свои волосатые кулаки, и была бы у него такая возможность, то разорвал бы Велисария на месте в клочья.

– Он не добился ответа от Хранителя Печати, – продолжил говорить Крысиный король. – Какими бы пытками он его ни мучал, как бы он ни издевался над телом Гесиора, тот не выдал тайну Печати недостойному.

«О, боги. Значит, Велисарий меня опередил на много шагов. По крайней мере, пока он не узнал место хранения печати, не все еще потеряно».

– Я не понимаю, – пожал плечами страж. – Получается, что он меня опередил на много шагов вперед? Как такое может быть.

Крысиный король принял свое прежнее положение и оставил свои очи открытыми. Казалось, что его зрачки смотрели куда-то вдаль, в те непостижимые для обычных людей глу-

бины. Клепию не хотелось долго стоять под этим мертвым, но прожигающим все подряд взглядом.

– Он нашел быстрый путь к горе Шармат, – ответил Крысиный Король. – После того, как он искал ответа у старой ведьмы в Зловонных болотах, он двинулся через Эльфийский Протекторат к горе.

– Не может быть! – воскликнул Клепий, не сдерживая своих эмоций.

«Значит он добрался до Шармат, но не найдя там ответов, отправился на Морской Восток, чтобы искать себе союзников».

– Дети мои говорят, что и по сей день Гесиора пытаются самыми страшными пытками, – продолжил говорить Крысиный Король. – Но что эти пытки, после того, что испытал Хранитель за последние три тысячи лет? Постоянно страдающий жаждой, закованный в камень Хранитель, чья плоть ежедневно пожирается червями. Наутро тело его полностью крепнет, а затем черви вновь пожирают его снова и снова. И так несколько тысяч лет.

– Гесиор не дал ответа Велисарии, – хотел подтвердить свое предположение Клепий. – И он отправился к культистам Фахтаче.

– Да, – ответил медленно и протяжно Крысиный Король. – Страж бросился на поиски Огненной Пляски, так называется место, где собираются главы культа и его жрецы. Велисарий пожелал вступить с ними в союз, так как он верит в то,

что богиня знает место хранения Печати. Фахтаче намеренно обольстила хранителя, чтобы выведать у него секрет, но у нее ничего не получилось. Она заковала Гесиора навечно в каменную гору и мучала его ежедневно. Она приходила к нему каждую луну, дабы узнать, не согласится ли он рассказать о печати. Гесиор молчал. И так было до тех пор, пока тело богини не умертвили. Кто умертвил Фахтаче неизвестно до сих пор.

– И как связан Ламос с гибелью Велисария? – поинтересовался страж.

– Слуги-близнецы Ламоса убили Местофана, соседа смотрителя, обрядили его в доспехи стража и инсценировали его самоубийство, – ответил Крысиный король своим страшным шипящим голосом. Лоялисты из Стосовета были обеспокоены тем, что страж якшается с силами культистов и устроили на него охоту. В итоге, хитроумный страж переиграл всех.

Крысы продолжали издавать пiski со всех углов, пытаясь запечатлеть в памяти эту странную беседу.

– Ты сказал, что Велисарий приходил к тебе, но зачем?

– Он узнал тайну моего происхождения, – ответил на это Крысиный Король. И он требовал от меня информации о том, где находится печать.

«Печать. Не может быть. Неужели Крысиный король знает про нее?»

– И ты ему не рассказал, правильно? – угадывал имперец. Почему же ты не убил его?

– Я сделал правильно, что пощадил его, – ответил собеседник стража. Мои крысы и дети, которых я приютил – не всемогущи. Твой брат по ордену, сам того не подозревая, привел моих детей к другим членам культа. И теперь, я знаю почти все имена жрецов поклонников Фахтаче. Считаю, что мы с тобой союзники. Я помогаю тебе информацией, а ты помогаешь мне действием. Эти жрецы приведут тебя к Огненной Пляске – месту гибели воплотившейся богини. Я уверяю, ты найдешь там своего стража, ведь ты здесь за этим? Чтобы помешать найти ему печать?

– У тебя повсюду есть свои глаза? – поинтересовался Клепий

Король подземелья издал характерный для себя писклявый смешок. Армия крыс вряд ли понимала, о чем они говорят, но пристально следила за разговором.

– Не всюду, но слышу я о многом, – ответил Крысиный Король. – Страж прибыл в Ноблос, чтобы найти то же, что и ищешь ты. Он пытался Хранителя Печати, но тот молчал, не проронив ни слова. И тогда Велисарий, решился вступить в союз с огнепоклонниками, чтобы воскресить в теле богиню Фахтаче, которая сможет дать ему информацию об одной из печатей.

– Я думал, богиня похоронена под горой Шармат.

– Нет, – отвечал король подземелья. – Но и в городе он не нашел ее тела. Но близится тот день, когда культисты совершат свой последний ритуал. На это и рассчитывает Вели-

сарий, которого поддерживают силы Тьмы. Ты должен остановить его. В один день, который культисты называют «День очищения пламенем», они намерены вызвать богиню всесожжением. Ламос содействовал культу, торгуя детьми – безвинные жертвы больше ценятся богиней, чтобы устроить всесожжение. Как верят сами культисты – всесожжение позволит пробудить богиню или хотя бы узнать место ее погребения. Когда последний ребенок будет сожжен, богиня явится в этот мир огненным столпом света.

– Значит, Велисарий жив?

– Да, – ответил Крысиный Король. – Он хотел, чтобы ты расследовал его убийство, тем самым задержать тебя в Ноблосе.

– Зачем ты был нужен ему?

– Он хотел меня в союзники. Но скорее небо упадет на землю, чем я стану союзником этой богини.

– Где сейчас Велисарий? – поинтересовался Клепий.

– Скорее всего, в Огненной Пляске, готовится к последнему обряду. Она находится где-то на Морском Востоке, в пустынях, недостижимых для моих детей. Где Огненная пляска мне неизвестно.

– Как же мне узнать это? – поинтересовался Клепий.

– Я знаю, где в Ноблосе собираются члены Культа Фахтаче, – ответил Крысиный Король. – Ты сможешь вычислить их и допросить.

– Почему ты так ненавидишь культистов? – задал свой по-

следний вопрос Клепий.

– Потому, что кем сейчас являюсь я – вина Фахтаче.

За спиной Клепия происходило какое-то действие. Металлический скрежет о каменный пол, громкий писк и стук крысиных лапок. Оглянувшись, страж увидел, как целая стая крыс самых различных мастей несли на своих спинах его кольчугу.

Глава шестая. Огнепоклонники.

«Если хочешь в темноте остаться незаметным – зажги факел.» – так говорил наставник Клепия.

«Люди ищут себя в потаенных углах собственно разума, не догадываясь, что истина всегда лежит на поверхности», – и эти слова страж помнил замечательно.

В любом случае, он придерживался этих двух мнений. Городская Стража будет обыскивать заброшенные дома, или какие-нибудь хитро спрятанные места, вроде сторовшего недавно амбара, но вряд ли наемные стражи будут искать его на центральной улице города – Проспектионе.

Клепий был голоден информацией, и Король катакомб дал ему пищу для ума, после завершения их диалога, крысиная голова ожила, а человеческая – упала на его грудь. Таким образом, Крысиный король через своих детей указал ему путь на поверхность города, предварительно проплутав по катакомбам, дабы Клепий не узнал дорогу в логово короля. Крысы вывели его в Ноблос, и он выбрался через один из мно-

гих канализационных отходников – в одном торговом районе города, который располагался чуть южнее порта. По началу он не знал, где спрятать свой меч и доспехи, которые могли привлечь к нему лишнее внимания. Тогда он нашел оружейника, который торговал тут Ноблосскими ножами, латами из Фибла и мечами, судя по гравировке и грубо отесанной гарде, они были выкованы гномами прямо в Ноблосе. За отдельную плату, оружейник согласился припрятать добро Клепия, чтобы страж мог в любой момент забрать его обратно. Отсчитав торгашу десяток серебряных дукатов, и обещая после возвращения еще пять золотых (особенно за плащ стража, который жутко вонял дерьмом и мочой подземелья) за молчание и сохранность, Клепий оставил свое вооружение на совести оружейника, а сам пошел по базару, чтобы купить себе самый обычный морсковосточный наряд.

Одевшись в короткую серую тогу (она была дешевле белоснежной, которая делалась из более нежной и мягкой ткани), дабы отвадить от себя любопытные взгляды обув самые простые сандалии и не оставив при себе только лишь кинжал за пазухой, Клепий двинулся через самые широкие улицы, дабы слиться с толпой, в сторону Проспектиона.

«Меня не должны заметить. По крайней мере сейчас в этом наряде я не приковываю к себе взгляды иноземцев.»

Это было заметно, когда все его шарахались, будучи в доспехах стража, теперь же на базарах его не замечали, толкали, несколько раз пытались его обворовать местные, а жен-

щина, несшая на своей голове корзину с фруктами, специально наткнулась на него и уронила корзину. Судя по всему, в корзине были полусгнившие, пересевшие фрукты, которые упав на землю, разбились вдре�г. Женщина кричала и привлекала к себе внимания, твердила, мол, чтобы Клепий заплатил полную стоимость за ее превосходные фрукты.

– За эту сгнившую кашу не отдал бы и собственного ногтя, – тогда ответил ей Клепий и не обращая на нее никакого внимания пошел дальше в сторону Проспектиона.

В скором времени, он добрался до центральной широкой улице, на которой жизнь по-прежнему кипела, как будто никто и не ночевал этой ночью в своих домах.

«Мне вновь нужно посетить Ноблосский маяк. Надеюсь Крысиный Король не соврал мне.»

Судя по словам короля катакомб жрецы культа (а именно только жрецы знали дорогу в Огненную пляску, для обычных посвященных это было неведомо), хорошо держали свои личности в тайне. Король катакомб сообщил Клепию то, что детей, перед отправкой в Огненную пляску содержат в одном месте и ждут стражи продажных наемников.

««На самом деле жрецов намного больше», – говорил подземный король. На богослужениях их обычно семь, но возможно, иногда они заменяют друг друга.»

Крысиный король рассказал о том, что смотритель Ламос тайно занимался работорговлей и детей, перед отправкой в Огненную Пляску содержали в подземелья маяка, который

крепко запирался ключом.

Они лежали повсюду. Первое, что бросилось в глаза Клепию, так это, что пустые колодки, которые соединялись с цепями лежали по всему подвальному помещению маяка. Богам лишь только известно, для чего первоначально предназначалось это помещение, но вырыто оно было уже давно. Большие длинные балки поддерживали слои грунта, а перпендикулярно им стояли старые древесные столбы, скорее всего из толстых столбов бука, который произрастал в некоторых местах Морского Востока. И к этим столбам тоже были вставлены железные, уже проржавевшие кольца, к которым присоединялись короткие цепи с оковами.

Пахло ветхостью, человеческими экскрементами, протухшей едой. Мухи здесь летали роями, боги знают, как они попадали сюда, в это закрытое помещение. Кроме тухлых и смердящих запахов, здесь пахло и другим, о чем Клепий знает не понаслышке – запах смерти. Вонь этого естественного процесса, который наступает для каждого живого существа трудно было с чем-то спутать.

Кроме жужжания тысячи мух и писка крыс – детей Короля Катакомб, которые неустанно следили за тем, что происходит в городе, здесь тихо падали капли воды, которые просачивались сюда через сухую почву. Видимо подземное помещение вдавалось и за пределы острова, на котором располагался маяк.

«Судя по старым и разбитым телегам, разброшенным кускам оси и перегнившим сеном, здесь содержали топливо для маяка.»

Было вполне вероятно, что это подземное помещение предназначалось для того, чем обычно топят огонь маяка. Однако в какой момент ноблосцы забыли об этом помещении? Судя по тому, как тут было влажно и сыро, в одно из наводнений, циклы которых записано в книгах библиотеке города, это помещение было затоплено и о нем благополучно забыли, пока один из зрителей не проник сюда.

«Может быть это был даже сам Ламос. Фортуна благоволила ему, подарив место, чтобы здесь содержали детей.»

Спустившись вниз, Клепий хотел увидеть здесь плененных рабов, однако тут было пусто. Вероятно, страж не успел к тому моменту, когда дети все еще содержались здесь. Это не удручало его, и он решил заняться поисками улик, которые хоть как-нибудь могли указать на одного из жрецов культа, который манипулировал Ламосом.

Пробраться на маяк во второй раз было не так уж и просто. Клепий думал, что власти Ноблоса удвоили стражу, однако по каким-то причинам, наемников было столько же, сколь и прежде. Боги благоволили начинаниям Клепия, и он решил проделать этот опасный путь до маяка другим способом. В открытую ему не хватило бы наглости, а вот хитрости стражу было не занимать.

Узнав от местных, где добывалось красное золото, он

незамедлительно отправился в ущелье, располагавшееся к югу от Храмовых ворот Ноблоса.

«Какой человек не падкий на блеск золотых монет?»

Подкупив одного из рабочих на рудниках, где добывалась эта странная жидкость, своей квинтэссенцией похожая на тягучую смолу красного цвета, издавек походившая на вулканическую лаву, Клепий подкупил одного из рабочих. Рабочий, который всего лишь за одно действие получил свой месячный оклад, с удовольствием согласился на план стража и спрятал того в бочку, куда заливалось красное золото. Было жутко неудобно, к тому же стражу еще предстояло пережить поездку до маяка в телеге с другими бочками. Единственное, что надобилось рабочему помимо золота, так это гвозди и мастерство. Сделав двойное дно, он приделал к бочке ранее приготовленные дощечки, просмолил их, чтобы красное золото, опасное для людей, не проникло внутрь к Клепию.

Да это было рискованным способом попасть к маяку, долгим, из-за чего страж опять грозился потерять время и не успеть остановить Велисария, однако он должен был сработать. Чтобы дырки для кислорода были менее заметны, рабочий сделал их внизу бочки.

После того, как бочки со смесью загрузили в упряжку с мулами, началось самое тяжелое. Страж, который сам по себе был выше остальных Ноблосцев, к тому же, еще и не обладал молодым возрастом и кости его не отличались гибко-

стью, свернувшись в три погибели, ждал, пока тяжелая повозка проедет по всем дорожным ямам и ухабам и достигнет маяка. Каждая остановка для Клепия казалась конечным пунктом назначения, и он молил богов, чтобы это так и было. Однако поездка выдалась долгой и жаркой, его тога была полностью мокрой от пота, и он пожалел, что не забаррикадировался в бочке полностью гулом. Духота и давящая со всех сторон бочка, а еще сверху болталась опасное для здоровье красное золото, раздражало Клепия, и он уже пару раз хватался за свой меч, чтобы разрубить себе путь наружу.

– Ты представляешь, эту пьянь Пробия поставили сегодня зрителем, – раздался голос рабочего, звучавший на восточном диалекте.

– Видимо этот хрен хорошо проплатил совету, чтобы его назначили зрителем, – ответил на это второй рабочий.

Страж понял, что вол, запряженной телегой с бочками красного золота достигла маяка и ее начали разгружать.

– Что-то бочка эта больно легкая, – Клепий понял, что сейчас сняли именно его бочку.

– Ставь быстро в угол к другим, – ответил на это второй рабочий. Если Кеминий пролил красное золото, то плетями будут хлыстать нас.

Клепий почувствовал, как его опустили на землю и голоса начали постепенно затухать. Он пытался отсчитать, сколько раз услышал диалект рабочих, чтобы понять, когда они разгрузят телегу. Таким образом он пробрался на территорию

крепости, осталось незаметно обратиться на сам маяк.

Как не удивительно, но тот красивый ковер, лежащий перед каменной винтовой лестницы скрывал ту самую потайную дверь, ключ от которой он нашел подле дома Ламоса.

«Смотритель не хотел, чтобы нашли его потайное логово. Посмотрим, что он припрятал в катакомбах.»

Однако, то, что тут если и было припрятано, то ничего уже не осталось. Детей уже вывели отсюда, только непонятно каким способом. Если Крысиный король был прав, то Ламос раздавал взятки каждому стражнику в одну из их смен. Следовательно, ему покровительствовал воистину сильный мира сего, который прятался при этом за маской богини Фактаче. Но Ламос мертв, и выйти на жреца через него не представлялось возможным, поэтому Клепий пытался найти в подвале то, что могло бы указать на личность жреца.

Оковы оказались пустыми не все. Какие-то дети не выдержали морского путешествия и скончались уже здесь, под этим огромным зданием, которое указывало путь тем самым кораблям, на которых плыли эти дети. От них воняло трупным ядом и Клепий уже ничем не мог им помочь. Сделав оберегательный знак Колеса, он помолился богам об упокоении этих маленьких детей и пошел исследовать подземелье дальше.

С тех пор, как он погостил у Крысиного Короля, он не мог не отметить одну значимую деталь. Сейчас крыс тут не было, несмотря на гору трупов, ни одного животного страж так и не

заметил. Видимо, люди Ламоса хорошо позаботились о том, чтобы огородить это помещение от любых посторонних.

Клепий хоть и видел в темноте, однако много мелких деталей он не замечал, двигался он медленно, чтобы рассмотреть все, что было в подвальном помещении.

«Следы свежие.»

Клепий опустил на корточки.

«И почти все они детские. Как Ламос умудрялся манипулировать ими?»

Кое-где на следах виднелась жидкая блевотина и кровавые слюни.

«Бедняги. Не все стойко перенесли плавание.»

Однако ничего больше интересного страж не нашел и побрел вглубь подземелья, уходя все дальше от лестницы, которая вела на поверхность маяка. Клепию уже не было так жарко, скорее наоборот, после обильного выделения пота его тога была совершенно мокрой и тут уже было намного прохладнее, чем на поверхности. Под тогой, на поясе у него висели ножны, в которых был кинжал.

«Надеюсь, что оружейник не посмеет продать мой драгоценный меч. Знал бы он его истинную стоимость.»

И действительно, зачаровать оружие можно было практически в любом крупном городе Империи. Но зачарованные мечи стражей стоили баснословных денег. Никто не мог так зачаровать меч, как гроссмейстер ордена, поэтому на черном

рынке это оружие покупалось за невероятные суммы. Судя по непроверенным слухам, меч одного стража, который жил больше века назад удалось обнаружить одному крестьянину, который перепродал оружейнику из своего поселка. В конце концов этот меч попал к одному из алхимиков, который перепродал его за двадцать тысяч дукатов Пелию Олимпию. Однако Пелий погиб в битве при Криссе, и там меч этот был вновь утерян.

«И будет Слово мое сплетено с мечом моим, дабы нести в Делион Свет», – повторил в своей голове фразу из клятвы.

«Слово и меч – вот два столпа, на которых опирается наш орден.»

Внезапно его размышления были прерваны каким-то сторонним звуком. Он увидел два просто огромных силуэта, которые направлялись в его сторону.

– Мы то думали, что ты уже не придешь, – заговорил один из них.

Два силуэта постепенно обрели формы двух внушительных фигур. Двигались они не спешно и судя по всему в их руках длинные копья, которыми пользуются воины Морского Востока.

– Значит наставник был прав, – раздался грузный и тяжелый голос второго человека.

Это было двое мускулистых и крупных мужчин, похожие на друг друга, как две капли росинки с одной травинки. Только первый был коротко стрижен и отрастил себе длин-

ную рыжую бороду, а второй был длинноволосый с такими же огненными волосами, но бороды не носил, на нем была жесткая щетина и небольшая козлиная бородка.

– Ты не выйдешь отсюда живым! – зарычал один из воинов, который указывал на Клепия острием своего копья.

В этот самый момент страж пожалел о том, что у него сейчас нет его меча. С мечом с ними было справиться намного легче, чем с кинжалом. Убегать от них не было смысла, они могли как метнуть копье, так и в два шага своими здоровенными ногами нагнать Клепия.

– Я слышал о вас, – ответил Клепий, поняв, кто перед ним. Вы два брата близнеца, которые были на службе у Ламоса. Один из вас дурак, а другой страдает диареей.

Близнецы в недоумении переглянулись между собой.

«Владыка Катакомб был прав... Велисарий знал, что я приду себя. Он просчитал каждый мой шаг. И направил этих близнецов сюда. Хотя, как он может быть их наставником, если только недавно прибыл в Ноблос?»

– Умри! – раздался звонкий голос бородатого и тот сделал выпад копьем в Клепия.

Клепия вовремя уклонился и копье успешно задело один из буковых столбов. Удар был настолько мощным, что столб подкосился, и из него полетели щепки.

«Это не слуги Ламоса. А его телохранители.», – подметил Клепий.

Клепий достал кинжал, однако даже и не мог подумать о

том, как он сможет пригодиться ему в этой войне.

«Я проворнее. Надо, разобраться с ними по одиночке.»

Второй громила продолжил натиск своего брата и побежал в сторону Клепия. Он взялся двумя руками за копьё и толкнул его вперед, заметив острие прямо в живот стражу. Страж молниеносно отклонился от заданной траектории, и в этот момент второй близнец ударил своим оружием. Клепий сделал кувырок, уйдя подальше от этих гигантов.

– Не переживай, – говорил один из них, страж не понял который. Мы тебя не убьем.

– Ты всего лишь будешь сожжен во славу Фахтаче, – ответил его близнец.

Без щита защищаться от копий было практически не реально. Обычный человек не выдержал бы и нескольких секунд этого боя, однако Клепий был натренированным стражем, который мог противостоять не только людям, но и чудовищам Тьмы.

Страж интуитивно отклонил свою голову и услышал, как мимо его уха пролетело копьё со свистящим звуком. Это отвлекло его на пару мгновений, но этого хватило, чтобы второй близнец подбежал к нему и ударил своим острием. Клепий отскочил от удара и попытался своей ногой переломать наконечник копья, однако рычаг был недостаточно сильным. В ответ на это, близнец сделал подсечку своим длинным оружием и Клепий упал на спину, сбив свое дыхание.

Второй близнец без оружия подскочил к стражу и нанес

сильный удар по лицу Клепия. Страж, не успев оклематься от подсечки пропустил удар и кажется его нос характерно хрустнул, а на своих усах он почувствовал теплую жидкость.

Второй удар близнеца был с левого кулака, который казался был чуть больше головы Клепия. Но на этот раз страж был быстрее и успел прочертить кинжалом под локтем гиганта. Близнец не подал и писка боли, тогда Клепий решил метить кинжалом прямо в сердце.

Дикий волосатый человек засмеялся во весь голос, прижав своими коленями грудь Клепия. Своей рукой он одним движением выбил кинжал из руки стража и тот с металлическим звоном ударился от каменистый влажный пол, присыпанный илом и землей.

Клепий чувствовал, как из него начал выходить воздух. Страж начал задыхаться и в глазах сразу же помутнело.

«Не трогай его», – Клепий слышал эти слова будто бы сквозь сон. «Я хочу немного размяться.»

Клепий уже мало понимал, что происходило. Силы покидали его, голова была наклонена набок, в ту сторону, где лежал кинжал, выпавший из его ладони.

«Хорошо, только оставь его душу для нашей богини», – еще одни далекие слова, которые отдавались в его ушах странным эхом.

«Богини, – подумал про себя Клепий. Я должен как-то встать.»

Клепий нашел в себе силы, дабы использовать Магию Вет-

ра. Неизвестно, как и откуда, но эфир таким сильным порывом просочился из метафизического пространства, что ударная была настолько сильной, что снесла все ближайшие столбы, подпиравшие подземелье. Два здоровяка разлетелись в разные стороны, земля поднялась прямо в воздух, а колодки отлетели от древесины. Бородатому, одна из колодок рассекла щеку прямо до мяса, его близнецу досталось меньше – кусок древесины торчал прямо из его торса. Они лежали на спинах, но быстро поднялись на ноги.

– Тебе не одолеть нас, – проворчал один из близнецов. С нами сила Фахтаче.

Тот, что был с копьем направился к Клепию. Клепий мог бы, что-нибудь использовать из своего магического арсенала, однако силы восстановились не до конца. Эфирное пространство было разорвано этой сильной магией ветра, оставив после себя искажения материального пространство, которое быстро затягивалось.

Но все же страж перехитрил воина и сделав шаг в одну сторону, двинулся в другую. Сделав кувырок, он схватил с пола свой кинжал и подрезал тому щиколотку, однако бородатый даже не издал ни звука, только лишь хмыкнув. На его лице читалось злость и злоба, однако в этот момент, он услышал за своей спиной топот ног его брата-близнеца, который бежал в их сторону. Клепия подхватили из-за спины за руки и косматый здоровяк, набрав ход врезался с ним в один из буковых столбов.

Клепий испытал просто сокрушительную боль, старая и ветхая дубина переломилась пополам. В таком состоянии страж даже и не сообразил, насколько частей переломились его менее ветхие ребра. Близнец радостно завопил и ударил себя кулаком в грудь. Решив продолжить избиения младенца, волосатый и потрепанный здоровяк поднял Клепия за тунику одной рукой и хорошенько приложил его к стенке. Однако ударил его не настолько сильно, чтобы у того выпал кинжал. Как только здоровяк хотел еще раз ударить стража об стенку, Клепий без замаха воткнул острое оружие прямо здоровяку в шею.

Косматый здоровяк даже не пошелохнулся. Он начал сдавливать горло стража, и тогда Клепий начал ощущать, что задыхается. Вытащив кинжал из шеи, он воткнул его еще раз. Прицелившись в артерию здоровяку он наконец-таки попал ему в артерию, однако силы Клепия были на исходе – близнец даже не желал сдаваться.

В глазах начало темнеть, Клепий уже не ощущал в своей руке кинжала, а начал отбиваться кулаками. Однако существенного урона противника он не наносил, лишь почувствовал, как ему в лицо ударил фонтан теплой жидкости. Клепий был словно в вакууме, в толстом непроницаемом коконе, однако слышал чьи-то крики, которые словно прорывались через невидимую пелену. Он почувствовал, как падает на пол и бьется головой о каменный пол.

Отходил он не долго, а когда открыл глаза, он увидел, как

из-за всех щелей на двух лежащих близнецов нападают десятки крыс. Того, что ранил Клепий, крысы начали пожирать прямо с его шеи, выдирая из него куски мяса, и кровяные сосуды.

«О боги всемогущие»

Кровь била фонтаном и даже не думала останавливаться. Пока первый брат отходил в царство Дадур, второй продолжал сопротивляться, но крыс было не одолеть. Бородач встал с земли, махал своими огромными руками, стряхивал крыс, но они продолжали наседать на него. Из десятка ран сочилась кровь – над коленом был выгрызли кусок мяса, в области паха копошились три серые крысы, активно раздирая тело здоровяка и пытаясь добраться до внутренностей. Некоторые крысы пали от руки бородатого близнеца, он их попросту сжимал в своих кулаках и переламывал их хребты. Некоторых он раздирал на две части, но крыс было больше и вскоре, крики стихли, а мертвец лежал неподвижно с многочисленными ранами, поедаемый сотней мелких грызунов.

«Опасно делать Крысиного короля своим врагом.»

Клепий поспешил удалиться от этого неприятного зрелища. Он понимал, что дети короля катакомб не тронут его, однако от одного их вида и последствий их атаки ему было не по себе.

Израненный, с переломанными ребрами, Клепий плелся в то место, где он встретил двух близнецов. Ему трудно давался каждый вздох, однако он силился перебороть свою боль

и самого себя.

«Нельзя умирать здесь. Я еще не выполнил, предначертанного для меня.»

Клепий шел не торопясь, каждый шаг болью отзывался в его спине и переломанных ребрах. Он забыл подобрать кинжал, но решил, что обойдется без него. Участвовать еще в одной бойне – значит попрощаться с собственной жизнью. Его силы были на исходе и сейчас он желал только лишь теплой мягкой постели.

«Записной стол. Вот, что охраняли эти два здоровяка.»

Ламос, не ожидавший кончины в собственном доме, оставил в подвальном помещении, которое он использовал в своих нуждах, все свои записи.

«Я должен найти среди этого добра то, что приведет меня к сборищу культистов.»

Крепко сбитый буковый стол, стоял на небольшом постаменте, как бы возвышаясь над остальной частью помещения. Над ним висел факел, который в данный момент не горел, видимо, он использовался вместо горелки или свечей. На столе были разбросаны множество бумаг, как будто Ламос убежал отсюда в спешке.

«Что его напугало? Или он знал, что Крысиный Король искал его?»

На столе лежала гипсовая маска, искусно разукрашенная разными красками. Маска олицетворяла собой лицо богини Фахтаче – в ней выдавались острые черты лица, широ-

кие надбровные дуги, будто бы богиня хмурилась. На месте зрачков изображалось пламя.

«Он был одним из жрецов», – понял Клепий, взяв в руку маску.

Однако он не пытался уничтожить все свои улики. Уставший Клепий, тихо застонав, присел на стол и начал изучать записи смотрителя маяка. Первым делом он открыл какую-то книгу в твердом переплете, хотя обычно на морском востоке пользовались пергаментом или папирусом. Действительно, бумага в книге была сделана из листьев папируса. Первая запись была датирована...

«Первые агнцы Огня. 21 число Антвара.»

Антавр соответствовал месяцу Снежных Покровов в имперском календаре.

«О, боги,» – удивился Клепий, подчеркнув своим выбитым указательным пальцем дату.

«21 число Антвара 398 года. Первые агнцы. 18 молодых Агнцов, приготовленных в заклатие ныне привезли из Семиостровия. Все они юны и чисты.»

Клепий перевернул страницу папируса. Ламос писал крупным, но хорошо разборчивым подчерком.

«Первая декада Сентвара. Мои труды не прошли зря. Шестнадцать Агнцов готовы стать очистительной жертвой для богини.»

Первая партия рабов была доставлена Ламосу еще в 398 году, как раз в тот год, когда умер последний император Им-

перии. Дальше были строки менее разборчивые и написаны они были мелким подчерком. Страж повернул очередную страницу. Они казались ветхими, что не удивительно, ведь этой книги было больше десяти лет.

«399 год от начала Четвертой эпохи. Вторая декада Секствара. Корабль «Лимус» отправлялся из имперской гавани города Лапир. Во втором трюме была спрятана еще одна партия агнцов. Двадцать два агнца, готовых для заклания. Отец пламени благословит мою жертву.»

Очередная перевернутая страница. Клепий послунывил свой палец и перевернул папирусный лист. Боль жутко отдавалась в его грудной клетке, и он старался не двигаться лишний раз.

«400 год от н. 4 э. За это время я постарался на славу. Только лишь один агнец заблудился в своем невежестве и попытался отбиться от стада. Пришлось отдать его под ножи. Двадцать один агнец был приведен для Матери пламени, и она благословила мои старания.»

Это было только начало записей. Клепий понял, что Ламос записывал в эту расчетную книгу всю контрабанду, среди которых в первую очередь были дети, предназначенные для жертвоприношений.

И так страница за страницей, менялось только количество детей, причем с каждым разом оно возрастало. И в каждой записи была пометка «Жертвы не умиловствовали богиню.»

«Они пытаются воскресить ее уже десять лет. Но у них

ничего не получается. Интересно, что об этом знает Велисарий? Сможет ли он помочь культистам в этой цели?»

В подземелье воцарилась тишина. Крысы разбежались по своим углам, оставив только окровавленные кости трупов. Налетели как саранча и исчезли столь же быстро.

Клепий понимал, что нельзя доверять королю катакомб. Однако, на какое-то время они стали союзниками против общего врага. Крысиный король слишком влиятельный, чтобы сторониться его помощи.

Очередная страница, пропахшая стариной, перелистнулась Клепием.

«Вот оно», – подумал Клепий, прочитав очередную записку.

«406 год от Н. 4. Эпохи. Тридцать семь жертвенных агнца прибыли на корабле «Эллебий. Капитан корабля говорит, что сам консул имел честь отбирать этих детей.»

«О, боги, милостивые. 406 год. Месяц Первых Посевов. День потрошения.»

Клепий помнил о том, что орден не должен вмешиваться в политику, однако многие из стражей принимали на себя роль примирителей или воителей. Тот день заставил Клепия думать о том, что вся молва, ходящая в народе, о том, что консул Фэбиас – сторонник Тьмы – истинная правда. День Потрошения, так называли этот день в народе. Именно в этот день по многим разным надуманным причинам были убиты все, кто как-либо относился к императорской династии.

Однако, сейчас это не должно было отвлекать Клепия от его первоочередной задачи. Этот год был памятным для Ламоса по другому поводу.

«Отец пламени благословил мою жертву и волею богини я принял крещение огнем. Я был удивлен, что излюбленные пламенем скрываются у всех на виду. В Поминальном Храме в первую ночную стражу я был крещен самим отцом пламени. Богиня не приняла жертвы, но клянусь теперь ее Огнем, что буду служить еще усерднее.»

Что-то екнуло с груди имперца. Это было странно и слишком кощунственно, но жрецы-огнепоклонники собирались в одном из самых известных храмов Ноблоса. Действительно, Тьма проникла повсюду.

«Культисты скрываются в центральном храме Ноблоса. Неожиданно, но вполне вероятно, что я могу найти там себе ответы.»

Порфира пропахла ладаном и восточными благовониями, то место, где находились колени, было полностью стертым. Ряса багряного цвета была немного маловата Клепию, могучие плечи стража были широкими для этой одежды, благо порфиры делались просторными и должны были сидеть на человеке вольно. Подшитый белыми нитками воротник уже был грязным, некоторые места рясы были с мелкими прожжёнными отверстиями, подол порфиры был грязным от пыли и к нему налип свечной воск.

Смеркалось. Прежде чем вновь отправится к дому Ламоса, Клепий зашел к оружейнику и забрал все свои вещи. Щедро отблагодарив торгаша, под покровом сумерек, страж пробрался в дом смотрителя маяка. Об его теле никто так и не побеспокоился, возможно, что близнецы даже и не знали о смерти своего хозяина. Здесь ужасно воняло трупной гнилью, но этими запахами путника уже было не напугать. Клепий полагал, что его наряд жреца был повешан в одном из шкафов и его предположения оправдались. Внутри ветхого и запыленного гардероба, у коего по бокам висели пряди паутины с кучей поповшихся мух, он нашел жреческий наряд Ламоса.

Смотритель маяка оказался одним из семи жрецов, о чем если Король Катакомб и знал, то не удосужился упомянуть. Жреческая длинная порфира багряного цвета была предназначена Ламосом на общее молитвенное собрание, которое проводилось в Поминальном храме. Культисты не зря выбрали именно этот храм – Поминальное моление происходило только утром и кончалось в обед, после этого храм закрывался до первой утренней стражи. Даже невозможно, а наверняка, жрец Поминального храма состоял в культе поклонников Фахтаче, и Клепий долго размышлял как ему поступить в этот раз.

" Может быть стоит найти священника, когда он будет один? Или принять образ культиста и посетить этой ночью Поминальный храм?"

Поминальный храм был предназначен для молитв всем божествам Морского Востока, об упокоение душ. В особенности, там молились за тех, кто кончил свою жизнь самоубийством, вел всю жизнь распутный образ жизни, либо при жизни содействовал коллекционированию всех известных человеку грехов. В общем, родственники, с помощью жреца, старались вымолить у богов прощения за своих убитых родных. В конечном счете, так как многим было наплевать на давно умерших родственников, храм часто пустовал, к тому же часы моления были удобны для культистов тем, что ночью Поминальный храм должен пустовать.

На этот раз Клепий решил не оставлять свой меч ни под каким предлогом. Он надел свое полные доспехи, а уже поверх кольчуги накинул старую порфиру Ламоса, в которой он воздавал свои моления богини огня. Как только сумерки окончательно спустились на Ноблос, страж двинулся к центральной площади города, правда закоулками, где и располагался этот круглый храм.

Клепий хвалил богов за то, что он не встретил на своем пути неприятностей. Весь его путь до храма был тихим и спокойным, идя по раннее продуманному маршруту он не наткнулся ни на одну живую душу. Однако, вот дальше возникли проблемы. Храм расположился на самой периферии центральной площади – чуть поодаль от восточного форума, где шли дебаты в народном собрании, расположился за длинным железным забором храм Поминания. Вокруг него ша-

стал народ и теперь Клепию нужно было проложить маршрут до воротин здания, чтобы его никто не заметил.

"Наверняка культисты проникают в храм другим путем, о котором я ничего не знаю."

Это было не удивительно, ведь даже ночью любопытные глаза могут увидеть все. Клепию пришлось двигаться от укрытия к укрытию, от одного куста, к телеге с сеном, под которой он спрятался от мимо проходящих стражников, обсуждающие скорую выплату жалования. Когда наемники исчезли из поля зрения, Клепий двинулся в сторону забора, который кончался остроконечными шпильями. Эти острые шпильи не позволяли грабителям, ворам и мародерам проникнуть в Поминальный храм, однако для стража это было не препятствия. Клепий перелез через ограду и двинулся в сторону приоткрытой воротины.

"Все же я переоценил культистов. У них есть другой вход не в сам храм, а на ее территорию."

И в скором времени Клепий удостоверился в этом, заметив по правую сторону от здания канализационный лаз.

"Жрецы Фахтаче используют крысиные тропы. Интересно."

Над большой деревянной приоткрытой воротиной висела медная голова с двумя лицами, смотрящие в противоположные стороны. Одно из лиц было с ясными открытыми глазами и хмурым взглядом, который был направлен в сторону

площади Ноблоса. Второе же лицо с закрытыми глазами было безмятежным, словно море в штиль, щеки были немного впалыми, однако надбровные дуги были в расслабленном состоянии.

" Лики жизни и смерти. Морсковосточный бог Двуликий. Он и жив и мертв. Возможно, как и сама богиня Фахтаче."

Но об этом Клепий не мог знать наверняка. Все, что касалось природы богини он мог лишь только предполагать, точных ответов на его вопросы он так и не нашел. И наконец зайдя в храм, он очутился среди тех, кого так ненавидел Крысиный Король. Среди тех, кто должен указать ему путь в Огненную пляску.

Гипсовая маска сидела на нем плотно. Однако из-за уж очень узких щелочек угол обзора у него был плохим. Дышалось в маске богини Фахтаче тяжело, на лбу Клепий выступила испарина, до которой добраться, чтобы вытереть ее, не было шанса. Меч покоился на его левом бедре в дорогих кожаных ножнах, под покровом порфиры. Широкая и просторная ряса позволяла стражу сокрыть все его секреты. Кольчуга, сделанная мастерами Обители, в отличие от обычных дешевых доспехов, была практически бесшумной, к тому же довольно легкой, но обладала отличным защитным потенциалом. Ребра жутко болели после драки с близнецами, дыхание было затруднено из-за переломанных грудных костей, маска не облегчало эту задачу, наоборот, заставляя

Клепия мучиться от каждого вздоха. Когда Клепий вошел в округлый храм, он увидел только четверых жрецов, которые преклонили свои колени. Все они были облачены в те же одежды, что и сам страж, но имперец не видел со спины, были ли они в масках, либо лица их были открытыми. Клепий молил богов о том, чтобы все же на них были маски, иначе страж сразу выдаст себя.

Храм был небольшим и представлял из себя круглое здание, с арочным сводом и разрисованными фресками. Левая сторона Поминального храма была выкрашена яркими, играющими, словно блики солнца на утренних лужах, красками. Здесь пестрили цвета жизни – голубой, цвет небес, яркие солнечный желтый цвет, зеленый – цвет растительного мира и другие. Правая сторона здания была угрюмой, словно дождливое осеннее небо, и была окрашена в темные тона – серый, черный, багровый, гранитный. Две половины помещения резко контрастировали между собой, явно навивая на мысль о том, что жизнь прежде всего полнится яркими моментами, а смерть – это вечное забвение в пучине серости и безысходности.

Так же на каждой из сторон стояли по одному самому обычному алтарю – возвышенная часть помещения с каменной плитой, где жрец совершал свои моления. В светлой части здания горели свечи возле маски Двуликого – эта маска была с открытым лицом, и была выше головы жреца. Она была сделана довольно искусно, Клепию казалось, что эта мас-

ка умудрялась смотреть как на молящихся в этом заведение, так и на противоположную сторону храма, где была подвешена другая маска. Свечей над маской двуликого, где было изображено безмятежное лицо с закрытыми глазами не было, точнее там стояли лишь огарки от свечей, которые судя по всему сжигались в светлой части Поминального храма. На алтаре светлой части лежала туша убиенного кролика – на противоположной части то, что должно в скором времени от нее остаться – прах, пепел и кости.

Жрецы же стояли посередине храма, и казалось, они расположились в хаотичном порядке. Каждый сидел на коленях так, как ему заблагорассудится. Один сидел чуть поодаль ото всех, двое других были практически рядом, рука об руку, четвертый же держался в тени темной стороны здания. Все они сидели перед большими свечами и судя по тому, что их головы смотрели прямо, все они наблюдали за пламенем. При этом у каждого в левой руке находился небольшой куст мохира.

" Кажется меня вычислят прежде, чем я успею встать на колени."

Клепий не знал, что предпринять и решил импровизировать. Медленными шагами он направился в свободное место храма. Имперец опустился на свои стертые колени, на крупную разноцветную гранитную плитку, со светлой стороны храма, неподалеку от того жреца, что сидел чуть поодаль и начал изучать его. Спустя несколько мгновений он понял,

что его вычислили даже если бы он пришел сюда с кустом мохира. Сначала он исследовал того, что сидел рядом с ним, но по левую сторону. Ничего не обычного он не заметил, кроме...

"Его правая рука обожжена."

И не только его. Двое, что сидели по правую сторону от него и своим мертвым взглядом созерцали пламя так же имели ожог на правой руке. Четвертый, что сидел отдаленно ото всех и был единственным, кто выбрал сторону смерти сидел неподвижно, как и остальные, пытаюсь найти ответы, на интересующие его вопросы в пламени. Правую руку его Клепий разглядеть не мог, но мог поклясться, что он имел такой же ожог, как и у трех других жрецов. Страж склонил свою голову и думал о том, что ему стоит предпринять дальше. Не хватало еще двое жрецов. Третьим жрецом, коим являлся сам Клепий под личиной Ламоса, но все же двух других не хватало. Либо они задерживались, либо упокоились навечно, как и смотритель маяка.

"Может быть это были близнецы? Вряд ли. Эти здоровяки не способны ни к чему, кроме как махать копьями."

Где же они?

– Братья! – воскликнул один из жрецов.

Насупившиеся культисты даже не подняли своих голов, а продолжали сосредоточенно созерцать пламя огня.

– Фахтаче говорит со мной, – то был жрец, который сидел по левую сторону от Клепия. Богиня явила мне в пламени

образы врага нашего.

Клепий вздрогнул. Поначалу ему показалось, что остальные культисты не слышат его, но затем, все трое медленно повернули свои головы и обратили свой взгляд на Клепия. Страж увидел три маски богини и пристальный мертвый взгляд из их щелочек.

" Боги, дайте мне силы".

Однако четвёртый все так же сидел неподвижно и обращался напрямую к богине, разговаривая с сильным и ярким пламенем свечи.

– Богиня говорит, что схватка эта будет не равной, – продолжил говорить все тот же жрец. Нам не победить этого врага сейчас.

Клепий быстро встал с колен и чуть было не запутался в чужих одеяниях, однако все же достал свой меч. Он направил острие на ближайшего жреца, но тот не переставал смотреть из вырезов на маске на стража своим немигающим взглядом.

Внезапно голос первого жреца поменялся. До сего момента старческий мягкий голос превратился в грубый женский говор, чьи интонации были схожи с языками пламени.

– Он не должен узнать, где вы преклоняете свои колени передо мной, – произнес все тот же жрец, другим голосом.

И он продолжая стоять на коленях взял в руки масло и облил себя им. Остальные жрецы последовали его примеру.

– Славься богиня! Да очистит меня твое пламя! – жрец

поднес к себе свечу и вспыхнул так же ярко, как звезда в ночном небе, посреди всеобъемлющей темноты.

Клепий понял в чем дело, но к тому моменту уже было поздно. Появилось еще три живых факела в храме, которые начали истошно вопить так, что у Клепия кровь в жилах ledenела. Запахло горелыми волосами и гарь от тел распространилась по всему храму. Тот жрец, что сидел на коленях уже был полностью поглощен огнем и то ли смеялся от боли, то ли так протяжно и звонко плакал. Два других жреца пытались сбить с себя пламя, но безрезультатно, то, что взяла Фахтаче, она не намерена отдавать. Тот культист, что стоял рядом с Клепием горел не ярче, чем остальные, но разглядел его он его лучше других. Жутко воняло паленой плотью и человеческими испражнениями. Жрец развел обе руки в сторону, готовясь заключить Клепия в объятия. Маска из воска моментально сплавилась и текла на пол, впрочем, как и жареная человеческая кожа с его лица. Кожный покров смешался с гипсом и воском в единую кашу, конечности горели словно животное мясо в костре, и жрец бросился в сторону стража. Однако тот выставил свой меч вперед и острие пронзило жареную плоть с характерным хрустом насквозь. Жрец еще барахтался на мече пытаясь достать своими горящими руками до Клепия, но страж уклонялся от его рук, пока душа не вышла из него. Спустя минуту, четыре обгоревших трупа покоились на мраморном полу Поминального храма, который полнился духотой и вонью паленых тел и был задымлен.

Клепий прикрыл свой рот и нос воротником своей порфиры и тихо выругался сам про себя. Теперь у него не осталось зацепок. Следует найти двух других жрецов.

" Но что если богиня предупредит и их? А может быть пламя уже предупредило их и посему они не пришли в Поминальный храм?"

Но Клепий не отчаивался. Он решил осмотреть храм и попытаться понять, что за личности, скрывались за масками.

Жар был не настолько горячим, чтобы расплавить кости, все, произошедшее в этом храме стало для Клепия ужасным испытанием. Однако, он не смог не заметить то, что пропустил мимо собственных глаз еще несколько дней назад. Теперь он винил себя в этом. На алтарях сожжения лежали небольшие кусты мохира и знак полуоткрытого глаза, который Клепий уже видел раньше.

– Наставник? – обратился страж к человеку, сидевшему за столом и читавшему при таявшей от огня свечи книгу.

«Почему именно он наставник? Неужели, это он является главой всех жрецов в Ноблосе?»

– Ты пришел, – ответил уставшим голосом старик.

Страж старался проникнуть сюда совершенно не заметно, и он добился этого. Главное, чтобы никто не поднял шум, на сегодня крови хватит.

– Да, – кивнул головой страж. Вы человек мудрый, досто-

почтенный Аблат, как же вы могли предать свою душу в руки богини всежжения?

Либрариум отложил свою книгу в сторону и попытался встать на ноги. Видимо, библиотекарь и не сомневался в том, что все нити приведут стража обратно в библиотеку.

– Я человек мудрый, вы сказали верно, Клепий, – кивнул головой либрариум и посмотрел на свой изумрудный перстень, символом которого и являлась богиня Фахтаче. И я поэтому не пытаюсь идти наперекор судьбе.

Клепий фыркнул. Он ненавидел, когда люди оправдывали свои поступками велением судьбы или течением жизни.

– Это просто отговорки, либрариум, – ответил страж и подошел практически вплотную к старику. Темница под маяком пуста.

Старик едва улыбнулся, свеча осветила его слабую улыбку.

– Как вы поняли, что наставник я? – поинтересовался Аблат, закрывая свой фолиант. Неужели, это было столь очевидно?

Клепий покачал головой.

– Велисарий в первую очередь пришел к вам, я не знаю, как он узнал об этом, – ответил страж. И мне не трудно было отследить вашу родословную. Жена Ламоса ваша внучка, не так ли? И вам захотелось подцепить его на крючок, сколько же влиятельных лиц из Стосовета на ваших уловках?

Старик вновь ели заметно улыбнулся и даже не постарал-

ся увернуться от ответа.

– Много дитя мое, много, – ответил библиотекарю Аблат. И все они ожидают воскрешения Матери Огня.

Клепий удивлялся выдержки этого человека. Перед библиотекарю стоял настоящий воин, с полуторным мечом, готовым перерезать даже скальные породы, а библиотекарь стоял неподвижно перед лицом своей смерти. Страж с глубоким вздохом и даже изрядной долей почтения к этому человеку вынул из своих ножен меч и направил его к сердцу огнепоклонника.

– Вы еще своим словом сможете очистить свою совесть и сказать, где находится Огненная пляска, куда увели всех этих невинных детей.

Глава седьмая. Огненная пляска.

– Брат, – поприветствовал один культист другого, чтобы сменить его на посту.

– Слава Фахтаче и ее Вечному огню, – ответил другой.

Страж спрятался за один из камней, чтобы его не заметили патрулирующие культисты.

Делион настолько же удивителен, насколько и опасен. А удивляешься ты тому, что он населен самыми разными расами, с самыми разными характерами, иногда совершенно противоположными и весь Делион сочетает в себе все то, что могло быть придумано богами. Так и с теми существами, что поражают разум обычных смертных. В пределах централь-

ной Империи – это драконы, которые будоражили умы миллионов людей, с самого их появления до истребления этих существ знаменитым императором Гудрием Драконобоцем. В Южных землях, в Семиостровии, а также в странах мореплавателей, в особенности Сърдии, как среди флота Империи, так среди купцов и пиратов ходили слухи о древней твари, которой испугался даже Морской Владыка, после ее создания. Кракен – тот, что раз в тысячелетия пробуждается с морских глубин и уничтожает все, что находится в округе – корабли, всю морскую фауну и живность, прибрежные города.

На Морском Востоке было третье существо, о которых Клепий смутно слышал еще во времена обучения в Обители. Песчаные черви, или как именуют сами жители Морского Востока – марзулы были не менее страшными существами для них, чем для имперцев драконы или кракен. Некоторые взрослые особи марзул могли переплюнуть длиной своего тела небольшие города Морского Востока. В отличие от драконов, которые давно вымерли и даже ныне живущими почитаются как мифы или красивые легенды, впрочем, как и кракен, о котором не слыхивали уже больше восьми веков, песчаные черви самая настоящая явь. Да, конечно, таких крупных марзул уже не осталось в помине, но мелкие все так же изредка продолжают нападать на поселения людей и истреблять все живое в округе.

Вот и Клепий не мог поверить в эти рассказы до тех

пор, пока не увидел большие туннели, которые гуляли по различной траектории, пересекались между собой, то уходили вглубь, в недра, в затерянной пещере, то всплывали на поверхность, откуда чувствовался солнцепек знойного дня морского востока. Культисты не зря выбрали этот комплекс пещер – в этом целом лабиринте, где когда-то блуждал огромный песчаный червь, можно было заблудиться и попросту не выйти назад. Страж поначалу сомневался в том, что эти широкие туннели могли быть тропой, который прокладывал себе песчаный червь, и до сих пор сомневался в этом. Однако то, каким он оказался большим и довольно ровным, говорит о том, что это скорее искусственное образование, чем природное и проложено оно каким-то существом.

Туннели тянулись на много стадий, петляя между собой, образуя различные пути, кое-где они под воздействием естественной эрозии обрушались и Клепию приходилось искать другой путь к подземелью. Еще до того, как опуститься в один из подземных ходов, страж использовал свой Магус Опус, чтобы проверить колебания эфира в этой местности. Несмотря на преграду в сотни тонн земли, Магическое Око позволило засечь в глубине пещер сильное эфирное возмущение и после этого, Клепий даже не сомневался в том, что культисты проводят свои обряды.

После допроса Аблата, члена культа Фахтаче из Ноблоса, выяснив где находится место сбора всех культистов, Клепий тут же отправился в путь. Комплекс пещер, которые из-

древле люди, сами того не ведая, назвали Огненной пляской, располагался намного восточнее Ноблоса, там, где находилась земля без единой реки и пустыня год за годом отвоевывали для своих песчаных дюн все больше и больше земли. Страж путешествовал на причудливом горбатом животным, с вытянутой вверх шеей и большими массивными боками. Жители морского востока называли его – фасум, оно, как и верблюд могло долго находиться без воды в пустынной местности, запасы жидкости хранились в горбах, а длинная шея позволяла ему контролировать процессы тела. Что-то похожее на плавники находились по всему телу и выполняло функцию терморегуляции – днем, когда солнце нещадно палило это животное охлаждало себя, используя плавники как конденсаторы, ночью же, когда в пустыне становилось холодно, оно спокойной себя обогревало.

В первом же попавшемся поселение, которое встретилось Клепию по пути к Огненной пляске, страж аккуратным образом расспросил местных жителей о чужестранцах, которые проходили здесь недавно. Судя, по их словам, страж, который чудным образом «восстал из мертвых», инсценировав свое самоубийство, проходил здесь три дня назад. Клепий понимал, что нагнать его будет трудно, а уж сделать так, чтобы его не заметил никто из здешних, было еще труднее. Но все же путник двигался с большой скоростью, и почти всегда останавливался на ночь в маленьких городках, где находил приют либо в таверне, а если трактир был переполнен, он

ночевал в сараях у яслей или коровниках, главное, что там было тепло и относительно безопасно.

Минуло семь дней с тех пор, как имперец выехал из Ноблоса. И вот, на следующий, восьмой день, он наконец-то добрался до того места, о котором говорил Аблат.

Во-первых, его удивила сама местность. Здесь, среди пустыни, росли те самые кустарники, о которых ему говорил еще совсем недавно библиотекарь. Место это было значимо тем, что среди песчаных дюн выделялось совсем другой породой, более твердой, было похоже на то, что когда-то давно одна из скал была занесена песком и с тех пор она жила под покрывалом пустыни. Казалось бы, что на этой бесплодной почве ни одно растение или деревцо не смогло прорости, однако высокие кусты Мохира буквально обволакивали площадку Огненной пляски. Один из туннелей пытались сокрыть большим валуном, однако щель говорила о том, что здесь есть проход и можно спокойно проникнуть в эту потайную комнату пустыни.

Перед тем, как туда попасть Клепий думал о том, чем бы развеять темноту пещеры, но попав внутрь он удивился еще больше. Клепий, повидавший в жизни много ужасного и много удивительного содрогнулся от того, что он лицезрел теперь. Культисты, почитали богиню Фахтаче и часто преклонялись перед ее символическим деревом – мохиром, связывая кустарник и богиню воедино. Теперь страж понял, почему у огнепоклонников появились столь сильное почитание

и священный трепет перед этим растением.

Корни мохира под землей больше походили на кровеносные сосуды, заполненные чем-то похожим на жидкий огонь. Толстые корни уходили глубоко вниз, освещая при этом своим ярким огненным светом большие участки широкого тоннеля. Правда Клепий не знал, что будет, если пройдет, через тоннель дальше, и, если там не будет корней мохира, передвигаться придется в слепую.

Двигался страж интуитивно и в скором времени в своих домыслах он оказался прав. Туннель, который показался имперцу спиралевидной формой делал странной крюк и разветвлялся на две части. Уже на этом перекрестке не было корней мохира, тут было темно, словно над землей наступили сумерки, не хватало только влажной вечерней мглы. Однако отточенные рефлексy стража позволяли ему видеть в темноте довольно хорошо, не так, как днем, но все же ориентироваться в пространстве он мог совершенно просто.

От его взгляда не ускользало ничего. На некоторых участках тоннеля, проложенного песчаным червем, он видел различные погрызенные корни, говорящие о том, что здесь проживали какие-то животные, скорее всего травоядные грызуны. В некоторых частях ходов было навалено много земли, будто тоннель хотели перекопать. Не ускользнуло от имперца и то, что тут полно человеческих следов, которые бороздили эти множественные тоннели. Несмотря на твердую и огрубевшую со временем породу почвы, следы, если

присмотреться, были четкими. Ужасно было видеть детские следы, судя по отпечаткам дети даже в конце своего пути не переставали сопротивляться, их тащили под руку, борозда из двух ног кое-где обрывалась, а затем появлялись вновь мелкие мельтешащие следы.

«Боги мне в помощь. Именно в этом зловещем месте культисты приносят в жертву безвинных, но угодных для и богини детей. Какой смысл просить урожая, деторождения или здоровья у того бога, кто просит взамен детскую жизнь? Один дукат – цена тому богу.»

Хотя Клепий мало верил в то, что культисты просят о чем-то, из вышеперечисленного. Фанатики скорее были не свободными людьми, которые могут договариваться с людьми, а прислужниками, скорее рабами Фахтаче, нежели полноправными партнерами, как в имперском Пантеоне.

Множество мыслей посещало Клепия, пока он бороздил просторы этих замкнутых и переплетающихся туннелей. Казалось, что время течет здесь совершенно по-другому – тихо, медленно и размеренно, у Клепия было чувство, что время здесь вовсе остановилось на том моменте, когда червь только что прокладывает этот своеобразный тоннель. Страж чувствовал всплески эфирной энергии, но старался лишний раз не останавливаться и не тратить попросту силы.

«У меня другая задача. Интересно, кто решил пойти вспять течения реки? Кто тот смельчак, что предал Орден?»

Сейчас Клепием двигало не желание заполучить печать

быстрее поклонников Тьмы. Его интересовал тот человек, что назвал себя Велисарием и судя по его способностям он действительно являлся стражем. Мысли стража лихорадочно бегали в поисках истины, однако имперец боялся подозревать каждого, кто присутствовал в Ордене.

«Если сторонники Тьмы проникли даже в Орден, то ведьма права. Тьма пробуждается и набирает силы, наступают последние времена, когда исполнятся всяко записанное пророчество.»

– Да возгорится очистительное пламя богини! – обратился стражник, охранявший вход в подземелье к Клепию.

– Слава Фахтаче и ее Вечному огню! – ответил страж в ответ.

«Хвала богам, меня не заподозрили»

Клепий ничем не выдал себя, по крайней мере пока что. Он взял у Аблата маску, которой он пользовался во время богослужений. Созданная из гипса маска олицетворяла собой спящую богиню, лицо которой было спокойно и безмятежно, с другой стороны оно было величественным и горделивым. Из полуоткрытых век были искусно сделаны зрачки, горящие пламенем. Священная маска жреца стала для Клепия маскарадной, дабы пробраться в тайное логово культа и помешать Велисарии пробудить богиню.

«Молю богов, чтобы сегодняшней день для культистов не стал «Очистительным огнем».

Дабы не заблудиться среди этих бесконечно-ветвящихся проходов имперец вырезал на каменной породе черточки, чтобы не заплутать. Вскоре, он вышел к тому месту, где вновь появились корни мохиры, освещавшие все в округе. Пульсирующие корни углубляясь далеко вниз, к центральной пещере, где, судя по словам библиотеки раньше жил червь. Используя эфир в качестве путеводной звезды, Клепий побрел по тем туннелям, где чувствовалось недавнее возмущение эфира. Страж хотел быстрее догнать Велисария и посмотреть этому предателю в лицо.

«Я его предаю в руке ордена. Мой брат не должен погибать от моего меча.»

Реальность же была менее прозаичной, скорее всего Велисарий не пожелает сдаться и всеми силами попытается либо сбежать, либо устроить бойню. Но все же, приоритетной задачей Клепия оставалась поиск печати, а о горе Шармат могли знать только культисты Фахтаче.

Клепий пробирался тихо, чем глубже он опускался под землю, тем теплее становилось в тоннелях. В скором времени стражу захотелось снять свои доспехи, ибо на его лбу выступила испарина, а рубаха под кольчугой взмокла. Через некоторое время перед Клепием предстало все великолепие этой пещеры, хотя пещерой назвать это место не повернулся бы язык.

Туннель его привел к огромному открытому пространству, здесь было светло, как от корней мохиры, так и от

странных грибов, произраставших на каменной почве, и даже на сводах пещеры. Грибы имели волнообразную шляпку и толстую ножку, могли расти, как вертикально, так и горизонтально, но удивительно то, что они светились странным лазурно-голубым цветом, который резко контрастировал с алым цветом корней мохиры. Клепий находился от пола пещеры довольно высоко, чтобы очутиться внутри этого огромного жилища песчаного червя, стоило еще приложить немало сил, чтобы спуститься по уступам на каменную поверхность. Здесь было полно подземных рек и ручьев и Клепию показалось, что он попал совершенно в другое измерение, будто он очутился не в Делионе, а в другом мире. Несмотря на закрытое пространство, из-за обилия туннелей воздух в пещерах не был спертый, скорее наоборот. Теплая духота не переходила в дикую жару лишь благодаря холодным водам, протекавшим по своим древним маршрутам.

Клепий решил аккуратно спуститься и продолжить путь дальше, чтобы найти очаг культа. Пока страж спускался по каменным уступам, что выдавались из-за стены пещеры, он успел оглядеть открывшийся вид каменной пляски. Странные грибы, которых он видел не в первый раз, будто бы были его сопровождающими – они неплохо освещали ему пути вниз, корней мохиры здесь было меньше и приятный голубоватый цвет озарял естественно сделанные каменные ступени. Споралии росли и на стенках пещеры, и на низменных участках, куда и спускался страж, грибы были хороши-

ми ориентирами, чтобы не соскользнуть вниз, и не упасть головой.

Шаг за шагом, осторожно спускаясь по уступам, Клепий наконец-таки добрался до самой пещеры. Широкая, с высоким каменным сводом, с потолка пещеры свисали древние сталактиты, облепленные песком и споралиями. Подсвечиваемые грибами они казались длинными мечами пылающие огнем, будто сами боги снизошли с Фиолхарда и держат в своих руках оружие.

Почвы внутри пещеры можно сказать и не было – твердая каменистая гладь, на которой не оставалось следов. Интересно то, что здесь совсем не было песка и пыли, которыми наполнились туннели Огненной Пляски. Здесь было жарко, но сквозняк, хорошо продувал Клепия, однако из-за маски Фахтаче на лице на его лбу появилась испарина.

«Куда мне теперь двигаться?» – всего было два прохода – по правую и левую сторону от спуска.

В первую очередь он хотел найти Велисария и наконец-таки взглянуть в его лицо, признав в нем брата ордена. Если Велисарий действительно был стражем ордена, то Клепию хотелось услышать от него оправдания. Хотя, по словам Крысиного Короля, Велисарий еще до вступления в орден преклонялся перед силами Тьмы, так что он делал свой выбор осознанно и не поддаваясь на уловки, как другие перешедшие на сторону Тьмы стражи.

Во-вторых, он желал освободить всех детей, которые со-

держались в Огненной Пляске. Сама мысль о том, что их всех должны были принести в жертву богини Фахтаче – была чудовищной. Им всем грозила смерть на костре, во славу богини, ради только лишь одного – пробудить древнее божество.

Клепий использовал Магическое око. Яркая и красочная пещера, переливающаяся множественными тонами из-за обилия растущих на стенах споралий и корней мохары обрела тусклый, серый цвет. Магия опус метафизически переносил Клепия в эфирное пространство, то есть, он оставался посередине, где-то между реальностью и эфиром, которая и создала все это в физическом виде. Остатки эфирной энергии уходили в обе стороны, однако по левую сторону от прохода эфира было намного больше. Без хлопот вернувшись в реальность, Клепий отправился туда, куда его сначала и повела интуиция – двигаясь осторожно и рассматривая эту странную, но по-своему удивительно красивую пещеру.

Страж как будто шел по выложенной искусственным образом тропе – по обе стороны от него протекали подземные ручьи, с кристально чистой водой. Наклонившись, он зачерпнул ладонями воду и пригубил. Вода была ледяной, и от нее исходил пар, жаркое помещение пещеры резко контрастировали с прохладными подземными водами, посему здесь было намного свежее, чем в закрытых песчаных катакомбах. Вскоре, на дороге стали появляться корни мохира – и родниковая вода, и дорога, по которой шагал Клепий нача-

ла подсвечиваться этим удивительным растением. Казалось, что корни начинают тянуться вслед дороги, узорами они были похожи или на замерзшие озера, где природа создает на льду свои произведения искусства, либо на листья деревьев, – на чьих листьях были похожие узоры, тянутся стебельки и разветвляются по всему зеленому листочку. Здесь же природа имела в виде пещеры целый нетронутый холст, на котором мазками создала одно из самых удивительных мест Делиона, почти за каждый предмет здесь цеплялся взгляд Клепия, и он считал богохульным то, что культисты используют это место для своих темных обрядов.

В скором времени, Клепий остановился перед тремя проходами. Один вел налево, другой шел по середине, а третий справа.

«Интересно, куда ведет каждый из них?»

Было ясно, что лишь только один проход сможет провести Клепия к месту сборища культистов. Он даже не стал использовать Магия Опус, чтобы узнать этот проход – корни мохиры освещали эту пещеру так ярко, что Клепию казалось, будто он выходит на поверхность земли.

Туннель показался Клепию шире, нежели те, которыми он добирался до Огненной Пляски. Однако здесь было много песка и щебня, а судя по многочисленным следам, здесь ходило очень много народа. Однако, среди них Клепий не нашел ни одного детского. Радовало это его, либо наоборот, настораживало, страж сказать не мог, он двигался до тех пор,

пока наконец-таки он не достиг выхода и не увидел всего этого удивительного зрелища.

Большая часть пути пролегалa по проторенным тропами, но количество туннелей здесь было таково, что можно было заплутать и остаться здесь навечно. Ничего другого Клепию не оставалось, кроме как допросить одного из культистов, как можно пройти к тому месту, где содержаться плененные дети.

На пересечении двух туннелей он увидел коленопреклоненного культиста, который находился спиной к стражу. Клепий своими глазами видел это чудо, которое стало объектом поклонения для почитателей Фахтаче – корень мохира был объят огнем и при этом не сгорал, источая сладкий мускусный запах.

«Это запах смерти»

Культист стоял на коленях, и монотонно читал молитву на одном из диалектов языка морского востока. Его маска покоилась на земле, вокруг нее был воздвигнут некий барьер из сальных свечей. Имперец огляделся по сторонам и понял, что другого шанса судьба может ему и не предоставит. Воин начал медленно подкрадываться к фанатику, при этом, стараясь совсем не шуметь. Зачарованный меч, покоившийся в ножнах, вышел на свободу, в это проклятое место, Клепий почувствовал своей рукой и частицей души его страшную пульсацию. Меч просил в жертву этого безбожника.

– Двинешься, и не видать тебе благословение Фахтаче, – Клепий упер острие меча в шею культиста, оставив кровавый порез.

Фанатик перестал читать молитву, но больше он никак не отреагировал на появление неожиданного гостя. Он продолжал стоять коленями на твердой породе, занесенную песком. Клепий старался не смотреть на чарующий горящий огонь, что обьял корень мохира.

«Боги, сохраните меня от соблазна», – стражу казалось, что голос из огня взывает его, но воин решил создать вокруг себя ментальный барьер.

– Где дети?

Поклонник Фахтаче не ответил на поставленный вопрос, продолжая созерцать божественный огонь. Клепий думал, что он продолжает молиться. Нет. Он слушал. Слушал глас своей богини.

– Тебе не изменить предначертанное, – ответил фанатик и Клепия бросило в дрожь.

Не от произнесенных слов. А от голоса, который принадлежал юнцу, едва узревшему свой первый волос на подбородке. Хватка меча ослабла, но страж понимал, что богиня пытается его обмануть, как и каждый поклонник отца лжи.

– Если хочешь продолжить молиться своей богине, ответь, где пленные дети?

Зачарованный меч пульсировал мягким бархатным-зеленым цветом, он уже оставил кровоподтеки на шеи фанатич-

ного поклонника. Рука не должна дрогнуть, когда убиваешь того, кто исповедует темных богов. Но враг по-прежнему молчал и не мог не молвить ни слова, без одобрения своей богини. Все ее поклонники стали никем иным, как обычными рабами, выполнявшие прихоть своих хозяев.

– Ты найдешь детей, но тебе предстоит сделать трудный выбор, – ответил культист и начал медленно поворачиваться лицом к своему пленителю.

Клепий был прав. Перед ним предстал лик юнца, завербованного темными культистами в свою секту. Ему и не стукнуло шестнадцати лет.

– Они готовы стать агнцами ради воскресения богини, – уверил Клепия сектант. Они добровольно пойдет на смерть, ради любящей Матери Огня.

Клепия эти слова выводили из себя, более того, ему страшил тот уверенный тон, с каким говорил культист. Сейчас страж был уверен в том, что его рука поднимется даже на такую молодую жертву. Это будет для него спасением, а не смертью.

– Просто скажи, где они.

Клепий вспомнил слова Аблата о воскрешении Фахтате.

«Дите, добровольное облекшееся в шкуры закланного агнца, да возвеличит тебя»

Но главной целью для Клепия по-прежнему оставалось найти печать.

Перед взором Клепия открылось самая настоящая открытая подземная площадка. Пещера была воистину огромной, здесь могла бы вместиться целая Обитель. Но от этого не стало легче, потому как здесь было слишком много фанатиков, которые мешали свободному передвижению.

Хитросплетения туннелей, созданные марзулами в случайном ли порядке, либо специально, могли сбить с толку кого угодно. Культист видимо сильно уверовал в свои собственные слова и провел имперца через сеть туннелей за небольшой срок времени, выведя его прямо сюда – место почитания Матери Огня. Клепий не решился убивать подростка, и он ударил того в висок, чтобы тот потерял сознание, а сам начал движение в ту сторону, куда указал ему сектант.

Ритуальная маска выдавалась только тем, кто уже прошел просвещение, таковых даже в Ноблосе было немного. Точнее, в Ноблосе уже не осталось никого, включая библиотекаря.

«Но может быть такое, что я заблуждаюсь? Может быть маски принадлежат не только жрецам, но всем почитателям Фахтаче?»

В любом случае, сейчас это его должно интересовать меньше всего. Сейчас маска для стража была ничем иным, как удобным прикрытием, чтобы спасти детей от страшной казни. Ритуальный атрибут позволял имперцу слиться с местной «толпой» и на него практически никто не обращал внимания, лишь изредка приветствовал стандартными слова

о «Славе Фахтаче».

Так получилось, что юнец вывел беспокойного и настороженного стража на верхние этажи этого подземного помещения, внизу же, перед его взором, расстилалась картина громадного храма, посвященного богини Фахтаче, на том самом месте, где ее жизнь была прервана неизвестным убийцей.

Трое молельных жрецов в своих ритуальных раскуроченных масках молились перед агнцами, которых в скором времени готовы были принести в жертву своей богине. Они возносили свои молитвы, готовя своих жертв для заклания на огненном алтаре, полыхающем страшным горячем пламенем. И тут Клепий вспомнил письма, найденные под маяком и слова Аблата.

«Только добровольная жертва сможет удовлетворить нашу богиню.»

Ему стало не по себе от этого. Жрецы усердно молились перед небольшим помещением, где скопилось большое количество детей. Стражу даже было страшно представить, сколько их тут было.

Жрецы не обращали на Клепия никакого внимания, даже не опасаясь того, что сюда может нагрянуть их враг, но...

Другого выхода не оставалось. Они могли поднять тревогу...

«Боги, за что мне все это?»

Дети не испугались мужчину, облаченного в доспехи, от

которых расходились блики огненных факелов, освещаемого помещения. С конца его оружия ручьем капала кровь, он смотрел на всех этих брошенных родителями детей и проклинал весь человеческий род за то, что они обходятся так со своими чадами. Он помнил слова, сказанные ранее, что родители обычно сами отдавали в рабство своих детей, чтобы прокормить остальную семью. Клепий проклинал и собственных богов за то, что они не предоставили ему иного выбора.

– Нам нужно выбираться отсюда, – он пытался образумить этих детей, которые в действительно походили на молчаливых овец.

Овцы не чувствуют своей гибели, они не ведают о своем заклании, эти же дети, вели себя совершенно спокойно, зная, что пламя поглотит их. Они ничем не отличались от других детей, Клепий всматривался в их голубые, карие, зеленые глаза, расположенные на круглых, овальных, пухленьких лицах.

Одна из девочек покачала отрицательно головой. Ей не стукнуло и семи лет, пухленькая розовощекая девчонка стояла, потирая свои ладони.

– Нельзя, алвай, – тихим нежным голосом ответила девочка. Мать ждет нашей жертвы.

Клепий сам того не ожидая, сжал рукоять меча от злости столь сильно, что костяшки на его пальцах побелели. Он проклинал все на свете за то, что сейчас вершится.

– Вам нельзя умирать, дитя мое, – пытался образумить девочку Клепий и присел на одно из колен, обратившись к этому милovidному дитю. Ни что, не стоит ваших жизней.

Девочка в упор смотрела своими голубыми ясными глазами на незнакомого бритоголового дядьку и не понимала совершенно причины его прихода в этих святилища.

– Нельзя дяденька, – она аккуратно положила свою маленькую ладонь на здоровенное колено незнакомца. Мы были рождены в этот грешный мир по ошибке, и должны вернуться к нашей настоящей матушки.

– Ибо настоящая мать у нас одна, – поддакнул мальчишеский голос из толпы.

Клепий отвернулся от девочки. У него не было время, чтобы образумить всех этих заплутавших в сетях лжи чад. Но он знал, что жертвоприношение не допустимо, и не только из-за этических норм и соображений, но и потому, что эта жертва откроет местоположение тела Фахтаче. Если Велисарий воскресит ее, то Тьма наступит на горло всему Делиону. Этого допустить было нельзя.

– Давай, милая моя, я отведу тебя к хорошим людям, они тебя будут кормить и заботиться о тебе, как о своей дочери, – Клепий не оставлял надежд, образумить девочку. Я отдам все свое богатство, чтобы ты ушла сюда вместе со своими друзьями.

Девочка потупила взгляд. Страж надеялся, что сказанное им наконец-то перевесит всю ту ложь, которой ее пичкали

поклонники Фахтаче.

– Дяденька, я буду служить только своей матушки и ее всеогню, – девочка улыбнулась самой искренней и улыбкой и это стало для Клепия самым страшным сигналом в его жизни.

Стражи меньше обычных людей подвержены человеческим эмоциям. Но в тот момент Клепий горько заплакал, и зарыдав навзрыд поднялся с колен. Он занес свой меч, но не смел посмотреть в эти добрые детские глаза...

Глава восьмая. Гора Шармат.

Камень был холодным, но это не помешало Клепию облокотиться к нему спиной. Уставший страж приземлился рядом с булыжником, держась за свои переломанные ребра. Дышать ему было по-прежнему больно, трудный подъем на гору сопровождался превосходством Клепия над усталостью и болью. Двигался он к горе Шармат каждый день, практически без остановок, мог уделять в один день лишь несколько часов на сон. Привалы он делал редко, чтобы перекусить своими съестными припасами, либо помассировать ноги, изобилующие кровавыми мозолями. Страж и не помнил, когда последний раз он двигался такими темпами и без остановок. Каждая минута была на счету и поэтому он старался не терять драгоценного времени.

Усевшись, он почувствовал, как в его пятую точку впиваются десятки мелких камней – постоянная атрибутика здеш-

них мест. Будь Клепий менее уставшим, он бы подстелил под себя свой же плащ, однако он решил отдохнуть и перекусить, не задерживаясь здесь и вновь тронуться в путь к вершине. Плащ покоился позади его спины, он цеплялся своими крючками к наплечникам, которые покрывались кольчужгой. Потертый, в некоторых местах изорванный, от него пахло вонью канализации Ноблоса, но все же этот белоснежный символ колеса на черном фоне даже и не думал тускнеть.

" Да простят мои боги, что я сам тускнею день за днем, будто бы свеча, готовая превратиться в огарок."

Клепий сильно устал. Его поход, начиная от Зловонных топей был проверкой на его веру в собственные идеалы. Проверка это была с большими помарками, иногда он попросту терял веру во всех богов, за что проклинал и себя, и их. Двенадцатиконечное колесо на его плаще – символ Двенадцати богов, каждая из спиц – оконечностей колеса олицетворяла собой божество, чьи силы и воззрения не пересекаются с другими богами. Пантеон был свято чтим в Империи, но за ее пределами этот плащ превращался в обычную побрякушку.

" Осталось преодолеть последний подъем. Но что мне делать потом?"

Развязывая свой походный узелок с пищей Клепий задумался над тем, что будет делать после того, как отыщет печать. Что же он с ней будет делать?

" Я так и не узнал личность Велисария. Даже если я и оты-

щу печать и отправлюсь вместе с ней в Обитель, что мешает темникам поджидать меня в цитадели стражей?"

Погоня за печатью зашла слишком далеко. А эта печать была лишь одной из шести потерянных. Такое ощущение, что за ней одной гонятся все силы Тьмы, дабы воскресить свое почитаемое божество. Воскрешение одного божества – Фахтаче, он уже помешал, но это лишь малая доля, в среде того, что происходит в Делионе. Культисты Огненной богини так и не нашли ее тело, а вся их задумка насчет воскрешения провалилась. Он вспомнил, как тяжело ему давались эти удары мечом и вздрогнул от своих же собственных воспоминаний. С тех пор, как он каждого ребенка лишил жизни он не мог сомкнуть и глаза. Не проходило и ночи, чтобы он не пробуждался от кошмара и не вскрикивал во сне. Лица детей, которых он собственноручно убил свои зачарованным оружием до сих пор стояли перед его глазами. И он готов был поклясться, теперь каждое его сновидение будет полниться криками этим убитых детей.

" В жизни иногда приходится делать тяжкий выбор. Боги не ведают этого, что иногда людям суждено выбирать один вариант – из двух неправильных. Был бы у меня другой выход, поступил бы по-иному."

Нет, он не желал оправданию этого поступка, совершенного в Огненной Пляске. После этого, у него часто появлялась мысль свести счеты с жизнью, но его цель была в приоритете. Он положил на чашу весов жертву собственноруч-

ных детей, где на другой чаше весов был весь остальной Де-лион.

Все та тяжелая ноша, которую он таскал в своей душе была совершена ради этой злополучно печати. И теперь он не знает, если она будет в его руках, куда ему двигаться дальше. Уничтожить ее – увы нельзя. Есть только один человек, который сможет сделать этого. Его названный племянник сейчас находится за десятками тысяч стадий отсюда и даже не подозревает, что ему предстоит пережить в ближайшем будущем.

"Интересно, как ты там? Надеюсь, что я еще смогу увидеть твое лицо, Флавиан. Надеюсь я смогу увидеть твою мать."

Любовь к ней стала причиной того, что новорожденного мальчика подселили именно к ней. Однако Клепий не решился называться для мальчика отчимом, а стал его дядей.

"Дядя Клепий. Интересно, являюсь ли я для кого-нибудь настоящим дядей?"

Страж не ведал своей родни, да скорее всего ее у него и не было.

Кусок не шел в горло. Аппетита не было совершенно. Однако Клепий решил пересилить себя и прожевать вяленое мясо, чтобы поднабраться энергии. Отправив лепешку в рот, он все это запил водой и убрал остатки в свой походный мешок. Вставать с земли ему было сейчас так же тяжело, как раньше биться с противником. Любое движение для него бы-

ло вызовом, однако Клепий старался, стиснув зубы пересилить собственную боль. Использовать эфир для исцеления можно, но само по себе опасно. Эфир никогда не будет подконтролен человеку, человек может им пользоваться, но аккуратно и только с великой надобностью, ибо он может стать рабом эфира, как например Крысиный Король.

Все аккуратно сложив, Клепий поднялся, придерживаясь за булыжник, который был по его левую руку. Дышать было по-прежнему сложно, каждый вдох давался ему с усилием, но впереди еще был долгий путь наверх – к вершине горы. Страж поднял свою голову вверх и увидел в небесах сияющую точку в небе – вершина Шармат, которая скрывалась за густыми, словно брови, облаками, обволакивающие горный пик. Вопрос о том, что надо будет делать с печатью, Клепий пока отложил.

" Для начала мне надо все же ее найти. Нечего свежевать шкуру не пойманного зайца."

И Клепий медленным шагом начал подъем на гору, к которой он шел так долго, но целеустремленно. Теперь эта каменная и узкая дорога, невольно переходящая в серпантин, напоминала его собственный путь к Шармат. Он был таким же извилистым, как это тропа, опасным и стоило оступить, то ты лишишься жизни.

Путь к Шармат занял две недели. После инцидента в Огненной Пляске, когда Клепию пришлось бежать оттуда, он отправился в ближайший город и не пожалел, что взял се-

бе верблюда, а не лошадь. Верблюд оказался более выносливым и не прихотливым к воде в столь жарком климате, преодолев пустыню, он добрался до города Оксакат, который уже находился под властью короля Куарья. Следующей его преградой на пути к Шармату стали Зыбучие пески. Именно это место отделяет полуостров Морской Восток от основного и самого большого материка Делиона. Вскоре, Клепий добрался до высокогорной гряды и ему осталось найти ту самую вершину, где по легенде был прикован хранитель печати. Она выделялась среди всех гор своим мало естественным наклоном, как будто горный пик под своей тяжестью, будто дерево, припорошенное толстым слоем снега, склонялся над всеми остальными горами. Шармат не был выше остальных гор, скорее брел где-то в пятерки лидеров среди высотных остроконечных пиков, но выделялся своим внешним видом. Бронзовые люди именовали это место "Каменистая земля", люди же пришедшие сюда, не найдя здесь ничего пригодного для жизни оставили в памяти название "Корх-Мадур", что означает "Безжизненные копыя." Говорящее название о том, что сейчас видел Клепий.

Страж понял издалека, что это то, что ему нужно. Плодородные земли вокруг реки Сепса резко и неожиданно обрывались для путника. Речка текла на юг, где проживало легендарное племя дедейр, питаемое силой феев. Но путник пошел по другому пути, по пути, которым не ходят уже тысячи лет. Вскоре началась бесплодная земля – каменистая почва,

редко ублажаемая корнями мелкорослых кустарников, у которых листья были не зеленого цвета, а странного коричневого с оттенком салатого. Они высасывали последние жизненные элементы из почвы, но с каждым шагом их становилось все меньше и меньше. Вскоре, почва уже даже не прогибалась под сандалиями Клепия. На его пути были только пыль и камни. Но даже здесь боги Делиона придумали, чем разнообразить местную фауну. Преимущественно здесь все было окрашено в серый цвет, который казался в этих местах магическим сиянием. Было удивительно смотреть на серое, затянутая медленными и угрюмыми облаками небо, солнце практически не было видно за множеством горных пик, безжизненное пространство, которое наполнялось только лишь камнями. Но камней и самых разных здесь было вдоволь.

Под ногами стража встречались обычная серая галька, по бокам от дороги лежали большие валуны, покрытые зеленоватым оттенком – наверное в память о том, что когда-то здесь росла трава. Но это было ложное ощущение – Клепию казалось, что это место было создано таким и таким оно было всегда. Вскоре, начали попадаться большие и толстые гранитные камни, которые переливались на свете. Мелкая галька была вперемешку с черными, будто угольными камнями. В крохотном водоеме, располагавшимся на одном из подъемов, он заметил странные блестящие камни, которые были чем-то похожими на алмазы.

" Царство камня."

Так назвал это место Клепий. Это было одновременно и удивительным местом и на первый взгляд, очень однообразным. Даже издали усталый путник понимал, почему люди прозвали это место "Безжизненными копьями." Пики гор впивались в твердый небосвод своими острыми копьями, будто охотник в свою жертву. Казалось они протыкали небо-склон насквозь, а у небес, вместо крови, начали течь дожди. Облака бережно и будто нехотя укутывали горные пики своим белоснежным покрывалом, однако это не спасало от серости. Даже когда солнце пыталось прорваться своими лучами на эту каменистую местность, она все равно казалось серой из-за обилия этого материала.

Струйка воды стекала вниз прямо из-нотра горы. Ладони, грязные от дорожной пыли, Клепий подставил под маленький ручей. Сейчас он преодолевал подножье горы Шармат и уже с этих уступов можно было заметить насколько большим был "Корх-Мадур." Ополоснув свои руки, Клепий набрал в ладошки холодной прохладной воды. Жидкость приятно освежила его рот, и путник продолжил свой подъем на вершину.

Прошло чуть меньше месяца с тех пор, как он бился с братьями близнецами в подземелья ноблоского маяка. Боль перестала быть такой острой, как раньше, она скорее наступала неожиданно и в самые разные моменты. Иногда он ночью просыпался от острой боли в грудной клетке, но чаще всего его пробуждение сопровождалось криками, а причиной то-

му были кошмары. Переломанные ребра срослись, возможно и неправильно, но у Клепия попросту не было возможности отлежаться и вылечиться у местных лекарей и ему приходилось продолжать свой путь будучи раненным человеком. Теперь главная его цель – найти Печать. Интуиция его на сей раз молчала, однако сам он был в немного приподнятом настроении. Он расстроил планы культистов, однако это стоило ему огромных морально-волевых жертв. Убивать монстров – это одно, людей – совершенно другое. А убивать детей – это то, о чем он никогда бы не помыслил, вступая в орден Стражей. Фахтаче так и не возгорелась пламенем, а последние задумки Ламоса пошли крахом. Но не стоило ждать, что культисты успокоятся после этого. Велисарий исчез из его поля зрения и где он теперь мог быть, могли знать только боги.

" Только темные боги."

Тропа была такой же однообразной, как и вся эта местность. Узкий каменистый серпантин ввел стража вверх, к самой вершине, где должен быть заключен в горную породу хранитель печати. Уже через час своего пути путник решил сделать еще один привал. Воздух здесь казался тяжелым и влажным, при этом пыль вздымалась на такой высоте воздух. Ветер струями обдувал стража, казалось он гуляет по всему горному кряжу, от одной вершине к другой, пытаясь вечно найти себе приют, однако не может определиться, какая гора подходит для того, чтобы успокоить его естество. Клепию казалось, что он проделал уже достаточно большой путь ввысь

– однако задрал свою голову, горный пик Шармата казался для него недостижимый. Солнце постоянно пряталось за тяжелыми свинцовыми тучами, то и дело хмурившись совершенно понапрасну, поэтому нельзя было отследить движение солнца.

"Интересно, которая сейчас стража?"

Клепий прошел изрядное расстояние. Ноги уже болели от постоянной ходьбы, стражу приходилось растирать свои икры. Кольчуга на его теле была балластом, который он хотел бы скинуть. Однако опасность его могла подстергать везде и не стоило лишать себя защиты. Клепий постоянно смотрел вниз и за пределы горизонта и только теперь он заметил то, что изблизи заметить было трудно.

"О боги, что это?"

Среди сотен гор, которые раскинулись на тысячи, а может быть и десятки тысяч стадий, у их подножий располагались... Нечто. Нечто, сотворенное из камня и антропоморфного вида. Некоторые эти монументальные фигуры напоминали людей, другие же походили на животных. Каменные великаны величественно и безмятежно охраняли это, казалось бы, вечные горы от чужеземцев, своими каменными взглядами осматривая каждого, кто посмеет нарушить их покой. Некоторые фигуры располагались даже на горах, будто бы обнимали эти естественные горные образования.

"Интересно, а есть ли на Шармат что-то похожее?"

Эти размышления навели его на сон и сидя на тропе он и

не почувствовал, как провалился в глубокий сон.

Проснулся.

" Интересно сколько я проспал?"

Казалось, что время здесь остановилось. Безмятежное место не было терзаемо потоками времен и казалось, что Клепий удалился за грани бытия. Жизнь здесь безусловно была, но жизнь своя собственная, у нее тут были свои категории и люди по сравнению с этим местом – было детскими забавами. Клепий пробудился от наступавшего холода. Ветер стал дуть намного сильнее, да и тучи грудились вокруг пика Шармата с большей плотностью. Казалось, что вот-вот и они разродятся своими громогласными ударами молний и пустят слезы. Но как бы страж этого не желал, дождь так и не пошел. Клепий двинулся дальше ввысь, не встречая по пути ничего живого.

Сколько времени прошло с тех пор, как Клепий ступил своей ногой на территорию священной горы Шармат, страж ответить не мог. Как он и подумал выше, время здесь текло в ином русле, как будто бы река после весеннего разлива создало себе новое течение, образовав тихую заводь и отныне речные потоки превратились в стоячие воды. Пик был для Клепия все ближе и ближе, но его нутро ничего не ощущало совершенно – ни радости от конечной цели, ни горя от совершенного ради похода на этот горный кряж, ни раздражения, от того, что он преодолел этот путь до Шармат. Равнодушие. Равнодушие ко всему.

" Кажется, я начал терять смысл во всем этом."

Почему он один должен бороться ради этой печати? Зачем ему это? Почему его должна волновать судьба Делиона, после собственной же смерти?

" Все очень просто. У каждого человека есть свое предназначение. Без начертанной судьбой цели в жизни человек превращается в обычное животное."

Он раб фатума. Даже боги неподвластны собственной судьбе, а что говорить об этой мелкой сошке?

Вскоре, ветер стал еще сильнее. Плащ начал развеиваться под порывами ветров, облака стали более осязаемые, но чем выше Клепий взбирался на кручу, тем быстрее облака расступались перед ним. Обычный туман, и не более, магия кажется магией, только лишь издалека.

" Это всего лишь иллюзия. А что, если вся эта борьба Света и Тьмы тоже такая же иллюзия? Что если, мы пешки в этом противоборстве, ничего не решающие и не вносящие ничего нового?"

Клепий замер на месте. Ветер выл, словно оборотень в ночи, продувая каждое кольцо кольчуги. Плащ с изображением колеса трепыхался под сильными порывами, создавая свою собственную песнь. Одинокий страж наконец добрался до вершины, а точнее, до того места, где должен быть закован хранитель печати. Словно дупло в дереве, в горе виднелось небольшое отверстие, чуть выше человеческого роста. Там было столь темно, что это место невольно напоминала Кле-

пию катакомбы Ноблоса или путь к Огненной пляске.

" Боги вели меня сюда всю жизнь."

Момент истины может стать эпилогом ко всему существованию стража. А может оказаться моментом разочарования. Чтобы не мучиться этой мыслью Клепий решил не затягивать философский диспут у себя в голове и сделав несколько шагов оказался в этой пещере.

Его глаза привыкали к темноте не долго. По началу в пещеру вел узкий вход, настолько узкий, что он невольно терся своими плечами о стены. Кольчужные кольца царапали по камню, создавая посторонний звуки в пещере, эхом разносящиеся вместе с ветром. Казалось, что ветер был неким доставщиком на этой вершине. Он подхватывал на свои незримые руки звуки топота сандалий Клепия и уносил их отсюда подальше. Может быть вокруг горы Шармат, а может быть и к другим горным вершинам, чтобы рассказать им о том, что смертный потревожил их вечный покой.

Сквозняк обдувал и так обветренное лицо Клепия. Розовые щеки, сухие губы, прыщавый лоб, тяжелое дыхание. Воздух был здесь тяжелым, страж подметил это и раньше. Но в этой пещере все казалось немного по-другому. Воздух был здесь каким...

" Вечным", – подумал про себя путник и попробовал этот воздух на вкус.

Казалось, что Шармат стоит здесь еще с тех самых времен, когда боги еще не делились на светлых и темных. Когда они

все жили в Фиолхарде и не существовало никакой бездны. Когда Сущий бог Фонарщик еще не поссорился своим братом Скванным и не отправил его в Бездну, закрытую Шестью Печатами.

" Интересно, Шармат застала эти времена?"

Вряд ли. Та эпоха, Эпоха богов, первая из всех эпох предшествовала появлению всего сущего. Возможно именно в эту эпоху и был создан Делион и был наполнен красотой и удивительной гармонией. До поры до времени, пока Делион до краев не наполнился грехом Тьмы и пороками почитаемых темных богов. Равновесие.

" Равновесие. Сегодня силы Тьмы наступают с каждым днем все сильнее и сильнее. Пороки нивелируют все добродетели и безгрешных людей уже и в помине не осталось."

Наконец-таки страж выбрался из узкого каменного коридора в широкое пространство.

– Есть тут кто?

Эхо вторило ему, нарушая тысячелетнее молчание пика Шармат. Казалось, оно проникает повсюду и залезает под каждый камень.

" Есть тут кто? Ть ут то? ть у то?"

Молчание. Теперь, выйдя из этого коридора, даже ветер перестал быть спутником Клепия, покинув его и оставив стража в одиночестве с этим древнем местом. Удивительно, но и здесь глаза Клепия вскоре привыкли к темноте, но еще удивительнее было то, что на стене он обнаружил факел.

" Чудеса. Не думаю, что люди могли бы сюда добраться."

Огниво помогло Клепию зажечь факел, который вспыхнул моментально. Источник огня озарил угол пещеры, тени начали танцевать в безумных плясках на стене, но ничего кроме груды камней здесь и не было. Ничего, кроме одного единственного факела, что могло бы натолкнуть на мысли о том, что тут кто-то был из живых.

Осторожно ступая по каменным породам, Клепий осматривал все в округ. Пещера оказалось больше, чем ожидал страж. Ни хранителя, ни самой печати тут не было.

" Надо искать.", – продолжал успокаивать себя путник.

Факел под воздействием ветра то и дело менял направление своего огня, языки пламени пытались опалить Клепия, но только лишь потому, что он был преградой для выхода. Ветер стремился отсюда удалиться, видимо, он чего-то боялся. Чего-то древнего и могущественного.

– Ты пришел, – раздался властный и грубый, словно неумело отделанная скульптура из камня, голос из неоткуда.

Страж пришел в замешательство. Эхо не позволяло ему расслышать источник голоса и понять, откуда произносятся звуки.

– Я так долго ждал этого, – это нечто отчеканивала каждое слово своего предложения, словно мастер монетных дел каждую монету.

– Где ты? – Клепий обернулся назад и посветил факелом в противоположную сторону, но никого не увидел.

Голос молчал. Клепий крутился вокруг собственной оси, пытаясь найти источник этого голоса. Воистину, он казался для путника чем-то чужеродным, словно он был не от мира сего. Некоторым императором давали в похвалу, либо же наоборот, эпитеты к их голосам – железный голос, золотой голос, или металлический. Железный голос казался грубым и одновременно звонким, по появлению этого голоса было понятно, что человек сей властный и не любят, когда противиться его воле. Человек же из этой пещеры обладал каменным голосом – холодным словно каменные плиты, вечным, словно горные пики этой гряды, отстранённым, словно мелкая галька, тысячелетиями покаявшаяся на дне морей, где и не ступает нога человека.

– Гесиор? – Клепий продолжал своим взглядом искать хранителя печати, но безрезультатно.

Сквозняк небрежно шевелил языки пламени, тень стража путалась у него за спиной и преследовала его, повторяя каждое движение. Монолитный и твердый голос вновь умолк.

– Гесиор! – крикнул во всю глотку страж и поднял факел на вытянутую руку.

Он шел по одной из стен пещеры и осматривал ее, пока не наткнулся на странный силуэт.

– Быстрее, – теперь голос хранителя печати стал более хриплым и тихим. Черви уже добрались до моих легких.

Эхо безропотно вторило тому, кто покоился в этих стенах.

– И до голосовых связок.

Голос уже был ближе и действительно, судя всего источник его являлся этим силуэтом.

Старое древнее и чистое наречие было сильно искажено ветрами времен, но страж с трудом понимал, что говорит хранитель.

Фигура была больше любого человека, которых когда-либо видел страж. Клепий подошел к Гесиора и осветил факелом его тело.

У Клепия пропал дар речи. То, что тьма может сотворить с человеком воистину ужасно и никакая выдержка не поможет человеку подготовить его к такому извращению. Клепий упал перед хранителем печати на левое колено и опустил в знак приветствия свою голову. Зачем он это сделал? Страж не смог ответить на этот вопрос, даже уже выйдя из пещеры. Скорее всего он понимал, на какие жертвы пошел Гесиор, чтобы сохранить печать от сил Тьмы.

" О, двенадцать богов. Какие бесконечные муки претерпел этот человек? И все ради того, чтобы каждый из когда-либо живущих в Делионе, спал спокойно, ел, любил, творил, растил, даже не задумываясь, что там, где-то далеко за морем, на одной из сотен пиков закован в объятия горы человек, позволяющий нам жить под небосводом этого брэнного мира."

Благолепие перед этим поступком наверно и заставило Клепия опуститься на одно из колен перед хранителем печати.

– Сколько лун прошло с тех пор, когда здесь в последний раз была живая и трепещущая перед Светом душа? – задал вопрос своим странным голосом Гесиор.

Он неспешно растягивал каждый свой слог, мучимый червями, голодающими его легкие и наполняющие дыхательные пути. Дышал он медленно, но громко, иногда всхлипывая или задыхаясь. Клепий не позволял себе поднять себе голову и посмотреть Гесиору в лицо.

– Не знаю, – старался ответить на свой вопрос хранитель печати. Знаю лишь то, что он назвался Предтечью.

Клепий вздрогнул. Когда Гесиор замолчал, в гробовой тишине пещеры ему слышалось только потрескивающий звук факела и копошение червей в животе Гесиора. Он поднял свой взгляд на хранителя печати.

Его тело было будто было заковано в гору, словно этот человек сросся с каменной породой. Обе его руки были раскинуты в сторону – левая была по локоть закована в мощь камня, пальцы на этой руке были неестественно выгнуты. Правая же была согнута в локте, одна кисть поросла камнем до самой ладони. Гесиор будто бы носил старые доспехи еще времен Первой Империи – нижняя часть его груди, чуть ниже ребер и до пупка была закована в твердый камень. На самой груди, словно улитки, присосавшиеся к телу, было еще несколько камней,двигающиеся в такт его дыханию. Из живота же стекала кровь и из зияющей дыры вываливались комками черви, от чего Клепий отступился и чуть не упал на

пятую точку. Каждый из них был размером с его указательный палец, отвратительные существа копошились в едином клубке покрытые слоем крови хранителя. Ноги Гесиора были вывернуты в неестественной позе и оба бедра вросли в камень горы Шармат, ниже колени были избавлены от твердой породы и чуть выпирали вперед, а вот ступни хранителя вросли в твердую прямоугольную подставку из камня, будто это был постамент статуи.

– Он клялся своим Нопогіум, что пройдет немало солнцезакатов, – Клепий следил за грудью Гесиора, которая вздымалась медленно вверх, а затем вниз. И придет ко мне тот, кто освободит от моих вечных мук.

Клепий медленно поднялся со своего колена и даже встав на обе ноги страж оказался хранителю по его грудь.

– Жалко, что до заката, я не смогу увидеть того, кто делает это, – продолжил Гесиор и чуть склонил голову вперед.

И тогда Клепий понял, почему хранитель сказал именно так. Из левой его глазницы выпал еще один комок червей, а в правом оно по-прежнему продолжали копошиться. Кровавые подтеки из глаз еще были свежи, ручейки крови оставили свой алый след на его скулах и подбородке.

– Гесиор, сын Менда, скажи мне, что я должен сделать?

Тогда этот человек несмотря на то, что камни пережали все его мышцы и ткани уже начали отмирать с самого рассвета, он сложил все пальцы в единый кулак.

– Борись, – ответил Гесиор и вскрикнул от боли.

На этом он замолк.

" Что это может значить?"

– Хранитель, – вновь обратился Клепий к Гесиору. Скажи мне, где находится печать.

Тот поднял свою голову и тихо зарычал.

– Твой брат, – отвечал он. Чья душа, черна, словно самая темная ночь без звезд. Он спрашивал это.

– Велисарий предатель, – парировал это Клепий. Я же хочу уничтожить печать навсегда, чтобы Отец Тьмы был вовеки закован в Бездне.

Хранитель вновь умолк. Под его кожей просачивалось десятки червей, полем битвы этих членистоногих было тело Гесиора, которое они мучали изо дня в день уже на протяжении нескольких тысяч лет.

– Клянусь honogium, это так, – ответил хранитель. Возьми же меч свой и перережь мое горло. Кровью же моей, самой древней кровью, что носит Делион окропи место наше старое священное. Каждый из бронзовых столпов по очереди, иначе вход будет запечатан во веки.

" О богов, – подумал про себя Клепий. Печать находится в катакомбах Ноблоса. Бронзовые столбы и фигуры, которые они образуют ничто иное, как вход к исчезнувшей печати."

– Настоящий хранитель печати – мое чадо, которому удалось спастись от страшной магии Фахтаче, – продолжил говорить Гесиор. Теперь в веках он носит на себе Крысиную голову, как проклятие богини.

Клепий смотрел в пустые глазницы Гесиора. Хранитель Печати, тот, что был закован за много тысячелетий до этого дня.

"Крысиный король – его сын. Теперь понятно, почему было в его интересах, чтобы я отыскал вершину Шармат."

– Убив тебя я освобожу тебя от вечных мук?

– Nate, – ответил на древнем имперском наречии Гесиор. Испущу я скоро дух свой. Но с восходом солнца, шрам мой затянется, кости снова будут целыми, а тело вновь возродится и вновь я буду пожираем червями. Ирония богов, что ту звезду, что обрекает мое тело на воскрешения, не видел я уже тысячи лет.

Черви вновь начали вываливаться из тела Гесиора. Клепий видел по вздрагиванию его мышц, по том, как менялось его выражение лица, как было больно хранителю печати.

"О боги, и так он страдает с тех пор, как Фахтаче заковала его в Шармат."

– Клятву можно блюсти только кровью, – произнес главное кредо бронзовых Гесиор. Я клялся защитить печать и кровью окропил эти бронзовые изваяния, чтобы запечатать ход. Распечатав же его той же кровью, какими они были запечатаны, ты разорвешь узы клятву и в тот день, когда солнце уйдет за горизонт, больше не будет моего пробуждения. Я испущу свой дух в последний раз и веками терзаемое тело, превратится времен в пыль и прах, но не назовут Шармат именем моим и забудут о том, что я сделал для них.

Послышался металлический звук. Клепий вынул свой меч из ножен, казалось, что в данный момент он пульсирует словно артерия живого человека. Достав флягу, он в последний раз выпил из нее воды.

– Скажи страж печати, от чего же мир так несправедлив? – задал свой последний вопрос Клепий. Отчего же боги, на ком лежит создание грехов мира сего и его спасения сейчас пируют нашими подношениями в Фиолхарде, а тот, кто на своих плечах держит спокойствие Делиона сам становится пирушкой для червей?

Клепий понимал, что не дождется ответа от Гесиора и смотрел в лицо этого героя. Теперь страж собственными глазами смотрел на одного из тех, по чьим поступкам вторую эпоху называли эпохой героев.

– Делай надобное, – ответил Гесиор и меч одним тихим движением, словно ночная атака совы, оставил глубокий разрез на шеи героя.

Бордовая кровь полилась из области разреза и Клепий поднес флягу к смертельной ране. Страж впервые видел такую густую и темную кровь, но напор ее был столь быстр, что горлышко фляги не все успевала принимать в себя. Фляга моментально окрасилась в красный цвет и когда она наполнилась до краев, путник закрыл ее крышкой и подвесил на свой меч.

" Кого-кого, а вот героя я не убивал никогда. Еще одно убийство станет притчей для моей совести, которая гниет,

словно тело, покрытое проказой. Все жертвы были во имя благой цели, но до коли я буду убеждать себя в этом?"

Порывы сквозняка утихли насовсем. Теперь пламя факела не было более беспокойным, но оно словно склонялось перед этим героем. В один момент, Клепию показалось, что это место лишилось чего-то. Оно было столь одиноким и столь тоскливым, что что-то щелкнуло в душе Стража. Впервые в его жизни, у него выступила слеза, что невероятно для стража. Он стоял и смотрел на того, кто оберегал тысячу лет Делион от разрушений. И в один момент Клепий понял, что теперь эта задача становится его. Но кто он такой, чтобы на своих плечах тащить все бремя Делиона? Черви более не копошились в теле великого хранителя и Клепий смиренно склонил голову перед гигантом и встав перед ним коснулся своей рукой еще неповрежденного участка тела Гесиора.

– Пусть сон твой будет вечен, но ночь твоя будет коротка.

Когда страж вышел из этого каменного кокона, в котором был предательски закован один из героев второй эпохи, то понял, насколько сама природа противилась всей мерзости, происходящей на Шармат. Ветер завывал, словно голодный одинокий волк, топчущийся на снегу в поисках добычи, плащ путника метался из стороны в сторону под порывами единственного обитателя здешних мест. И только ветер был свидетелем того, что Гесиор принес себя в жертву в очередной раз, чтобы раз и навсегда одолеть Тьму. Тучи, не заставшие момент благого убийства мучавшегося хранителя, были

осведомлены ветром о том, что произошло в недрах горы. Они сбивались в плотные кучи и раз за разом били молниями в окрестные пики, словно обозленные копейщики, метившие в лошадиную шею. Начиналась буря.

"Теперь нужно быстро добраться до Ноблоса и рассказать все Крысиному королю. Он должен мне будет помочь в этом деле."

Клепий начал спуск и даже не подозревал, сколь долгим он будет. В любом случае, подниматься на гору сложнее, чем спускаться с нее. Своего ездовое животное он оставил у подножия горы и надеялся, что с ним ничего не случилось. Прежде чем наглым образом вторгнуться в "безжизненные Копья", Клепий сделал для своего верблюда запас травы, понимая, что ничего съестного здесь не будет. Верблюды едят немного, но все же страж переживал, чтобы животное в край не оголодало. Удивительным образом, но боль в грудной клетке после разговора с Гесиором прошла, но не до конца. Ее отзвуки распространялись в правой части грудной клетки, но дыхание было теперь ровным и спокойным. Клепий начал спускаться довольно шустро и резво, решив сделать первый привал возле источника воды, чтобы омыть свои ноги и забинтовать их. Он был приободрен словами Гесиора и один лишь только вид этого героя вдохновлял его. Казалось, что муки Гесиора были вечными, трудно было его представить в повседневной жизни, трудно было его представить, когда его жена Месида давала держать на руки своего малыша. Малы-

ша, который в скором времени будет держать в страхе весь Ноблос, а слухи о нем распространятся по всему Морскому Востоку.

Однако спуск легким не получился. Лишь только потому, что узкую тропу преградила вооруженная толпа фанатиков.

" Боги, направьте мой меч."

Они выбрали идеальное место для битвы. Здесь Клепию обойти их не было возможности. Два огромных валуна странной формы заграждали обходной путь, между тем спуск тут был довольно крутой и пробиться с боем было невероятно трудно. Рука стража легла на рукоять меча, который мирно покоился на левой стороне пояса. Указательный и средний палец барабанил по искусно сделанной гарде, на правой стороне пояса висела фляга с кровью Гесиора. В этой ситуации только ветер был союзником Клепия – он резко поменял свое направление и будто великан, набравший воздух в грудь, дул с такой силой в лица неприятеля.

– Имперец, – знакомый женский голос раздался из-под маски богини Фахтаче.

Эта женщина была еще в Огненной Пляске. Яркие-рыжие волосы спадали на ее балахон, который закрывал ее широкие плечи. Маска богини скрывала ее злобную натуру и фанатизм, который позволял ей до смерти любить ее собственную богиню.

– Где Печать? – тихий голос, заглушаемый порывами ветра, все же долетал до ушей Клепия.

За спиной жрицы стояли культисты в порфирах и балахонах, каждый из них держал в руке по факелу и короткому мечу, который своей длиной неумолимо стремился к именованию кинжала. Судя по зазубринам и кривому лезвию меча эти были ритуальные.

Меч стража вышел из своей обители легко и непринужденно, металлический звон был подхвачен ветром, дабы он достиг культистов. Клепий театрально поставил острие меча на землю и лезвие тут же напополам разрезало небольшой камень, словно раскаленный в очаге ножик, прошедший через масло. Зачарованное оружие было хорошим подспорьем в этой битве, но запугать этим толпу было бы наивно.

– Только достойным суждено, – кратко ответил путник, рассматривая недвижимую толпу.

Жрица склонила голову на бок и начала рассматривать Клепия своими глазами. Страж через небольшие отверстия не мог увидеть ее взгляда, но мог поклясться Пантеоном, что они налились кровной яростью.

– Каждый поступок имеет цену в жизни, – произнесла рыжеволосая культистка. Клянусь всеобъемлющим пламенем, что я заставлю тебя страдать, за твои действия в Огненной Пляске.

Договориться с ними было невозможно и Клепий понимал это. Он крепко сжал своей мускулистой рукой меч и твердой поступью медленным шагом направился в сторону культистов. Уверенная леденящая походка, против раска-

ленной до бела ярости культистов. Мысленно помолвившись Колесу богов, страж решил начать последний бой, и он не был готов выйти из него живым.

" Даже если я и умру, то унесу в могилу знание о Печати."

Уверенные и отточенные шаги напугали жрицу, и она поспешно ретировалась. Отходя назад медленными шагами, путаясь в своей же собственной порфире ее поглощала толпа культистов и в первых рядах осталось трое человек, закрывавший проход вниз.

" Интересно, сколько их там?"

Они были из не робкого десятка, но безжизненное и отстранённое лицо Клепия начала вселять в них ужас. Они поддегивали ногами, принимали шакалью сгорбленную позу и видимо сильно волновались, меняя хват своего оружия. Рука одного из культистов гладила рукоять меча, второй же вытирал свою ладонь о собственную порфиру, страж клялся, что под их масками сейчас текут ручейки пота, несмотря на то, что ветер был холодным и остужающим. До них было рукой подать, с десятков шагов, прежде чем Клепий удивил их по-настоящему.

Магия Ветра сбила с ног первые три ряда соперников. Двое из них навсегда попрощались с жизнью, слетев с утеса и даже сильные взывания ветра не могли перебить их крик от ужаса. Ужас от того, что теперь они обречены быть погребенными на безжизненных камнях и в их глазах последняя картина – отдаляющийся от них вершина горы Шармат.

Пока они вставали на ноги, Клепий не терял времени зря. Магия Моментус, черпавшая свои силы все из того же эфира замедлила время бытия и теперь противники для Клепия стали медленными словно старые морские черепахи, ползущие по безжизненному пляжу океана. Первый удар, второй удар, третий удар и каждый из них достигал своей цели. Время настоящего замедлилось настолько, что струи крови медленно поднимались в воздух либо наоборот, тому культисту, что он прорезал живот, капли крови опускались на каменную поверхность так медленно, словно осенний лист с верхушки долговязового дуба. Что творилась в умах культистов сложно представить, они лишь видели одно мельтешения, их враг был настолько быстр, что смерть их постигала внезапно.

Когда Магия Моментус истощила все метафизические силы Клепия он не думал, использовать свои способности, чтобы черпать энергию из эфира. К этому моменту, всего за несколько секунд настоящего времени, он отправил в Бездну восьмерых. Но их был столько много... Даже одинокий и свирепый лев не сможет отбиться от стаи из двух десятков волков. Клепия выкручивал пируэты, уклоняясь от ударов вражеских клинков. Те же удары, что достигали ее пояса, не причиняли ему вреда, кольчуга из Обители надежно защищала его. Но все же он начал отступать под натиском врагов, боясь, чтобы ему не зашли за спину. Сражаться в окружении врагов – неприятно и небезопасно для жизни. Клепий старался не пропускать их к себе за спину и крутил своим по-

луторным мечом в разные стороны. Лезвие оружия цепляла врагов, оставляя большие порезы и раны, из которых сочилась яркая красная кровь. Вся каменная земля горы Шармат пропитывалась этой алой жидкостью.

Однако используя магию эфира, Клепий истощил и свои силы.

" Энергия не может появиться из ниоткуда. Она черпается изнутри."

Он не успел уследить за тем, кто двигался слева от него. Справа тоже начал заходить один из культистов, но Клепий нанес сильный удар сверху, прорубив тому все тело от плеча и до левого бедра. Затем страж почувствовал, как сзади в его бок врезается кинжал. Острые колотый удар был довольно сильным, но не более того. Каким-то просто чудесным образом он прочувствовал, куда будет нанесен следующий удар и увернулся пригнувшись, развернулся к тому, кто стоял у него за спиной и отсек тому кисть с кинжалом.

Но все было кончено. На него навалились сзади и сбили с ног. Страж пропахал своим носом по камням и судя по всему разбил его, почувствовав на губах теплую жидкость.

– Взять его живым! – взывала жрица. Он принадлежит пламени!

Его били по голове, по почкам, по спине и лишь потом перевернули на спину, и он увидел перед собой скопище масок богини. Меч лежал совсем далеко, у самого края обрыва и до него было не добраться. Его держало пятеро человек и Кле-

пий решил использовать свою магию Ветра. Жрица подошла к нему своими босыми ногами и поставила одну из ног ему на лицо. Было больно, своей пяткой она прижимало его лицо к небольшой гальке, которая впивалась ему в другую щеку.

– Твое тело будет гореть во славу богини! – прорычала рыжеволосая, однако в задних рядах послышались крики паники.

Один из валунов, перекрывающий дорогу восстал и превратился в огромного каменного тролля. Клепий все это видел краем глаза.

" Слуги Гесиора. А может быть и сам он?"

Два каменных тролля разрывали культистов на куски, всего за несколько секунд вся тропа окропилась кровью и кишками фанатиков. Древняя неизвестная магия воскресила троллей, и они превратились в страшных чудовищ для убийств. Воспользовавшись тем, что жрица отвернулась от Клепия, он со всех размаха врезал по обратной стороне колленки культистки и выбил рыжеволосой коленную чашечку. Ее нога подкосилась, и она упала наземь. Подхватив свой меч, он прорвался сквозь ряды культистов, которые уже не замечали его. Жрецы умирали ежесекундно, понимая то, что сами оказались загнанными в угол. Клепий пронырнул под каменными ногами тролля и побежал по спуску с горы, оставляя позади глухи крики жертв обстоятельств. Никогда бы в жизни он не мог подумать, что каменные тролли – это не миф и не легенда, а истина, которая воплотилась у него

на глазах. Он толком не успел рассмотреть, как выглядит эти здоровенные твари – огромные антропоморфные чудища, состоящие из камней, их кулаки были самыми настоящими валунами, а голова была без всяких органов зрения и слуха. Как действовала эта магия на этих существ Клепий и подумать не мог, да если честно, сейчас ему было все равно. Обернувшись в последний раз Клепий увидел, что тропа была усыпана трупами культистов и после этого Клепий без отдыха продвигался к подножию горы, чтобы покинуть побыстрее это странное место.

Его тело вновь изнывало от усталости и боли, к тому же дело усугубилось тем, что он использовал магию эфира. Силы его были на исходе, но как он раньше и предполагал, остановиться он решил только у ручейка, который стал местом его привала при подъеме на гору. Здесь он умылся свежей прохладной водой, очистился от крови врагом, а также воспользовался временем для передышки. Разделавшись с хлебной лепешкой и мясом, он отправился к подножию горы.

Тучи не давали возможность отследить движение солнечного светила на горизонте, но судя по всему горные вершины начали окутываться темнотой сумерек. Сумерки опускались на "Безжизненные копы", словно льняное темное покрывало и постепенно серость здешних мест окрасилась в более густые и черные краски. Когда уже совсем стемнело, Клепий добрался до подножия горы, где его ожидал приятный сюр-

приз. Он даже и не задумывался каким образом культисты его выследили и как нашли его, вероятно они опередили его и следили за Клепием с тех пор, как он добрался до "безжизненных копий". Они оставили у подножия разбитый лагерь, где Клепий с удовольствием поживился их добром. Набив свою сумму восточными серебром, он съел, все, что смог найти – кроличье жаренное мясо, вяленую птицу и улегся в одной из палаток.

Проснулся он ни с того, ни с сего. Над пиками еще царило ночное небо, затянутое облаками, но Клепий набравшись сил решил отъехать от Шармат сейчас. Время не щадило, поэтому путник решил не задерживаться тут. Он хотел было выбрать чужих ездовых, но в итоге оседал своего верблюда. Повесив суму тому на бок, он вскарабкался на него и тихим подступом двинулся в обратный путь, к Ноблосу.

Глава девятая. Ноблос в осаде.

Страж никогда не видел битвы имперских легионов с окружающими со всех сторон врагами Империи. Да, он часто видел легионы на маршах, по известным широким имперским дорогам, которые окутывали все государство, будто паучья паутина старый ветхий шкаф. Он был в имперском лагере, в далеком 405 году, перед битвой за бравлянский престол, тогда имперцы выиграли междоусобную войну и усадили Великого Князя на Престол своим союзником, попутно назначив лордом-протектором Бравии Гилиона Олимпия.

Он запомнил легион таким, каким он себе и всегда представлял – единый организм, единое тело, все легионеры походили друг на друга, отличаясь только лишь цветом щита, ростом или акцентом. В целом – легион – это монолитное подразделение и отличить один от другого было под силу только людям, сведущим в военном деле. Клепий мало интересовался политикой и заботился лишь о будущей войне с Тьмой, с юности приучаемой к неотвратной битве с силами Тьмы. Сейчас же он видел перед собой разношерстное войско, которое взяла Ноблос в кольцо осады. Останавливаясь в окрестных оазисах, поселках и городах, в которых ходили самые разные слухи о короле Куарья. В Мандегере от местного торговца он слышал весть, которой так бахвалился купец, что Король Куарья уже объединил весь Морской Восток и в скором времени он освободит всех рабов от жестоких хозяев, а всех купцов от пошлин.

Город Езетун, добровольно перешедший на сторону нового восточного короля, так же наполнился слухами о действиях Куарья, что было вполне логично. За неделю до прибытия Клепия в Езетун, мимо стен города прошагало все доблестное, пусть и разношерстное войско короля. В тавернах пьянчуги и хвастуны клялись всеми богами и матерями, что в стане войска короля были тренированные львы с крыльями, которые раздирали своих врагов, некоторые говорили о том, что даже подземные черви сопровождают войско короля в пустыне. Шлюхи, которые остались в Езетуне и пришли

из войско восточного короля, кичились тем, что перепробовали в войске мужиков всех народностей.

Одно из поселений, в котором Клепий останавливался по пути к горе Шармат было полностью сожжено дотла. Несмотря на это, по округе и руинам поселка бродили плачущие дети и женщины. Мужчины были распяты на крестах и образовывали с двух сторон вокруг дороги к Ноблосу узкую тропу, чтобы всякий видел то, что нельзя противиться воля короли.

Минуло несколько дней и Клепий добрался до Ноблоса. Еще издалека он увидел то, что город был взят в осаду, хотя и не понимал то, что Куарья, не имея флота смог заблокировать порт города. Но стража это мало волновало и пока верблюд нес его на своем горбу в сторону войска, он обдумывал то, как попасть в город, окруженный десятком тысяч обученных воинов. Единственным, и как казалось Клепию, правильным решением было пробраться в город через канализацию, но как найти туда вход, Клепий не знал. Но он наверняка должен был быть.

Он начал копать в собственной голове, чтобы отыскать зацепки, которые помогли бы ему попасть в Ноблос. Опасно шараться в стане войска, к тому же Куарья был имперцем и воспользовался бы ситуацией, чтобы переговорить со стражем. Судя по тому, что сын Куриона спасся бегством в 398 году, его не было в Империи уже десять лет. Куарья хотел бы получить донесения из первых уст, а Клепию не хотелось бы терять драгоценное время.

Страж остановил своего верблюда и тот без посягательств на верховенство человека остановился на месте, под одним из кипарисов. Кипарисы были высажены на протяжении всей дороги к Ноблосу и заблудиться среди них было невероятно трудно. Клепий решил осмотреть то, что творилось в лагере короля Морского Востока.

Повсюду были расставлены тысячи походных палаток, причем разных цветов – от обычных серых, заканчивая огромными крытыми шатрами. В воздухе клубился дым от многочисленных костров, где воины готовили в походных котелках свою пищу. Конница расположилась у ущелья, в юго-западной части города, там, откуда Клепий начинал свой путь к руднику. Именно в этом месте добывали красное золото и стражу было интересно, найдет ли Куарья применения для этой смертоносной жидкостью. Путник плохо знал историю Морского Востока, однако ведал то, что эта жидкость раньше использовалась царями и алхимиками для ведения войны. Когда последний раз использовали красное золото Клепий не знал и молил богов, чтобы Куарья продлил его неведение. Дальше расположились полукольцом шатры копейщиков – эти наемные воины из Февсии, давно осели в землях Морского Востока и основали как минимум три своих города. При осаде они были бесполезны, а вот в открытом бою строй с их трехметровыми копьями победить было практически невозможно. Следом за ними, напротив Угловых ворот стояли какие-то племена Морского Востока, Кле-

пий мало разбирался в них, но они были на голове с белоснежными тюрбанами, а рядом с ними в импровизированных загонах паслись верблюды. Дальше следовало ядро армии Куарья – Венценосцы, знаменитый отряд короля Морского Востока, его боевые товарищи, с кем он начинал путь еще десять лет назад. Их округлый шлем обрамляла железная пластина, которая была похожа на сплетенный венец. Эти воины отличались высоким моральными качествами и превосходной тактикой ведения боя. На их штандарте красовалась опущенная голова с зеленым венком на голове. Венценосцы были гордостью короля, и он никогда не посылал их в гущу сражения, если исход битвы был на его стороне. Дальше было видно хуже, но Клепий предполагал, что и у северо-западной части города, которая находилась за холмами, стояло войско Морсковосточного Короля.

" Интересно, как на это нападение отреагировали Пять Колоний."

Клепий и не сомневался в том, что культисты Фахтаче пытались подорвать авторитет Короля Куарья, вносили хаос в его ряды и что среди его воинов были поклонники Огня. Даже если и так, то какое Клепию было до этого дело?

Вдруг, Клепий вспомнил свой последний разговор с мальчиком, которого звали Рими. Бродяга ударил его в голову и страж потерял сознание. С тех пор путник его не видел. Но больше всего, ему запомнилась последняя фраза мальчика.

– Запомни это, – всплыла в голове Клепия обломок от

фразы мальчика.

– Запомнить, что? – прошептал про себя Клепий, обращаясь к невидимому мальчику.

" Запомни это. Запомни это. Запомни это", – бормотал страж, склонившись над головой верблюда.

Животное фыркнуло, не понимая, чего хочет от него хозяин и продолжило стоять безмолвно под тенью кипариса. Палящее солнце беспощадно поливало солнечными лучами как воинов Куарья, так и Клепия.

– Запомни это, – Клепий закрыл свои глаза и очутился снова там, в катакомбах под Ноблосом.

Страж постарался отрешиться от мира сего, что не составляла для него труда. Он много раз проделывал это, чтобы выйти в открытый океан эфира и сейчас же он сделал тоже самое.

– Запомни это, – произнес мальчик, указывая на расположение колонн в катакомбах.

Клепий запомнил это расположение, только зачем это могло ему понадобиться. Почему Рими так акцентировал на это внимания? Страж еще раз посмотрел на расположения этих бронзовых изваяний, но тщетно были его попытки подумать о том, зачем ему нужна эта информация. Страж пытался докопаться до глубины слов попрошайки, найти смысл во всем этом.

" Если бы он захотел меня просто отвлечь, чтобы ударить по голове, ему бы не составила труда это сделать. Любой из

тех, кого я повстречал в подземелье могли сделать это. Рими произнес эту фразу не просто так."

Клепий открыл глаза, пытаясь вспороть брюхо этой фразе мальчика. Но фраза была скользкой, словно угорь на сковороде и истинный смысл этих слов ускользал от него. Где-то там вдалеке, два отряда собирали осадную башню из букowych деревьев, которые судя по всему росли в буковой роще. Минута за минутой осадная башня обрастала своим скелетом, превращаясь в то, что поможет захватить этот древний величественный город. Воины колотили своими молотками, вбивая железные гвозди, а архитекторы следили за тем, чтобы все выполнялось правильно.

"Я не могу припомнить, чтобы поблизости росли буки", – удивился Клепий, вспоминая карту окрестностей Ноблоса.

– Двенадцать всемогущих богов, – воскликнул Клепий от неожиданности и вновь закрыл свои глаза.

Сердце бешено стучало в предвкушении разгадки этих таинственных слов Рими. Клепий не верил в то, что это может быть так просто. Дрожащие руки выдавали в нем волнения и страж не мог никак унять себя от того, что разгадка этих слов так близка. Но откуда мальчик знал, что город может быть в осаде? Скорее всего, там запечатлены все ходы в катакомбы, однако, только один путь может привести к Крысиному Королю. И тогда Клепий, вновь мысленно очутился в тех катакомбах, на самой последней громадной лестнице.

"Получается, что строители города знали, что Ноблос ос-

нован на руинах Бронзовых людей? Невероятно."

Он вновь увидел все эти бронзовые колонны, величественно поддерживающие потолок катакомб. Эти изваяния стояли хаотично, но образованные таким образом фигуры могли быть и простым совпадением. Обратить внимание надо было на совершенно другие детали. А конкретно на то, какой фигурой было само помещение.

" Хвала богам! – промолвил Клепий и стеганул своего верблюда.

Верблюд хотел было лягнуться от неожиданно сильного удара, но стражу было это безразлично. Человек, который редко когда-либо волновался, теперь спешил к королю Морского Востока, чтобы дать ему ключ от Ноблоса.

– Стой, кто идет! – восточный диалект стража разительно отличался от говора жителей Ноблоса.

Воины патрулировали назначенную им зону вокруг лагеря и не ожидали увидеть вблизи своего войска гражданского. Потрепанный человек с проседью на голове, большой жесткой щетиной и сломанным носом двигался в их направлении. Его плащ ниспадал на верблюжий горб, кольчуга ярко бликовала лучами солнца, что беспощадно пекло этим днем. На левой части его пояса висел его меч, с удивительной красивой рукоятью. Она была сделана из дерева смолона, так редко встречавшегося в Делионе, гарда была выполнена в форме головы грифона, острый клюв торчал и с одной и, с другой стороны. Однако руки этого человека покоились на

удилищах, он неспешно ехал на своем верблюде, даже не думая погонять его.

– Я ищу аудиенцию у вашего короля, – Клепий притормозил свое ездовое животное и громким голосом обратился к патрулирующим стражником.

Кажется, в тот момент солнце стояло в зените, прямо над головами беседующих людей. До лагеря было рукой подать, Клепий уже успел рассмотреть, как там кипела жизнь. Воины во всю готовились к осаде этого города, который с трех сторон обнесен высокой стеной.

Стражи переглянулись друг с другом.

– Проваливай отсюда, – ответил на это один воинов, направивший свое копьё в сторону незваного гостя.

Оба стража выглядели одинаково и явно были не из элитного подразделения. Скучная броня, состоявшая только лишь из кожаного доспеха, поножей, и крепко зашнурованных сандалии. На их голове был округлый обтекаемый шлем с перегородкой для носа. Венценосцы собрались внутри лагеря, к которому направился Клепий, однако сам лагерь защищался обычными воинами.

" Двойная охрана короля. А может быть и тройная."

– Я хочу переговорить с вашим королем, – настойчивым голосом без каких-либо интонаций произнес страж.

Казалось, что стражники замаялись перед этим человеком. Имперец действовал уверенно и не показывал своего волнения. Он без предупреждения слез с верблюда, копейщик

дернул своим оружием, но не удосужился напасть на незваного гостя.

– Король не хочет с тобой говорить! – ответил второй стражник, который казался был великоват для своих доспехов.

– Почему тебе знать, чего хочет, а чего нет, твой король? – задал вопрос Клепий.

Казалось, этот вопрос, привел обоих воинов в ступор. Страж хотел побыстрее закончить это представление и не хотел тратить время на пустую болтовню. Если колонны действительно могли привести его к печати, то не стоит задерживаться понапрасну.

"Надо забрать печать, пока культисты не опередили меня."

Имперец понимал, что ни культисты, не Велисарий не могли знать место настоящего захоронения печати, однако, что-то неведомое, то, что гложило его изнутри, твердило о том, что стоит поспешить. Интуиция редко его подводила, возможно это был один из даров богов, талант, которым следует распоряжаться не по своему усмотрению, а по назначению.

"Боги ныне не хотят слышать нас", – сам себе ответил Клепий увидев перед собой войско.

Он понимал, что как только король войдет в город, если Ноблос не сдастся, то начнется страшная бойня.

– Пропустите меня к королю, если этот верблюд начнет

ни с того, ни с сего ходить задом? – Клепий решил подшутить над стражниками, один из них был туп, как пробка из-под бочки скисшего дешевого вина, второй же рассмеялся во весь голос, позабыв о том, что направляет в Клепия копьё.

– Не только пропущу, но и хрен себе отрежу, – ответил весельчак, второй же стоял, нахмурившись и наблюдал за дальнейшими действиями. А если не пойдет задницей вперед, то мы тебя распнем, как только свечереет?

Клепий кивнул головой и отвернулся от них, чтобы те, не увидели его закрытых глаз и расслабленного лица. Зачерпнув энергию из эфира, он потянул по эфирным ниточкам, словно по струнам арфы, перебирая их своими щупальцами. Ментально найди то что ему потребовалось, Клепий использовал Магия Анималус. Осознание того, кем ты являешься – важная часть этой старой магии стражей. Эту магию используют и шаманы, и другие более сильные маги, однако было много случаев, когда человек навсегда застревал в животном.

Ментальная нить привела его в тело верблюда. Клепий будто оказался за зеркалом, где впереди – у него материальный мир, а позади чистая эфирная энергия. Этот кокон, который был нечто средним между этими мирами, был главной частью использования магии. Клепию показалось вечность, пока он привыкал к телу этого верблюда. Мир предстал перед ним в совершенно другом цвете – черно-белые тона, которых сложно было отличить. Страж чувствовал, как он мо-

жет контролировать всеми конечностями верблюда, пожалуй, за исключением хвоста, который двигался несообразно с человеческими конечностями. Клепий сделал так, как и задумал. Он начал пятиться назад, перебирая парными копытами животного, наступая на твердую почву. Страж мог поклясться, что стражи стояли с открытыми ртами и любовались этим зрелищем. Пришла пора вернуться в настоящий мир.

Клепий уже смотрел на верблюда, который пытался оклеветаться после того, как его разумом управляли из вне.

– Темнокнижник! – завопил один из стражников и ткнул Клепия копьём прямо в грудь, благо не сильно. Нам стоит тебя сжечь!

– Я могу управлять природой, – начал притворствовать Клепий. Могу управлять животными. Могу тебя превратить в червяка лишь по щелчку пальца.

Страж направил свой кулак в сторону воина, прижав большой палец к среднему и приготовившись к щелчку.

– Идите и передайте королю Куарья, что воин из Орден Стражей, что находится в Обители, хочет с ним увидаться, – сказал Клепий. И передайте, что я из Империи, той же отчизны, где его же мать выносила и родила.

Стражи не стали пререкаться и выполнили все то, что приказал им Клепий. Имперец остался ждать их здесь, не желая провоцировать остальную часть войска.

" Приятно иметь преимущества перед другими людьми", – такая мысль тихой сапой просочилась в голову Клепия.

" Возможно, если бы я использовал свою хитрость и ментальную силу чаще, мне бы удалось избежать всех этих ненужных жертв."

Он вспомнил все, начиная от маяка. Как арбалетчики застали его врасплох, Сентар же пал от его руки, при всем при этом он сдался, став при этом на колени. Что же заставило его поднять свой собственный меч и оборвать тонкую нить жизни зрителя маяка, ту нить, которая тянется словно пуповина, от нашего начала, и до конца, пока незримые обстоятельства не обрезают ее? Клепий нахмурился.

" Кто я есть? Жертва обстоятельств? Или человек, решивший, что ему дозволено вершить судьбы других."

Страж понимал, что у него есть цель и цель эта была приоритетной для него. Всю жизнь его орден готовил Клепия именно для этого. Ведь поиск печати – не только лишь поиск, эта самая настоящая война со Тьмой. Орден проповедовал, что в войне против Тьмы хороши все средства.

" Но чем, мы лучше их? Они лишают людей жизни ради воскрешения своего темного бога, да будет проклято его имя. Стражи лишают жизни людей, ради того, чтобы этот бог был заточен в Бездне навечно."

Клепию вдруг стало безумно холодно.

" Чем же мы отличаемся от них? Мы убиваем. Они убивают. Мы ищем печать. Они ищут печать. Мы одинаковы,

просто нас называют белыми, а их темными. Но что толку от этих букв, если поступки идентичны?"

– Пойдем, – мысли Клепия рассеялись, словно утренний туман при заходе солнца.

Перед ним предстал один из венценосцев – здоровый воин, говорящий на имперском диалекте с небольшим восточным акцентом.

Клепий кивнул головой и пошел вслед за телохранителем короля. Венценосец был облачен в доспехи, подходящие для климата Морского востока – широкий железный нагрудник анатомической формы, повторяющий рельеф тела, длинная кованная юбка, защищавшие ноги до колен. Ниже располагались поножи, которые специальными застежками скреплялись в области икр. Шлем – главное отличие Венценосца был по-своему уникален – округлой формы, он сужался ближе к темечку, принимая фаллическую форму. Поблескивая солнечными бликами, казалось, что его шлем был столь гладким, что каждый удар мечом должен был соскальзывать с него. А вот главная отличительная черта Венценосца – это своеобразный венец, вокруг венца, который защищал по большей части щеки, нос, уши и затылок. До появления Курья на Морском Востоке, этого отряда и не было в помине – нынешний король преобразовал восточные воинские отряды по имперскому образцу – метательное копье, короткий меч и строевая подготовка. Исключение составлял щит – у венценосцев он был округлой формы, а не прямоугольной, как

у имперских легионеров.

Клепий неустанно следовал за Венценосцем, который вышлся над ним почти на голову, щит воин тащил на спине, как, впрочем, и копье, а вот короткий меч покоился на поясе. Воин проводил его через лагерь войска, где по всю кипела армейская жизнь. Воины разбивали свои палатки – они были созданы из парусины, довольно легкой и проветриваемой ткани, дабы восточное солнце не пекло им, натягивали эту парусину и привязывали восемь ее концов к кольям. Пока одни занимались местом жительства, которое возможно потребуется им надолго, неизвестно насколько затянется осада Ноблоса. Однако если Куарья поверит Клепию на слово, город будет взят этой ночью. Другая часть воинов разводила костры, кремнем и огнивом разжигая из сухих веток (которых в малолесной местности было мало, ставили над костром котелки и варили свою походную похлебку. Повсюду слышался шум, гам, много восточных диалектов, имперский язык, в рядах воинов встречались даже гномы и эльфы, Клепий удивлялся сколь многообразным было войско Куарья, в отличие от имперских легионов, куда зачислялись только имперцы, владевшие своей землей, не менее, чем в два юге-ра.

Венценосец шел молча и не удивительно, их главная задача – воевать, а не болтать понапрасну. Клепий постоянно натывался на недоумевающие взгляды воинов. Они рассматривали его, некоторые поговаривали что пришел посол от

Ноблоса, среди других уже разнёсся слух, что Клепий некий черный маг из далеких земель. Однако это мало волновало стража, покуда он не увидел огромный крытый шатер, перед которым сейчас выкапывали траншеи. Король решил основательно подготовиться к осаде города, но в его силах захватить город за один день и прославить себя этим деянием в веках. Здесь было много венценосных, каждый занимался назначенными им работами – копали огромный ров вокруг шатра, устанавливали колья, готовили кушать, чистили свое и так полированное до отблеска оружие. К шатру вел деревянный помост, по которому страж и прошел. Ров вырыли уже довольно глубоко, больше, чем с человеческий рост, наверняка его еще нашьпигут кольями.

Шатер – было личным миниатюрным царством Куарья. И имперец понял это, как только двое его телохранителей раздвинули пологи шатра и страж очутился внутри святая святых короля. Воистину восточная изнеженность и богатство контрастирует со смиренными имперскими порядком и скромностью. Шатер, где должно пахнуть потом и кровью, благоухал благодаря воскурявшемуся фимиаму, здесь на привязи были экзотические животные, которых в империи можно было увидеть только во время триумфа. Два больших льва с красочно оранжевой гривой были на привязи, прикованные толстой цепью к железному колышку – она дрались за кусок мяса крупной дичи. Один из них встал на задние лапы и мощным ударом ранил второго льва, оставив кровавые

следы на морде недруга. Ухватив свой кусок, он отдалился от своего соперника и разрывал мясо острыми клыками. Чуть подалее находился бездвижный и спокойный крокодил, чьи глаза смотрели в одну точку. Неподвижное бревно было неподвижным лишь до тех пор, пока жертва сама к нему не придет. Павлины, павианы, мелкая птица – Клепий не понимал, зачем королю все это в походном шатре.

" Человек утратил свои корни. Настоящий бы имперец засмеял его за изнеженность."

Сам король сидел на позолоченном троне, который находился на мраморном постаменте. Страж пожалел тех людей, что тащили эту глыбу во время походов – с виду этот трон казался очень тяжелым. И все же Куарья помнил, что его связывает с Империей – ее символ. У изголовья, над которым стояли большие высокие разноцветные свечи, создающие пляшущие блики на золотой поверхности, находилась голова грифона из бронзы. Голова короля Морского Востока была как раз под головой грифона – что очень было символично. Глаза этого большого хищника были сделаны из двух крупных изумрудов. Перед тронном стояло четверо слуг с большими опахалами, прислуживающие королю. Дорога же к самому трону была перегорожена личными телохранителями Куарья – десять человек, одинакового высокого роста, как на подбор, с закрытыми масками и оголенными торсами.

Они расступились перед венценосцем и тот подойдя к

трону пал на колени перед своим королем.

– Склонись перед владыкой Морского Востока! – злобным голосом прорычал венценосец, обращаясь к Клепию.

Страж же неустанно смотрел в глаза этого человека, который восседал на троне. Он был мало похож на имперца – бронзовая загоревшая кожа, длинные кудрявые волосы, спадавшие на его широкие плечи, покрытые шрамами, глаза его были подкрашены тенью, впрочем, как и брови. Видимо не зря его в Империи называли женоподобной королевой. Однако за всеми этими уничижительными сравнениями скрывался неизвестный Клепию человек. Его длинные одеяния восточного типа были голубого цвета, запонки в виде голов грифона, а все руки были усеяны перстнями да кольцами.

– Склонись, либо твоя голова слетит с плеч! – из-под шлема венценосца раздался совсем уже озлобленный голос, но страж решил не обращать на него внимания.

Клепий продолжал смотреть на Куарья, а Куарья не сводил глаза с опытного стража. Страж был в ступоре от того, что он увидел в глазах короля морского востока – усталость, величие, силу воли и одновременно боль.

"Что ты хочешь мне сказать?"

– Имперец не склоняет своего колена, – ответил Клепий воину.

На лице короля проскользнула едва заметная улыбка.

– Вон, – король медленно поднялся со своего места, складки его лазурного одеяния расправились и спали на за-

горевшие ноги. Все вон.

– Ваше величество, благоразумно ли...

– Я сказал вон, – на этот раз бархатный голос Куарья был тихим и настолько острым, что мог бы прорезать все горы насквозь.

Венценосец, более ничего не сказав, исчез с глаз долой, как и его прислужники. Остались только его личные телохранители.

– На них не обращай внимания, – продолжил говорить Куарья, кивнув на десяток оставшихся воинов. Это орудия убийства. Такие же, как твой меч. Ты же не разговариваешь с ним?

Когда он сошел с тронного пьедестала, Куарья оказался даже ниже, чем предполагал Клепий. Однако это ничуть не убавляла его величества, в нем одновременно сочеталась и простота в виде обычного говора и королевская походка, бесшумные шаги по земле были столь незаметными, что стражу показалось, будто он парит над землей.

– Я люблю свой меч, – Клепий постучал по гарде своего клинка. А ты свое оружие?

Куарья вновь улыбнулся. Видимо, он не желал проявлять себя как владыка морского востока перед имперцем, казалось, что он пристыжен этим. Страж решил надавить на это.

– Думаешь, вернувшись в таком обличии на имперский трон, простой народ примет тебя? – задал вопрос Клепий, стараясь не переходить границу дозволенного. Зачем все

это?

Он кивнул головой на окружающих их шатер, который полнился богатствами. За тронем и вовсе стоял открытый сундук, набитый золотом.

– Ты не понимаешь Морского Востока, страж, – покачал головой Куарья и прошмыгнул мимо Клепия, остановившись перед одним из телохранителей. У них другой образ мышления. Они готовы преклоняться даже перед их священными коровами и петухами. Человек видящий бога в петухе – несуразен и глуп. Неужели ты этого не понимаешь? Морской восток для меня лишь плацдарм, чтобы завоевать Империю, я не собираюсь владеть этими пустынями, будь они прокляты.

Куарья стукнул своим правым кулаком о левую ладонь. Видимо он действительно искренне верил в свои слова.

– И ты принял титул отца Морского Востока, воплощения бога Ферма в теле? Ты предал свои убеждения ради своих собственных целей.

Король подошел к здоровому мускулистому воину, с маской на лице и вынул из него острый и наточенный меч.

– Скажи мне страж, не предавал же ты ни раз свои убеждения ради целей? – он повернул голову в сторону своего гостя и увидел на его лице невозмутимость, под которым была маска совести.

Куарья попал в цель. Видимо его агенты были неплохо осведомлены о том, что происходило в Ноблосе.

– Мне не нужен этот проклятый трон, – Куарья кивнул на золотое сидалище и плюнул себе под ноги. Я лишь хочу отомстить Фэбиасу и его прихвостням, убивших моего отца и всю родню. Я движем местию, и хочу очистить имя своего отца, что был побратимом с императором, покуда тот не умер. Консул опорочил его имя, и я очищу его, даже если мне понадобится вырезать весь Морской Восток.

Замахнувшись мечом, он отрезал палец на ноге своему телохранителю. Тот лишь только дернулся, но из-под маски не вылетело ни звука. Куарья бросил меч на пол и пошагал дальше, в сторону выхода из шатра.

– Да будет пусто, – ответил король, повернувшись к своему гостю. Заклинаю Двенадцатью богами, давай же перейдем к делу.

Страж посмотрел, как из обрубка большого пальца вытекает алая кровь. Телохранитель так и стоял не двигаясь, показывая безоговорочную верность королю.

" Что это было? Демонстрация своей власти? Или Куарья хотел сказать, что люди – для него лишь средство в достижениях цели? А может быть и то и другое?"

Как бы то ни было, имперец двинулся вслед за королем, который как-бы и не спешил выходить из своего шатра. Король встал напротив крокодила, который продолжал лежать бревном и не двигаться.

– Я предлагаю тебе город, в обмен на помощь, – Клепий решил не предаваться философским диспутам и начал с де-

лового предложения.

Куарья хмыкнул. Король подошел к деревянной стойке, на котором стояла большая тарелка, набитая сырым мясом. По краям тарелки стекла кровь убитого животного, судя по всему это мясо разговаривало еще час назад.

– Крокодилы – отличные охотники, – произнес Куарья, даже не обращая внимание на предложение Клепия. Они плавают по реке, претворяясь бревном, до тех пор, пока жертва сама не подойдет к ним, на расстояния атаки.

Король задрал рукав своей мантии взял сырой кусок мяса и сжал его в кулаке. Кровь медленно стекла с его руки на пол, однако зрачки крокодила по-прежнему оставались в одном месте, хотя он уже учуял кровь.

– Фэбиас – настоящий крокодил, страж, – продолжил Куарья. Его агенты проникли уже во все сферы, и в каждую организацию Империи. Жречество, сенат, инквизиция, коллегия магов, даже... Твой орден. Я слышал из уст моих доносчиков, о том, что произошло в городе. Они ждут момента, чтобы напасть на Империю изнутри, ты же понимаешь это?

Куарья повернулся в сторону своего гостя и посмотрел тому в глаза. Конечно, страж понимал, о чем говорит король. Велисарий – спусковой крючок, который начнет страшную междоусобную войну в Империи, со дня на день. Однако, что хочет король от самого стража?

– И тогда, наш крокодил, сидящий подле нашего болезненного десятилетнего императора, захлопнет пасть.

Куарья бросил кусок мяса хищнику. Крокодил даже не соизволил двинуться с места, попросту открыл свою пасть и проглотил мясо не пережевывая. Взяв тарелку с оставшимся мясом, король пошел дальше. По его руке к локтю стекала струйка крови, оставшиеся от мяса, но король не обращал на это никакого внимания.

– Ваш орден борется со Тьмой, – продолжил говорить Куарья. Вы уничтожаете всякую тварь Тьмы, будь то мутанты или монстры. Все, что искажено эфиром – уничтожается вами.

Произнеся это, он остановился перед львами. Один из них, что был в углу шатра лежал на своем месте, обгладывая бедро убитого животного. Второй же, с поцарапанной мордой был ни с чем и облизывался, глядя как его собрат пожирает мясо.

– Хватит восточного словоблудия, король, – открыто ответил Клепий. Скажи, что ты хочешь прямо, а не броди в словесных дебрях.

– Коротко и ясно, – кивнул головой Король. Кажется, я стал забывать имперскую догму.

Куарья достал второй кусок мяса – жирный, с прожилками и обильно залитой кровью. Лев с пораненной мордой взбодрился и встал на четыре лапы, начиная ходить туда-сюда.

– Сильнейший получает все, – ответил король и кинул кусок тому льву, что уже лакомился мясом.

Выкинув тарелку на пол, та приземлилась рядом с голодным хищником. Тот начал довольствоваться тем, что осталось – несколько капель крови и кусочек жира.

– Я предлагаю тебе союз, – сказал Куарья, обтерев свои руки об его дорогую мантию. Тебе и твоему ордену.

Клепий глубоко вздохнул и горестно выдохнул, понимая, в какую авантюру король предлагает ему вмешаться. Король с самого начала загонял его в логическую ловушку, рассказывая басни о том, что он борется не за власть, а против нее. Против Фэбиаса, что является регентом при малолетнем Императоре, уже одиннадцать лет. Консул, поклонник Тьмы, готовый сокрушить всю Империю ради того, чтобы найти Печати.

– Если вы во всеуслышание заявит о том, что я законный наследник трона, у меня появится шанс склонить различные имперские фамилии к союзу, – сказал Король, глядя на то, как лев пожирает поданную ему подачку. Я дам Сенату всю полноту его власти, как и было раньше. Орден Стражей – весомый в пределах Империи, и ты это знаешь. Взамен, я буду ежемесячно субсидировать ваш орден и каждому из стражей дам отряд в сто копий, для полного очищения Империи от тварей Тьмы.

Клепий поджал губу. Слишком соблазнительное предложение. Но он знал восточное коварство и решил немного повременить с ответом, чтобы не потерять потенциального союзника в деле с Ноблосом.

– Я подумаю над этим, – лаконично ответил страж. Для начала, я хотел бы обсудить договор, касаемо Ноблоса.

Куарья кивнул головой и направился вон из шатра. Клепий незамедлительно поспешил за ним и как только пологи шатра открылись, солнечные лучи ослепили двух имперцев своим появлением.

– Король Морского Востока! – раздался голос одного из глашатаев.

Все люди в округе, которые занимались своими делами, побросав все, преклонили свои колени перед этим человеком. Клепий не понимал раболепство восточных людей и их приверженность и веру в божественность своих правителей. Он оглядел каждого и почти каждый стоял на коленях, за исключением судя по всему тех, кто прибыл с ним из Империи.

– Я знаю, о чем ты думаешь, – улыбнулся Куарья прочитав мысли своего гостя. И вижу, как тебе противно это. Но на это есть свои причины.

Он показал жестом стоящему на колени глашатаю, чтобы тот поднялся. Следом за ним поднялись и другие люди, продолжая работать над своими делами.

– Ты сказал, что отдашь мне Ноблос, – наконец-то король перешел к сути дела. Стены Ноблоса обширны, защитить их не так-то просто, но у Ноблоса мало людей. Десять тысяч наемников ничто, против моих двадцати.

Куарья окинул своей ладонью все свое войско.

– Да, – кивнул головой Клепий, который разбирался в во-

енном деле на нужном для беседы уровне. Стены Ноблоса обширны и захватить полностью в город кольцо с твоим количеством людей невозможно. Морской порт и вовсе не блокирован.

– Хорошо, – улыбнулся Куарья, который таким образом проверял смекалку его гостя. Что ты предлагаешь?

Клепий остановился на месте, на этот раз заставив притормозить самого Короля. Таким образом он смог оказать на него влияния и посмотреть, насколько этим предложением заинтересован сам король.

– Мне нужна детальная и расчерченная карта Ноблоса, – сказал Клепий. Я знаю, куда сливаются отходы из катакомб. Катакомбы – путь в город, и к подземелью есть тринадцать выходов в сам Ноблос. Я укажу куда ведет каждый из выходов, а вы с вашими товарищами решите, что будете делать.

Куарья задрал высоко голову и осмотрел нещадно палящее солнце, стоящее в зените. Еще раз улыбнувшись своему гостю, он протянул ему руку.

– Договорились, – ответил король и Клепий подал свою руку, пожав ее в имперском приветствии – ладони на запястье. Но для начала ты отобедаешь со мной и моими товарищами. А ночью мы возьмем город.

Не смотря на тяжесть своих доспехов, венценосцы передвигались бесшумно, не оставляя за собой следов или звуков. Тренированные воины морсковосточного короля не зря считались элитным подразделением – их отточенные и сла-

женные движения были видны даже вне битвы, они понимали друг друга с полуслова и спокойно общались как восточном диалекте, так и на имперском наречии. Куарья отобрал сотню своих лучших воинов и послал их вместе с Клепием, под командованием своего друга и товарища, который сопровождал короля еще тогда, когда он, будучи изгнанником сбежал из Империи. Тациус был намного старше Куарья, и ненамного старше Клепия, с виду ему было за пятьдесят, хотя возможно, благодаря поседевшим редким волосам его возраст неумолимо двигался к шестидесяти годам. Тациус был примером для подражания своим воинам, но все боевое подразделение короля, состоящее из его имперских товарищей, было всадниками. Несмотря на это, владением мечом у Тациуса было на высоте – во время обеда он показал свое мастерство, побив сразу трех венценосцев тупым тренировочным мечом.

" Такие люди и окружают меня", – произнес тогда Куарья, хвальнось перед стражем.

Да действительно, он хотел перетянуть Клепия на свою сторону, однако Орден стражей как раз и славился тем, что не выбирает сторон. У них уже есть правитель, правитель, ждущий своего часа провозглашения императором. Только пророк, о котором говорилось в Книгах может занять имперский престол и победить Тьму. Во всяком случае, Клепию сейчас было не до этого, ему нужно было проникнуть к Ноблос и открыть тайный проход в другое подземелье, чтобы

найти Печать, ради которой он и преодолел большую часть пути.

Лодки плыли максимально близко к городской стене, сложенной из больших каменных блоков, которая вырастала из-под воды. Наемники не ожидали нападения с моря, соответственно и патрулирующих стену здесь было намного меньше, но все же Ноблос решил не оголять свою западную стену, которая кончалась у большого торгового порта, который сейчас судя по всему пустовал. Призрак ночи накрыл всю местность и теперь можно под покрывалом темноты можно было передвигаться к той части города, откуда сливались все канализационные отходы.

После разговора с королем, было решено отведать деликатесов морского востока и Клепий не отказался от богато обставленного обеденного стола. Сам обеденный стол находился в другом шатре, который расположился подальше и был несколько больше, чем королевский. В шатре уже собрались все самые близкие друзья короля и почти все они были имперского происхождения, кроме странного человека, с оголенным торсом, который постоянно таскал на своей шеи большую и длинную змею. Клепий заметил его с первого же взгляда – смуглый человек с полностью обритой головой спокойно передвигался между столами именитых воинов короля, змея на его шеи была самым приметным атрибутом. Этого босого человека с набедренной повязкой звали Арамуд, и он был кем-то вроде мага, на Морском Востоке.

Страж пока не выяснил, что делал этот человек в стане войска Куарья, однако сейчас его это мало заботило.

– Осторожно, – раздался тихий голос Тациуса, который плыл в одной лодке вместе с Клепием и десятком воинов.

Страж поразился зоркости глаза Тациуса, тот сразу же определил, что на стене был патруль. Двое стражников с арбалетами о чем-то переговаривались между собой, о чем именно услышать было невозможно – слишком была большая высота, а ветер уносил их слова в сторону глубоководного моря. По приказу командира, воины начали грести ближе к стене, прижимаясь к этой каменной громадине, выросшей из-под водной глади.

– Как далеко нам еще плыть? – Тациус обратился к стражу и достал карту, с отмеченными тайными лазами.

Страж раскрыл карту. Боги благоволили этой ночью осаждающим – убывающая, но еще яркая луна была завешана шторами перистых облаков. Восточный сухой ветер был настолько слабым, что облака передвигались со скоростью черепахи, что не позволяло луне выходить из-под опеки облаков. Это позволяло воинам прятаться во тьме ночи и передвигаться, не привлекая лишнего внимания.

" Боги на нашей стороне? Вряд ли боги будут выбирать сторону в обычных мелких людских распрях. У них свои заботы."

Клепий взглянул на расчерченную карту. Агенты Куарья

постарались полностью и детально скопировать город, переложив его на бумагу. Кропотливая работа позволило полностью воссоздать город на карте, а Клепий, запомнивший расположение бронзовых столпов в катакомбах, сумел безошибочно расставить эти точки на карте. Интересно то, что вход в катакомбы располагался в каждом из районов города. Что бы это могло значить?

" Строители Ноблоса знали о подземных ходах и намеренно сокрыли катакомбы. Только зачем? Неужто они знали о том, что в подземелье сокрыта одна из Печатей? Или у них была иная причина?"

– Нам нужно к тому изгибу, – уверенно ответил страж, показывая пальцем на то место, где стена углублялась в материк, при этом оставаясь в воде.

– Ты уверен страж? – спросил Тациус.

Клепий еще раз оглядел то, что его окружает. Сейчас они находились у мыса, который будто выпирал из материка. Каменный утес бережно обнесли стеной, строители Ноблоса знали, насколько коварными могут быть утесы для защитников города. Однако, дальше, береговая линия была впалой, судя по карте, именно там и располагались сливные сооружения, выливающие из подземелья города все нечистоты. Дальше, эта впалая линия плавной линией становилась выпуклой и так до самого порта.

– Да, – кивнул головой страж. Местные называют это место

вульвой. Нечистоты выходят отсюда.

– Тогда плохо дело, – произнес Тациус и указал пальцем на стены. Мы будем просматриваться со всех стен.

Страж и это прекрасно понимал. Покров ночи мог защитить нападающих, но не давал никаких гарантий, что их не обнаружат раньше. Был только один выход. Преодолеть такое большое расстояние вплавь. Нельзя сказать с уверенностью, сколько наемников было на этой части стены, но если они поднимут тревогу, то все будет кончено. Второго шанса и быть не может, в таком случае большинство наемников перегруппируются на эту часть стены.

– Боги нам в помощь, – ответил Тациус. Молитесь Морскому Владыке, пока плывем к изгибу. Там уже решим.

Клепий понимал осторожность Тациуса. Хитрый и опытный военачальник мог бы придумать, как обойти эту проблему. Но других вариантов, кроме как пробираться вплавь, Клепий не видел.

Обед за королевским столом был воистину шикарным зрелищем. Клепий никогда не видел столь богато обставленного стола и вряд ли уже увидит. Да, в верхние слои патрициев Империи уже проникла жажда к роскоши, наживи и показному богатству. Богатые патриции любили тратить свои деньги напрасно, в особенности на званые ужины, куда приглашали союзы, где за обеденным столом заключались сделки, сговоры, союзы. Но такой роскоши позавидовал даже сам Детон Брулий – богатейший, но скупой, человек в Империи.

Столы ломились от многочисленных яств. Свежие тушеные павлины, от которых еще валил теплый пар, верблюжья печень под острым восточным соусом, февсийские маслины, многочисленные диковинные салаты, из растений, о которых Клепий даже не слыхивал, запеченная свинина, фаршированная орехами, яблоками и сдобренная специями. Рыбы здесь было так же много – жаренные судаки, уха с рыбой из Великоморья, соленый тунец с репой и много других неизвестных стражу рыб. Из напитков на пиру было преимущественно вин и так любимое жителям морского востока – пенистое и крепкое пиво. Куарья усадил Клепия рядом с собой, на крепко сбитом деревянном стуле с резной спинкой была подложена мягкая бархатная подушка. Все это обилие продуктов и изнеженность королевского двора смущало Клепия, однако он как гость, решил не высказывать своих оскорбительных мыслей вслух.

Перед ним стояла бронзовая пустая тарелка и два шелковых полотенца, чтобы утирать лицо во время еды. Пищу страж накладывал самостоятельно и решил начать с чего-то более легкого. Естественно, сделал он это не просто так. Клепий наложил себе пареной репы и отломил от огромной булки, которая была практически во всю ширину стола – небольшую краюху и начал наслаждаться своей пищей. На короля это произвело впечатление.

В шатре не было душно. Парусина хорошо продувалась морским ветром, на крыше шатра были сделаны небольшие

вырезы, покрытые светлой сеткой, чтобы тепло не просачивалось внутрь помещения. По всему периметру шатра стояли небольшие позолоченные подсвечники (а возможно и бронзовые, Клепий не смог уловить разницу), на которых горели благоухающие различными ароматами свечи. Больше всего Клепия поразило то, в какую игру затеял играть Куарья. В то время, как его товарищи сидели на мягких шелковых подушках и больших стульях, он уселся на небольшой топчан и ел не столовыми приборами, а руками. Видимо, король хотел им дать понять, что он не собирается возвышаться над своими братьями.

– Друзья! – король переоделся в простые просторные одежды белого цвета, в каких были остальные имперцы, посетившие шатер. Сегодня нас посетил человек, который отдал свою жизнь еще в юности предназначению, о котором мы узнали лишь десяток лет назад.

Клепий не съжился под взглядами этих людей, о которых он был слышан еще в границах Империи. Тут был и Тациус Флиган – родной брат Гая Флигана, сосланный Фэбиасом на Семиостровие и сбежавший оттуда. Гай Флиган, наряду с Фуцием Энтионом были лучшими полководцами Империи, однако Тациус не смог воздержаться в Сенате перед нападками на консула Фэбиаса. Рядом с ним сидел облысевший толстяк с обвисшими щеками, Клепий смог понять по его медвежьей морде, что это никто иной, как Фуций Клегент. Эта показушная улыбка и доброжелательное пухлое лицо смог-

ло свести на кресты или костры много тысяч преступников. Фуций Клегент был одним из инквизиторов при дворе Фиола, однако его убеждения шли в разрез с идеями Фэбиаса. Клегент впоследствии клялся Куарья о том, что всех инквизиторов, что не захотели примкнуть к Фэбиасу тайно убили, или сослали по разным частям Империи. Были тут и другие лица могущественные, и нет, которых Клепий знал, и которых не знал. Эти люди теперь стали окружением короля Куарья, в особенности первым лицом для короля был Аврелий Кинк. Человек, который был предан Куриону – отцу Куарья до конца жизни и который вывез мальчика в тот момент, когда Фэбиас хотел его убить. Он всегда ходил с одним и тем же лицом и никогда не улыбался. Кинк был философом и обладал очень тонким умом, наверняка он направлял всеми действиями Куарья.

– Этот человек – сор Клепий, из Ордена Стражей, – Куарья показал ладонью на Стража, на кого были направлены пристальные взгляды.

В особенности Клепий уловил своим шестым чувством, как за ним следит Арамуд, на чьих плечах сейчас покоился длинный питон, принявший позу лианы. Путник встал с высоко стула, и его голова лишь ненамного возвышалась над сидящими.

" Как их приветствовать? Посмотреть, не забыли ли они, чьими усилиями они дышат сейчас этими сладкими арома-

тами?"

– Слава Империи, – произнес Клепий и не ожидал такое молниеносной реакции.

– Империи слава! – разом ответили сидящие за столом.

Куарья улыбнулся и обратился к гостю.

– Вот видишь, страж, а ты мне не верил.

Клепий сдержал улыбку, лишь кивнул головой. Возможно, что Куарья предвидел этот трюк Клепия и заранее, а может быть...

– Страж говорит, что с его помощью, мы можем захватить Ноблос за ночь, – произнес король и сел на место.

В шатре поднялся гул и бубнеж опытных воинов и военачальников. Клепий так и остался стоять на месте, пока не поднял руку, чтобы шум улегся.

– В городе есть канализационные колодцы, – начал говорить страж. Они ведут к катакомбам. Эти подземелье сливают нечистоты и весь мусор города в Великоморье. Я знаю где находятся каждый из этих колодцев.

Можно сказать, что пир прервался, превратившись в дебаты военачальников. Никто даже и не притронулся к еде. Один Арамуд обгладывал павлинью кость, не спуская глаз с куска мяса. Казалось, что он вообще вне круга общения и занят собственными мыслями. Змея же его напротив, подняла свою голову с плеча и всматривалась в Клепия.

– Вы разведывали катакомбы? – задал вопрос Тациус, потирая свои румяные щеки. Но зачем?

Клепий решил не раскрывать всех своих карт, но понимал, что на кону стоит жизнь не только целого города, но и всех остальных в Делионе.

– Я встречался с Крысиным королем, – ответил на это Клепий.

Он ожидал более бурной реакции, но в зале раздалось лишь несколько тихих голосов.

" Они что-то ожидают от меня. Видят боги, что Куарья загнал меня в ловушку. Может быть не стоит мне говорить об этом?"

Но Клепий понимал, что человек, могущественный человек, помимо прочего бывший Имперцем, будет союзником более важным, чем Крысиный Король. Страж еле заметно прикусил губу, понимая, что он уже успел наворотить дел и очередное предательство может его, как столкнуть в Бездну, так и привести его к победе на тварей Тьмы. Снова страж оказался между двух огней, хотя он и не мог знать, как Куарья относился к Крысиному Королю?

– Я был в руинах Первейших, – произнес Клепий и внимательно созерцал реакцию собравшихся в шатре.

У Куарья еле заметно дернулся глаз. Уголки губ немного приподнялись. Они сдерживали свои эмоции.

" Они знали о подземелье. Они искали его. Но зачем? Они тоже ищут печать? Или у Куарья другие планы? Может быть он знает то, что не знаю я?"

– Строители Ноблоса выстроили город в соответствии с

контурами помещения, – продолжил говорить Клепий. Они сделали тайные проходы в катакомбы, застроив их городскими помещениями, каждый тайный проход в подземелье соответствует бронзовым столпам. Я запомнил, какими фигурами стоят эти столбы и могу выстроить их на карте. Таким образом, ваши воины смогут пробраться через канализацию во все кварталы города.

Шатер вновь стал местом торжества тишины. Кроме как шипение ароматных сальных свеч, ничего не прерывало молчание воинов. Куарья сидел о чем-то задумавшись.

– Ты уверен в этом? – задал вопрос король.

– Даю голову на отсечение, – блефовал Клепий, не уверенный в том, что все это правда.

– Мы тут как на ладони, – произнес Тациус, осматривая крепостные стены.

Могучие белокаменные стены возвышались над воинами в лодках, задрав голову вверх можно было увидеть бойницы для лучников и трезубцы из камня по всему периметру стены. Арбалетчики патрулировали местность, однако так и не вышедшая из облаков луна не позволяла увидеть плывущие по морским водам лодку.

– Как только мы окажемся в заводе, стражники нас засекут, – произнес Тациус, раздеваясь. Дальше вплавь. Страж, где находится канализационные тоннели?

Клепий еще раз взглянул на карту. Впалое место города,

где было сильное подводное течение, которое ощущалось даже на лодках, уносило весь мусор и отходы в открытое море. Строители катакомб знали где строить канализацию.

– Вон, – указал пальцем Клепий на дальнюю часть стены.

Воины сняли с себя все доспехи, им пришлось лишиться всего железного, кроме своего оружия. Клепий понимал, что при таком сильном течении его сразу же потянет на дно. Отцепив свои застёжки и скинув плащ, Клепий снял с себя доспехи, оставив только меч на поясе.

– Страж веди, – Тациус может быть и не доверял стражу, но предпочел, чтобы тот был первым.

Чтобы не было лишних звуков в воде, Клепий погрузился в пучину сначала свесив ноги с лодки, а затем и весь торс. Ночью вода была прохладной, не настолько, чтобы страж вспомнил о холодных водах, омывающих Обитель. Меч тянул его ко дну, течение здесь впрямь было сильное, однако страж почуял нечто другое. Нет, это был не запах помой и отходов, который стоял над этим местом вечно, словно надгробная плита над могилой. Только сейчас Клепий чувствовал запах горящих тел.

" Неужели культисты совершают приношение Фахтаче?"

Клепий плыл медленно, чтобы не издавать лишних звуков. Вода медленно окатывала его новой волной, хоть она тут и не застаивалась, но воняло жутко. Рыбы, отходы и стебли длинных водорослей бились ему о ноги и о торс. Тучи продолжали быть союзником нападающих.

– Король, ты возьмешь сегодня город, – тогда произнес во время обеда Арамуд, предсказав победу нападающим.

Однако он сказал и другое, только не королю. И не похвалу, но черную весть. Арамуд подошел к Клепию, склонился над его ухом. У стража по телу поползли мурашки от гладкой змеиной кожи и от ее скользкого мокрого язычка. Рептилия склонилась над вторым его ухом и издала шипящий звук. Тогда Арамуд изрек свое второе предсказание.

Стена. Перед Клепием оказалась мокрая осыпающаяся стена. Однако по правую сторону от него было большое полукруглое и темное отверстие.

" Хвала богам", – мысленно успокоился Страж, вплавь достигнув жидкой вонючей жижи.

– О Милосердный Пантеон, как же тут смердит, – раздался голос за спиной Клепия.

Страж уже успел к этому моменту выбраться на бордюр, который располагался по обоим бокам от сточных вод. Крысы уже были здесь.

" Крысиный Король уже все знает."

Эхо разнеслось по всему тоннелю. В этом эхо было нечто зловещее, говорящее о том, что его источник оказался как никогда прав. Здесь помимо вони от отходов и помоев воняло жженым паленым мясом.

" Культисты где-то тут."

– Тациус, – обратился Клепий к другому имперцу. Решай, вы выбираетесь из первого канализационного колодца или

рассредоточиваетесь по всему городу?

Тациус, обескураженный вонью и помоями, что остались на его дряблом, по-прежнему внушительном теле, покрытому сетью из рубцов, отдал приказ своим воинам.

– Не будем распылять силы, – ответил он, обращаясь к постепенно прибывающим воинам.

Вереница вне канализации, бывшая за пределами города постепенно сокращалась. Воины собирались у канализационного устья и выслушивали своего военачальника.

– Выберемся из первого же колодца и затаимся, – продолжил говорить Тациус. Отряд из десяти человек доберутся до ворот и убьют всех стражей. Подадите нам сигнал, и мы начнем избиение уже в самом городе, покуда войско короля будет спешить к открытым воротам.

Клепию этого было достаточно. Он повел воинов за собой, по правую сторону от него шел Тациус, еле умещавшийся на небольшом каменном бордюре. И все же он уверенно шагал, пока не задал вопрос Клепию в лоб.

– Ты бы мог пробраться в катакомбы и без нашего участия, – тихо сказал Тациус, не дав эху разразиться в помещении. Какие цели ты преследуешь, страж?

Клепий шел молча, в голове прокладывая себе маршрут. Начиналась первая развилка и он не хотел бы плутать в катакомбах больше отведенного ему времени. Фляга с кровью по-прежнему висела у него на поясе, рядом с мечом и он несколько раз случайным образом дотрагивался до нее.

– Этому городу нужна крепкая рука, – ответил на это страж.

– Стражи не вмешиваются в политику, – Тациус сам того не замечая заговорил громче прежнего. В какую игру ты играешь?

Клепий сдвинул брови к переносице. Ему не понравился недоброжелательный и агрессивный тон Тациуса, который пытался раскусить его.

" Крысиный король должен быть повержен. Баланс между культистами и Крысиным Королем, между двумя силами Тьмы держит город в равновесие. Но как только культисты будут истреблены во всем Ноблосе, Крысиный Король найдет себе другую цель. Моя же цель – защитить обычных людей от сильнейшего мира сего. Особенно от тех, к кому прикоснулась Тьма."

– Клянусь Фиолхардом и Двенадцатью богами, – теперь Тациус все же понизил свой голос, видимо в ответ на игнорирование Клепия. Я вижу твои цели, пусть они для меня и туманны, словно утреннее поле.

– Король сказал на пиру, что цели у нас одна, – ответил на это страж, придерживая свой меч рукой. У нас могут быть общие цели, но у нас она не одна.

На этом их диалог подошел к концу. Последующая дорога тяготилась мрачным молчанием. Крысы неустанно продолжали следить за незваными гостями, клацая своими коготками на камень. Зеленые, серые, черные горящие во тьме глаза

неустанно наблюдали за нарушителями покоя. В голове Клепия твердо закрепился план города, и он твердым и уверенным шагом вел воинов по лабиринтам сточных вод. Он знал, каким образом строители делали стоки и поэтому действовал столь уверенно.

– Стойте, – произнес страж, почувствовав дуновение свежего ветра, перемешавшегося с запахом опаленных волос.

Он поднял свою голову и смог разглядеть в темноте ржавые, покрытые крысиным пометом и крошками отходов железные скобы, ведущие вверх. Помимо прочего, у этого места была куча дерьма, едва смываемая водным потоком, ошметки грязи и дохлая кошка.

– Этот ведет к торговому кварталу, – сказал Клепий, показывая пальцем вверх.

Тациус засомневался. Он стоял по стойке смирно и всматривался в высоту. Железные скобы уходили куда-то в темноту, вверх, но там действительно гулял Ноблосский ветер, погоняя при этом городскую вонь. Военачальник перевел свой взгляд на стража, неумолимо стоявшего перед воинами. Тациус не сводил с него взгляда.

– Полежай первым, – сказал он.

– Наши пути тут расходятся, – ответил страж, настаивая на своем. Я сказал, что у меня есть своя БЛАГАЯ цель.

Железный звон меча всполошил крыс, которые начали пищать по всему водостоку. Зоркие хищные глаза продолжали наблюдать за действием. Меч Тациуса был в паре ладоней от

горла стража.

– Убьешь меня и слуги Крысиного Короля не оставят от твоих бравых воинов даже костей, – произнес имперец.

Бровь Тациуса дернулась. Он не посмел дальше угрожать стражу, но и не хотел проявить в себе трусость перед лицом своих воинов. Старый закаленный вояка стоял там десятку секунд, пока страж не развернулся и не пошел дальше по подземным катакомбам. Он ни разу не оборачивался, но судя по звукам, исходящим из-за спины воины начали подниматься в город. Страж же направлялся к подземным колоннам, чтобы найти ответы на все свои вопросы. Крысиный король будет недоволен тем, что он привел сюда незваных гостей.

" Уже не важно", – подумал страж и твердой поступью двинулся дальше по катакомбам.

Глава десятая. Подземелье первейших.

– Алвай, Ты нашел дорогу! – Рими удовлетворенно воскликнул, увидев Клепия и обнял его.

Страж было подумал, что это какая-то очередная уловка, что мальчик может стащить его мешочек с монетами или отвлечь, чтобы Клепия вновь ударили по голове и утащили к Крысиному королю. Вообще за все это время путешествие, никто не испытывал к стражу столько добрых чувств, как этот мальчик, ну разве только трактирщик Морского льва. К сожалению, он отошел в Дадур, вместе со всей своей се-

мьей, по вине Клепия и теперь страж не хотел, чтобы это место нашли воины Куарья. Он вновь оглядел бронзовых титанов, подпирающие огромный, потолок, украшенный споралями. Эти маленькие растительные звездочки подсвечивали все помещение, словно звездное темное ночное небо. Клепию хотелось побыстрее бы все закончить и удостовериться в том, что Хранитель Печать отдал свою кровь не зря. Фляга по-прежнему висела на его потертом от износа кожаном поясе, и он прижал ее своей ладонью, убедившись в том, что она на месте.

– Благодаря тебе, – улыбнулся в ответ попрошайке Клепий. Я бы не запомнил расположение колонн, если бы ты акцентировал на этом внимания. Мог бы и сказать, что это помещение – одна большая карта, а колонны соответствуют построению ходов в катакомбы на карте города.

Мальчик застенчиво опустил свою голову и посмотрел в каменный пол, переминаясь в ноги на ногу.

– Прости, что ударил тебя по голове, – извинился Рими.

– Ничего, – Клепий положил руку на плечо мальчику. Мне нужно встретиться с Крысиным Королем и поговорить с ним о Хранителе Печати и о том, где она сокрыта.

Мальчик пожал плечами и ничего не ответил.

– Проведешь меня к нему?

– Нет, – ответил Рими, снова уставившись в мраморный пол, устланный большими плитами. Крысиный Король знает, что атака лжекороля началась и готовится дать отпор ему.

Ты провел врага в его логово.

– У меня не было выбора, – произнес страж и присел на корточки.

Плащ опустился на мрамор, а сам Клепий оказался на одном уровне с Рими. Они встретились взглядами, и мальчик не отвел своего взора.

– Крысиный Король не встретиться с тобой, – ответил мальчуган. Он принял условия войны. Культисты уготовили воинам короля западню. После того, как они будут уничтожены, культисты устроят всесожжение, чтобы восславить богиню.

"Значит я был прав."

Запах в катакомбах действительно навивал мысль о том, что огнепоклонники начали свои жуткие мистические ритуалы самосожжения. Однако, теперь до печати было рукой подать и Клепию было безразлично то, что творилось над ним, в стенах города.

– Чувствуешь запах горелых человеческих тел? – задал вопрос Рими.

– Культисты...

– Нет, – покачал головой мальчик. В жизни всегда приходится делать выбор, каким бы тяжким он не был. Отец хотел предупредить всесожжение культистов. И через своих детей он наслал чуму на Ноблос.

"О боги, – подумал Клепий об этом ужасном поступке. Крысиный король убьет половину города, среди которых

окажется немало культистов. Но ради чего?"

– Делай надобное, – произнес попрошайка.

Произнеся это, мальчик убежал от Клепия, своими короткими, но быстрыми шажками юрко перепрыгивая через препятствия он исчез в темноте катакомб. Мальчик вел себя странно, в принципе все, кто здесь жил, были странными, что не мудрено. Они живут вне социума, здесь у них есть своя ячейка общества, над которым главенствует получеловек-полукрыса, что само по себе было из ряда вон выходящее.

Клепий оставался в центре зала, посреди всех этих колонн. Осталось только понять, какие из них следует окропить кровью Гесиора и ночами, в пути из горы Шармат до Ноблоса он думал про это. Сначала он решил вымазать каждую из колонн кровью Хранителя, но Гесиор предупреждал, что ошибаться не стоит, ибо узы крови тогда не будут разрушены.

Когда Куарья предоставил Клепию карту, страж отметил те места, где находились пути в катакомбы. Однако ничего общего у этих входов в подземелье не было, отстойники стояли почти во всех кварталах города, он пытался составлять из них буквы по названию кварталов, думал их как-нибудь пронумеровать, но ничего толкового не получилось.

В целом у Клепия было еще много вариантов, однако решил действовать по ситуации – в самих катакомбах, после осмотра колонн. Да, это могло его задержать, и он потерял

бы драгоценное время, однако таким образом страж точно мог бы определить, какие колонны были ключом ко входу в подземелье.

Клепий прошагал мимо громадных чаш, брошенных детьми. Куда они все исчезли? Казалось, они все пропали в один миг, возможно Крысиный король сообщил им, что начался захват города захватчиками. Страж надеялся, что войны короля Морского Востока не найдут это замечательное место и дети останутся живыми и здоровыми.

" Сколько же я всего наделал, не осознавая этого? И все ради чего?"

Ради того, чтобы этот долгий путь привел его в это помещение, под мраморным полом которого была сокрыта одна из шести великих печатей, держащее под замками страшное зло в недрах Бездны.

Страж решил начать с самого начала пути – там, где начинались колонны и быстрым шагом отправился туда.

" Надо смотреть на барельефы колонн, что на них изображено и искать зацепки именно в повествовании на колоннах."

Страж добрался до места. Споралий здесь было много, и они хорошо освещали первые две бронзовые колонны Первая бронзовая колонна олицетворяла то место, где сейчас вероятнее всего находился Тациус с воинами.

" Интересно, что они скажут, когда увидят, вымирающий от чумы город? Насколько сильно разозлится Куарья?"

Следующие два бронзовых цилиндрических столба стояли параллельно друг другу. Эти два столба соответствовали "Рыбному Кварталу" и "Древесному концу", где росло большое количество кипариса. Клепий шагал по пространства разглядывая каждую колонну и отождествляя ее с районом города. Никаких зацепок. Стандартные барельефы, представляющие историческую ценность для тех, кто хочет познакомиться побольше с творением бронзовых людей. Или Первейших. Трудно сказать, кто построил эти хоромы. Судя по всему, Первейшие, но почему тогда именно бронзовые люди были изображены на барельефах? И Тогда Клепий понял одно. На каждом из барельефов была одна интересная фигура, которую он не первое время не замечал.

– О боги, всемогущие! – Клепий отшатнулся от одной из Бронзовых столпов, задрав высоко голову.

Он скользил по мрамору, отходя все дальше и дальше, дабы разглядеть изображение на столпе.

– Это она, – прошептал Клепий и уперся спиной к другому столпу. Почему она изображена на всех столбах?

Страж не понимая зачем, сорвал с пояса флягу с кровью Гесиора и крутанулся вокруг себя. Перед ним предстал еще один бронзовый столб. Он сразу же поднял свой взгляд на тот уровень, на котором было ее изображение на другом столпе.

– О, боги, всемогущие, – Клепий приложил свою ладонь к столпу, прочувствовав сквозь это прикосновение, все вехи

времен этого столба, всю эту семейную драму.

Эта фигура была изображена и на третьем столбе. Бронзовый барельеф красочно выпирал под тусклым светом споралий. Эта была единственная фигура, которая не поменялась в своей позе.

" Помни свои истоки. Так мне сказал Крысиный король. Он помнил их и оставил их в этих бронзовых изваяниях."

Абсолютно все фигуры были разными на этих барельефах. Драконы, люди, короли, растения, города, убийства, завоевания – все это было разным. Кроме этой фигуры. Паучиха пеленала маленькое дитя в покрывало из паутины.

Клепий закрыл свои глаза, по его телу пробежали мурашки. Семейная драма Героев, пронеслась незаметной нитью сквозь века. Герои, что бросили вызов самим богам!

– Не может быть, – произнес Клепий, покачивая своей головой. Крысиный король – ее сын.

– Чадо, что будет вечно мучаемое своим образом! – раздался громогласный голос по всему залу. Так прокляла меня Фахтате, когда я еще был в материнской утробе.

Крысиная орда нагрянула будто из неоткуда. Крысы сваливались с потолка, аккуратно приземляясь на мрамор, сползали по колоннам, вылезали из родниковой воды, постепенно заполняя все пространство. Тысяча тысяч крыс несла на своих спинках большой трон, на котором восседал Крысиный Король. Огромная биомасса, состоящая из крыс, тащила на своих маленьких горбиках своего властелина.

– Моя мать умело пряла пряжу и была добросовестной женой, – мальчишеское лицо с сединой обращалось к Клепию, крысиная большая голова пребывало в спокойном состоянии, лежа на плече владыки катакомб. Придя домой, после тяжелого рабочего дня, Гесиор не застал мою мать, найдя на полу лишь лужи крови. Он проклинал Фахтаче, клялся, что низвергнет всех ее богов в пучину Бездны, клялся своим телом, чтобы сделает это.

Клепий разглядывал крысиного властелина, который находился в десятке шагов от него. Крысы поставили трон на мраморный пол и разбежались по всему периметру зала, оставив Крысиного Короля один на один со стражем. Клепий даже не думал вытащить свой меч из ножен.

" Скорее я стану горой, нежели эти лживые боги не будут свергнуты", – так сказал мой отец и поплатился за свои слова. Фахтаче навечно заковала его в гору Шармат и пыталась его, дабы узнать о том, где заточена печать. Любовь и ревность богини к моей матери Месиде, сделало свое дело."

– Я слышал, что твоя мать вышла в пустыню и ее поглотил пустынный червь.

– Сказочный миф, – опроверг эти слова Крысиный король. Люди, не понимающие сути природного явления, пытаются загнать его в свои рамки. Каждый предмет они описывают собственными предубеждениями. Если молния ударила в землю – люди верят в то, что Сущий гневается. Они не знают, что природа устроена эфиром и лишь эфирное влия-

ние в атмосфере производит молнии в небесах. Суеверные глупцы.

Страж молчал.

– Бог Фарей, влюбился в мою мать неспроста, – продолжил говорить получеловек-полукрыса. Элез, Владыка Тьмы, что закован в Бездны, через своих слуг воздействует и на светлых богов. Фелия – богиня любви через своих прислужников заставила своих купидонов прострелить сердце Фарея. Фарей должен был сжиться с моей матерью и узнать от нее о Печати, что досталось ей при рождении. Так Элез манипулирует всеми, не только людьми. Отец зла и лжи. Фахтаче вспылала ревностью, и моя мой отец стал ее первой жертвой. Но Гесиор не хотел изменять Месида и отрекся от Фахтаче, но та обманом совокупила с ним. Таким образом, она хотела первым услужить Элезу и достать вторую печать. Какая из них настоящая, какая ложная, никто из богов не знал.

Эта искренность Крысиного Короля поражала Клепия. Он молча выслушивал все то, что говорило это существо.

– Гесиор был в бешенстве от того, что Фахтаче познала его и проклял ее. Тогда богиня принялась мстить. Она явилась к моей матери. Месида всегда прятала, когда ждала своего мужа дома. И тогда же Фахтаче нашла ее за этим занятием. Тогда мне до рождения оставалось еще три месяца. Месида уже девять месяцев как не пускала крови, из-за моего пребывания в ее утробе. Фахтаче прокляла и ее дите. Я был

проклят еще до рождения.

Крысиная голова вздрогнула. Мальчишеское непроницаемое и непоколебимое лицо по-прежнему не двигалось. Лишь только мертвые синие губы продолжали сотрясать воздух.

– " Ты превосходная жена и превосходная прялка" – так сказал ей тогда Фахтаче. Да будешь же ты прясть вечно. Тогда она прокляла и ее, навеки обратив мою молодую и прекрасную мать наполовину в паука. Из ее спины появились паучьи лапки, а сама она были изгнана из собственного дома."

Клепий замолчал. Он был поражен искренностью Крысиного Короля и тем, какой оборот приняло дело спустя несколько месяцев после начальной точки его путешествия. Ведьма из Зловонных топей привела стража к ее сыну, осознанно или нет, и через свои слова она освободила своего возлюбленного мужа. Клепий посмотрел на флягу, которая была у него в руках.

" Семейное проклятие должно быть уничтожено."

Только Клепий не понимал одного. Зачем тогда в этом случае ведьма помогла и Велисарии в поисках печати, если тот был союзником Тьмы, в особенности Фахтаче?

– Теперь ты знаешь, что я такое, – произнес Крысиный король. Ты тот, кто освободит моего отца навечно. Уже знаешь, какой из столбов должно окропить кровью, чтобы разбить узы проклятия?

Страж осмотрел все вокруг, продолжая сжимать в руках

флягу и затем, медленно повернувшись к Крысиному королю кивнул головой. Имперец медленно следовал по монументальной постройке, змейкой преодолевая каждую из колонн. И только на одной из них не было изображения паучихи, в остальном она мало чем отличалась от других бронзовых титанов. Клепий остановился перед ней и поднял свой взор вверх. Он боялся пропустить бронзовый барельеф, где была изображена Месида и казалось, обошел вокруг колонны три раза. Когда он окончательно убедился в том, что на столбе не представлена фигура жертвы Фахтаче и обернулся и посмотрел на Крысиного короля. Вторая животная голова дернулась, то ли сама по себе, то ли от движения бессмертного мальчика. Ни одной крысы не было видно в зале Первейших, кроме короля катакомб и стража. Клепий хотел убедиться в том, что это именно эта колонна, однако Крысиный король стоял молча и его мертвый взгляд ни о чем не говорил.

" Это она? Не молчи. Скажи что-нибудь, ради Двенадцати!"

Страж потянулся к фляге, наполненной жидкостью того человека, что восстал против всех богов. Приковав Гесиора к горе Шармат, боги пытались вразумить каждого из смертных, что воспротивился бы их воли. Сама эта алая жидкость для Клепия была доказательством того, что человек, может быть нечто большим, чем просто творением бога. Человек восставший против Пантеона, отдал свою жизнь ради того,

чтобы сохранить одну из Печатей.

" Может было бы лучше сохранить Печать в забвении и не открывать этот тайный ход?"

Когда начиналось путешествие Клепия, с момента его отбытия из Обитали, он тайно в глубине разума думал об этом. Не зря же, Бронзовые люди запрятали эти Печати по всему Делиону, боясь, восстания Элеза из Дадур. Однако Тьма нанесла удар первыми, начав искать Печати.

" Либо мы, либо они. Мы не можем играть вечно в догонялки. Следует раз и навсегда уничтожить печать."

Аккуратным движением, страж отстегнул флягу с алой жидкостью с пояса, взяв ее в руки.

– Человеку противно все, что так на него не похоже, – раздался голос Крысиного короля и Клепий обернулся. Ты...

Слова застыли на бледных и умирающих, словно рыба, выброшенная на берег, устах этого получеловека.

– Ты привел сюда третью силу, – продолжило говорить отродье эфира. Они ищут то, что спрятано там, куда судьбой тебе доведено спустится.

Клепий застыл на месте в той же позе. Он стоял и ждал продолжение от собеседника. Неужели страж оказался прав, говоря о том, что Куарья тоже ищет одну из Печатей? Но зачем она ему? Печать – это обычный камень, который для простого человека не имеет никакого значения.

" Неужели Куарья союзник Тьмы? Тогда какой смысл ему воевать против Фэбиаса? Чтобы одурачить своих прибли-

женных?"

Вопросы копошились в разуме стража, словно новорождённые птицы в гнезде, ожидая прибытия своей матери с добычей. Но матери не было видно, вопросы оставались без ответа, и страж решил действовать, открывая флягу.

– Спустись и ты сам поймешь, что там, – ответил Крысиный король и свесил свою голову ребенка.

Мертвый грузом она упала на грудь, крысиная же наоборот – воспряла, усы начали двигаться, а глаза злобно сверкали в темноте, едва разгоняемой спорадиями помещения. Тысяча крыс начали вылезать из своих норок, десятки тысяч крыс начали заполнять этот зал.

Клепий отвернулся. Он посмотрел в открытую флягу, где была густая толи алая, то ли бордовая жидкость. Этот сладостный и одновременно горестный миг, когда то, ради чего ты потратил столько сил подходит к концу, заставил его стоять на месте, словно статуе в фикийских театрах. Печаль и опасении того, что может последовать за всем этим действием овладело Клепием.

" Делай надобное", – подумал Клепий и взмахнул флягой в воздухе.

Одной большой струей кровь окропила бронзовый барельеф. Капли алой жидкости попали на то место, где был изображен странный пухлый человек, который будто выходил из какой-то раскрытой толстой книги. Одна его нога по колено была внутри одной из страниц этого фолианта, и при

этом толстый человек обращался к бронзовым людям, что были на порядок выше него. Те внимали его и слушали внимательно, вроде, как и обсуждая что-то между собой, а вроде и соглашаясь с этим человеком. Брызги из фляги зацепили и еще одну фигуру – странный человек с раскинутыми руками, с разорванными цепями на его запястьях, который смотрел на небольшого грифона. Лицо до жути знакомое...

Капли крови медленно стекали на бронзовой колонне, но ничего не происходило. Клепий смотрел на это действие, затаив дыхание и ожидал чего-то, что сможет перевернуть его представление о мире. Но вероятнее всего его ожидания были завышены этим, замурованная дверь не открывалась.

Серое, затянутое густыми тучами небо, нависало над остроконечными пиками гор, которые стремились в небеса, словно какая-нибудь птица, с пораненным крылом, мечтающая летать. Облака затягивали горный кряж, закутывая в лоскутное одеяло множественные, но одинокие горные вершины. Ничего живого тут и не было, кроме одиноких летающих орлов, свивших свои гнезда в недосягаемых местах. Однако, они наверно уже пожалели об этом.

Вылетев из своего гнезда чуть больше стражи назад, орел бороздил просторы речной долины Сепса, выискивая для себя добычу. Река Сепс была некой границей между цивилизацией, где процветала жизнь во всей ее красе – хищники охотились на тех, кто унциями пожирал свежую траву с берегов реки, деревья воспевали своей листвой благочестивые оды

ветру, покачиваясь под его дуновениями, река бодро бежала через каменные пороги, полнясь множеством водорослей и косяками рыб. Орел парил над всем этой чудесной природой, наверняка раздумывая о том, почему же он свил гнездо именно там, за рекой Сепс, где ничего живого не обитало? Каким образом инстинкт угораздил его устроить для себя жилище в тех местах? Однако, как только одно его планирование к земле принесло успех его охоте, и он одним ударом убил зайка, скачущего по полянке, этот вопрос он закинул за задворки разума. Теперь он летел с зайцем в клюве, который медленно истекал кровью, в свои хоромы – на один из горных утесов, куда еще в молодости, орел приносил небольшие веточки для домашнего уюта.

Вид зеленых полей и плодородной долины сменился безграничной серостью и бесконечными камнями. Все эти горы походили друг на друга, будто бы пытались копировать своих соседей – толстое каменное основание, пытавшееся достигнуть небесной тверди. Однако орел знал свои инстинкты и помнил, где свил себе гнездышко. Безошибочно найдя среди гор ту одну единственную, он парировал на нее и очутился в родной обители. Утес был крутым и забраться на него кому-нибудь было попросту не под силами. Вот зачем его гнездо было свито именно там.

Принявшись раздирать своим острым клювом грудку жертвы, орел начал кровавую трапезу. Клюв входил в тело зайца, словно отлично наточенный меч воина в грудь сво-

ей жертвы. Полакомившись печенью, орел начал раздражать сердце зайца до тех пор, пока его сердце, не начало говорить ему что-то очень важное.

" Улетай отсюда. Пари из этого проклятого места навсегда."

Однако жажда заячьего мяса победила другой его инстинкт. Инстинкт самосохранения. Орел продолжал поглощать пищу, пока не почувствовал, как какие-то колебания. Это было очень странным чувством. Воздух начал сотрясаться, горы будто пришли в движения, и орел решил взлететь, захватив при этом то, что осталось от зверя, еще недавно гуляющего по речной долине. Однако взлет был неудачным, только вспорхнув из своего гнезда, орел накренился своим правым боком и силой ударился в вершину горы. Было больно, орел издал страшный звук, однако звук этот касался не его падения, а нечто другого. Он предчувствовал свой конец. Птица пыталась взлететь и покинуть это место, но было уже поздно.

Земля страшно тряслась, словно миллионы великанов начали свои безумные танцы, топча под собой каменистую почву. Некоторые из горных пиков начали падать, землетрясение поглощало все больше и больше земли горной долины. И виновником того послужила Шармат, а точнее ТОТ, КТО БЫЛ В НЕЕ ЗАКОВАН.

Но вскоре все подземные толчки утихли и наступила просто мертвая гробовая тишина. Как-будто бы земля успоко-

илась и теперь так же будет пребывать в веках в этом стагнационном состоянии. Если вы бы смотрели на это несколько стражей, то вам бы показалось, что это просто очень умелая картина, написанная художником. Мертвый пейзаж, безжизненное пространство, но что хотел передать художник этим? Загробное спокойствие опустилось на Безжизненные Копья...

Картина. Все изменилось за один момент. Как же может всего лишь один миг изменить все. Абсолютно все. Шармат, стоявшая здесь с самого начала времен в один момент взорвалась миллиардами каменных кусков, которые разлетались на много тысяч стадий вокруг. В один момент гора исчезла, попросту взорвавшись от того, что за десятки тысяч отсюда, один человек, выплеснул кровь восставшего против богов. В воздух поднялось несколько тонн пыли, тысячи камней самых разных форм и размеров расстилались по всей округе, попадая в другие горы или осыпавшись на многовековую почву. Гора была уничтожена всего лишь за мгновение, но этому предшествовало тысячелетие мучений одного человека, что смог развязать то, что смогли связать только боги...

Клепий почувствовал подземные толчки не сразу, поначалу ему показалось, что доносятся звуки битвы, которая кипела над его головой, в самом Ноблосе. Но вскоре страж понял, к какому последствию привели его действия. Разразилось страшное землетрясение, которое началось с того, что

все крысы начали сбегать в свои щели и прятаться от открытых мест. Клепий ощущал своими ногами каждый толчок, который происходил далеко от эпицентра землетрясения. Катаклизм разразился со страшной силой, Клепий потерялся в пространстве, не зная, что предпринять. Мраморные плитки начали трескаться, а затем и вовсе рассыпаться на разные части. Один из Бронзовых столпов сильно накренился вбок, его основание ушло глубоко под землю и казалось, что сейчас он вот-вот упадет. Страж не знал, что делать в этот момент. Клепий закружился по залу, ища своим взором Крысиного Короля, но того нигде не было видно. Он боялся, что одна из колонн действительно упадет на него и расплющит о землю.

" Боги, сохраните меня", – подумал Клепий и его взор упал на то, что могло спасти его.

Клепий ускорился с места и побежал к огромным каменным ступеням, думая, что они могут спасти его от бронзовых гигантов, что вот-вот начнут свое падение. Земляные стены осыпались вместе с камнями, спорадии, веками освещавшие эти древние руины падали на мрамор и гасли навсегда, как и звезды, падающие на землю. Печальный конец светлых грибов оказал сильное последствие для Клепия – в зале начал затухать свет и ничего не было видно. Огромные амфоры рассыпались на десятки крупных кусков и не сотни мелких. Мраморные плиты начали низвергаться будто в самую Бездну. Прямо перед Клепием выросла огромная дыра, там, где бы-

ла одна из плит и страж не успел перед ней затормозить. Набранная им скорость и молниеносная реакция позволил ему перепрыгнуть это длинное отверстие, и он приземлился на четвереньки. Как раз в этот момент колонна по левую сторону начала рушиться. Огромный бронзовый титан из-за подземных толчков начал крениться направо. Клепий успел среагировать и поднявшись на ноги, оставил у себя за спиной падающий колосс. Удар от него по мраморному полу был настолько сильным, что ударная волна отшвырнула Клепия по инерции, десятки осколков врезались в его плоть, а броня его покоилась в лодке, за стенами Ноблоса. Пыль занавесом встала над всем залом, где кипела бойня между вековой деятельностью человека и природой. Кровь бешено гудела в висках Клепия, сердце качало жидкость по всему его телу, и он бросился к ступеням. Осталось всего ничего, за ним следовала волна из обрушающегося пола. Он успел прыгнуть в тот момент, когда под его ногами начал исчезать пол в недрах подземелья. Зацепившись за уступ, страж подтянулся и оказался на первой ступени. Упало еще две колонны и земляной покров, который поддерживался этими столпами, начал осыпаться.

" О, боги, не это ли конец всего?"

Зрелище разрушаемого тысячелетнего памятника бронзовых людей произвело на Клепия просто колоссальное впечатление. Зал выстраиваемый годами его предками в одно мгновение разрушался природой, силу которой он и при-

звал. Страж почувствовал сильную боль в его правом виске, а затем увидел, как на ступень стекает быстрый ручеек крови. Приложив ладонь, он почувствовал глубокую дырку, которую оставил осколок мрамора. Вскоре, все его лицо залилось кровью, но это было только началом коллапса. Первая ступень на которой был Клепий тоже начала проваливаться под землю, дышать было нечем, тонны земли витали в воздухе подземелья, Клепий сильно закашлялся, едва сросшиеся ребра опять начали изнывать, а сам он едва мог видеть, что происходит, из-за запекавшейся на бровях крови.

" Боги! За что вы так со мной? Я все это делал ради вас!"

Он понимал, что боги специально отвели в его жизни еще время для моления, чтобы страж умолял их оставить его в живых. Однако Клепий воспротивился этому, одна мысль о молитвах этим сверхсуществом, которые бросили свое творение на произвол судьбы, вызвало у него гнев и раздражение. Из последних сил он поднялся на ноги, держась за ребра. Все расплывалось в его глазах, и сильная тряска свалила стража с ног еще раз. Стоял просто оглушительный звон падающих столпов, казалось, его голова вот-вот лопнет. Он упал на левую сторону, схватился за рукоять своего меча и смотрел на тот хаос, что творился в подземелье. Пелена из земли засыпала его, каждый удар колонны о мрамор сопровождался тонной пылью, поднятой в воздух. Стражу казалось, что все его легкие забиты унцией пыли, ребра сломаны во второй раз, а голова треснет, как переспелый орех. Под фан-

фары, сделанные из звуков бронзы, мрамора, писка умирающих крыс и падения огромного слоя земли он закрыл свои глаза и хотел увидеть сны. И сны пришли к нему, но те, о которых забывают на утро, но такие, что запоминаются на всю жизнь, что отведена безликими богами.

Глава одиннадцатая. Огонь всепожирающий.

Открыв свои глаза, Клепий увидел, что все уже закончилось. Пыль по-прежнему стояла в воздухе, окутывая все пространство тысячами мелких частиц песка и земли, оседая на руинах разрушенного зала. Темнота была практически абсолютной, после землетрясения выжило единицы споралий, несмотря на то, что потолок помещения обвалился, поверхности города видно не было. Все было перевернуто вверх дном, некоторые чаши раскололись на десятки частей, а некоторые на мелкие кусочки, словно выпавшая из неумелых рук глиняная ваза. Бронзовые столбы были повалены в хаотичном порядке, некоторые из них и вовсе исчезли под землей, некоторые же покоились на земляной стене помещения, один из них был расколот на двое, что слегка удивило Клепия, ведь он был полностью отлит из бронзы. Эти гигантские колонны, некогда сиявшие в своем величестве, теперь напоминали братскую могилу, склеп той памяти, которую когда-то оставили о себе древние строители тех времен. Однако остался всего лишь один столб, стоявший во всей красе, бронзовый колосс возвышался над своими поверженными братьями словно единственный воин, пережив-

ший кровавую битву. Клепий сразу же узнал этот монумент, в этом даже не стоило сомневаться – эта колонна была той, что окропил страж.

" Век героев был богат на гениях и творцов."

Символично. Колонна, повинная в страшном катаклизме и смерти своих бронзовых собратьев стояла цела и невредима. Клепию открылась дальнейшая дорога и он не сомневался, что именно эта скульптура должна привести его к печати. До сих пор он лежал в том же положении, в каком он и пробудился от странного сна.

" В эту ночь ты узришь свой последний сон и увидишь, почему ты стал таким, каким тебя видят боги."

Это было предсказание Арамуда, которое он изрек со своей змеей в шатре Куарья. Клепий не знал, как трактовать пророчество этого странного человека, но понимал, что эту ночь он вряд ли переживет. Пытаясь подняться, страж понял, что силы его на исходе. Опиравшись на левый локоть, он лишь едва приподнялся и в его голове началось жуткое головокружение, будто после амфоры заморского вина. Его мозг будто протыкали тысячами иголками, а ребра болели так, будто он положил их на наковальню кузнеца.

" О, боги, отведите мне еще несколько часов."

Презирая и богов, и собственную боль, думая лишь о том, что он сам будет строителем своей собственной судьбы, Клепий кое как поднялся на ноги, ощущая дурную тошноту, ед-

ва сдерживая рвотные позывы.

" Сотрясение", – подумал страж.

Все, что осталось у него от вещей, которые были с ним еще в начале путешествия – кулон стража и его зачарованный меч, по-прежнему было при нем. Клепий двигался медленно, стараясь не делать резких движений, каждый шаг для него казался жутким мучением.

" Гесиор был мучим ежедневно на протяжении нескольких веков. Стоит перетерпеть несколько минут, чтобы найти печать."

Аккуратно спустившись на завал, он ощупал своей ногой твердую поверхность. Гранитная глыба выростала из пола и после нее зияла глубокая дыра в еще более глубокое подземелье.

" О Двенадцать, я над самой преисподней", – так подумал Клепий, вглядываясь в бездну.

Он кое как перепрыгнул зияющую пропасть и упал прямо на другой мраморный кусок и закашлялся. Тонны пыли в воздухе отзывались в его легких сухим кашлем, Клепию казалось, что вот-вот и он выплюнет свои легкие. Раз за разом, он преодолевал все препятствия, пока не очутился перед поваленной подземными толчками бронзовой колонной. Страж принял осторожную стойку и понимал, насколько может быть опасным прыгать на скользкую бронзовую колонну, один конец которой вел прямо в осыпавшуюся дыру. Имперец глубоко вздохнул и затем выдохнул. Перед прыжком он

своим нутром почувствовал прилив эмоций, которые обычно испытывают люди в стрессовых ситуациях. Все это усугублялось тем, что Клепий был обессилен и ранен, однако прыжок все-таки почти удался. Клепий забарахтал своими руками в прыжке над пропастью и приземлился в аккурат на свою грудь, в которой богами лишь ведано сколько было переломанных костей.

Страж вновь сбил дыхание, дикая боль заставила вырваться из его груди страшному крику. Он начал сползать вниз, краем взгляда заметив, какая пустота ожидает его там. Скользящая бронза делала свое дело и Клепий падал в бездну, однако его рука в последний момент ухватилась за какой-то барельеф. Страж не верил в то, что это чудо могло произойти, но пока он был жив. Прилив адреналина придал ему сил, который черпало тело из резервов организма, сердце колотилось в бешеном темпе, и стучало будто гномий молот по наковальне.

Ноги болтались в крошечной темноте, Клепий старался не смотреть вниз, так как боялся увидеть, что таит в себе бездна. Теперь Клепий благодарил судьбу за то, что его доспехи остались далеко от него, в своем снаряжении он вряд ли бы смог удержаться на этом барельефе. Приложив усилия, он начал подтягиваться, и каждое напряжение мышц отзывалась в его ребрах, а те, воздействовали на легкие, затрудняя дыхание. Но все же, страж очутился на колонне и лег на неудобную поверхность, дабы перевести дух.

До оставшегося стоявшего столба было рукой подать. Один прыжок, второй прыжок и Клепий очутился прямо перед тем столбом, где до сих пор находилась уже засохшая кровь Гесиора. Клепий впервые если не за всю жизнь, то за время своего путешествия улыбнулся, и от неожиданности даже осел на сломанную мраморную плиту, держась при этом за грудь.

" О, боги, как же этот мир любит полниться иронией."

Бронзовая колонна была не только местом, где Гесиор был связан своей кровью с проклятием. Колонна – была путем к печати. В прямом смысле слова. Под мраморным полом, когда он еще был в Зале Первейших, была сокрыто то, что колонна по сути являлась винтовой лестницей, которая спускалась в недра подземелья. Это было одновременно и воистину гениально, и с другой стороны столь сложно, что догадаться об этом Клепий даже и не смог. Страж передохнул минуту, а затем прыгнул к колонне, зацепившись за ее барельефы, он оказался на ступенях.

Имперец переводил свой дух. Теперь оказался ниже уровня первоначального зала Первейших. Бронзовая колонна медленно переходила в винтовую лестницу, которая так же состояла из этого металла. Лестница была без перил и Клепию показалось, что она немного скользкая. Бронза приятно холодила усталые ступни Клепия и перед своим долгим спуском он опустил на колонну, решив немного отдохнуть. Головой прислонившись к колонне, он вспомнил с того, как

начиналось его путешествие и заканчивая этим страшным землетрясением, которое открыло ему путь к Печати.

" Осталось совсем немного", – подумал про себя Клепий, аккуратно выглядывая за границу лестницы, пытаясь понять масштаб этого подземелья.

Благо, колонны строились бронзовыми, которые были больше обычных людей, и поэтому лестница была широкой, обширной и упасть с нее было практически невозможно. Поднявшись на ноги Клепий начал свой долгий спуск вниз, к той заветной цели, которая будоражила его последние несколько месяцев. А может быть и лет. А может быть и всю жизнь.

Спуск вниз был омрачен тягостными мыслями Клепия, которые гложили его душу, словно трупоеды, обитающие на лесных кладбищах варваров. Он смотрел на свои руки, и они казались ему такими же, как и два месяца назад. Мозолистые, крепкие, с грязью под ногтями, на каждой из руки был по шраму, один от меча, другой от зубов Стропицы. Но, что-то в них изменилось. Что-то поменялось, и Клепий не мог понять, что, пока его разум не созрел до этой мысли, словно фикийский виноград, готовый для преобразования в вино.

" Они никогда не лишали жизни невиновных. Может быть сейчас они чисты, но я-то знаю, насколько они запятнаны кровью невинных. Сколь дорога эта кровь для Делиона? Десяток детей и несколько наемников, которые сами убивают ради денег. Я сделал благо для Делиона, приняв на себя

страшные грехи. Боги бесчестны и не имеют меня судить за те поступки, к которым они сами намеренно меня вели. Не их ли воля, чтобы я нашел печать любой ценой?"

Клепий вспоминал то, что он прожил ради этого момента. И теперь ему казалось, что жизнь бесчестна и он лишь стал жертвой обстоятельств. Он никогда бы не перерезал глотки детям, будь он крестьянином, или купцом. Но он был воином света, что вершит судьбы темной дланью. Эти мысли были бесконечны лишь потому, что и сам спуск был без конца. Казалось, что он шагает вниз уже больше получаса и никак не достигнет конца. Мрак все больше окутывал стража и он думал о том, где сейчас находится тот страж, что отдал свою жизнь, чтобы служить Тьме?

" Я еще найду тебя Велисарий. Может быть ты повинен в том, что я стал таким, каким стал?"

Несколько месяцев пути поменяла Клепия больше, чем его пятьдесят лет в границах Империи. Чем эта миссия отличалась от других? Он и не предполагал, что случится, когда в то утро магистр рассказал ему о потерянной книге Тевробия.

" Да будь проклята эта книга!"

Страсть вспылала в нем, пробуждая все больше и больше ярости, кулаки сжимались сами по себе, Клепий был готов взяться за меч и рубить все подряд. Однако не успел. Лестница окончилась в пустом и гулком помещении, столь темном, что можно было вовеки спрятать целый легион воинов

и никто бы их не нашел. Единственной постройкой тут были бронзовые воротины, перед которыми очутился страж.

Бронзовые врата было еще одним чудом творения бронзовых людей. Клепий удивлялся, насколько умело люди второй эпохи могли отливать бронзу и эти древние ворота были тому примером. Одна из створок была приоткрыта, судя по их внушительным размерам весили они несколько десятков тонн, и обычный человек вряд ли бы совладел с этой задачей. Странные письмена, не походившие ни на один знакомый стражу язык, чьи буквы сильно отличались от обычных своими прямыми углами, были вырезаны по всему периметру ворот – от самого верха, куда имперцу приходилось задирать голову и по бокам каждой воротины.

"Интересно, что они написали здесь. Предупреждение? Проклятие? Или наоборот, хотели ободрить спутника, входящего за эти гигантские двери?"

Сложно было сказать, что здесь написали Первейшие – их язык мертв, и перевести с него что-нибудь было невозможно. Левая воротина была приоткрытой, при этом посажена на гигантские петли, уже потемневшие от прошедших времен. На левой стороне был изображен могучий воин и уже знакомый Клепию персонаж – Крысиный Король, стоявшие над поверженной женщиной, с пламенем на голове.

"Крысиный король одолел Фахтаче", – удивился страж, понимая, что тот добился своего и отомстил владычице пла-

мени. " Но каким образом смертный одолел богиню? И что это, за человек, стоявший вместе с ним?"

Левая часть входа явно была сотворена еще во времена Второй Эпохи. Возможно все это – залы с бронзовыми колоннами, это подземелье, а скорее всего и сам город, создавались под чутким наблюдением сына Гесиора.

Вторая часть сюжетно была знакома Клепию. Вся воротина делилась на девять равных квадратов, разделенных между собой толстой резной перегородкой из бронзы.

" Это похоже на барельефы колонн, – отметил про себя Клепий, пытаясь прочесть те изображения, что он мог рассмотреть.

Здесь они были более мелкими, поэтому страж неспешно двинулся к правой воротине, которая была наглухо закрыта. Имперец двигался медленнее обычного – ноги жутко болели, а переломанные ребра мешали его дыханию.

" С какой стороны читать их рисунки?" – поинтересовался страж, исследуя своим взором творение бронзовых.

Имперцы, эльфы и гномы писали слева направо, декары, некоторые народности Империи, пустынные и большая часть народностей Морского Востока – справа налево. Но Клепий понял, что Бронзовые владели совершенно иным алфавитом, в корне отличающийся от нынешних – они, как и на колоннах, вели свои записи, пусть и через барельефы снизу-вверх – слева направо. Сейчас Клепий стоял перед самым нижнем квадратом, который находился по левую сторону от

других. Здесь начиналось все.

– Рождение Гесиора и Месиды, – произнес Клепий, осторожно, словно в приступе благочестия, приложил свою ладонь к этому творению.

Барельеф будто изображал двух детей, которые лежали на одном расколоте камне. Клепий чувствовал своей ладонью прохладную, немного шершавую бронзу, пальцем проводя по лику Гесиора, а затем и по младенческому лицу Месиды.

" Появления Печати. Одной истинной и одной ложной. Библиотекарь рассказывал мне об этом."

Затем Клепий поднял свой взгляд чуть по выше. Средний крайний левый квадрат рассказывал уже о следующем событии, которое произошло в жизни родителей Крысиного Короля. Специально отлитая в отвратительном виде фигура бога Фарея приходит в своем образе к матери Крысиного Короля, но Месида его отвергает. Третий квадрат, который располагался выше всех рассказывает каждому, кто добрался до этих врат о том, как Гесиор беседует с Фахтаче, которая здесь изображена в своем собственном образе – острые скулы, властные и одновременно отталкивающие черты лица, нахмуренный вид и густые брови, ее правая ладонь окутана ярким пламенем. Следующая сцена на правой воротине была нижней справа. Месида, ничего не подозревающая в том, какие распри происходят меж богами из-за ее семьи, прядет пряжу, а в открытую дверь входит та самая Фахтаче. Тот барельеф, что выше, показывает во, что пламенная бо-

гиня обратила Месиду, а самый верхний демонстрирует Гесиора, замурованного в гору.

" Крысиный король хочет, чтобы и через тысячи лет люди помнили о злодеянии богов."

Лицо чесалось под запекшейся коркой кровью. Клепий сделав глубокий вздох, насколько позволили ему перебитые ребра, шагнул за приоткрытую воротину. Сквозняк, пропахшей затхлостью и пылью времен дунул в него. Воздух был тут словно законсервированный, пахло древностью, словно в старой закрытой библиотеке. Глаза Клепия отчетливо видели древние стены, облицованные бронзой и камнем, бронза уже давно почернела, камень ссыпался мелкой крошкой, оставляя от себя след возле двух коридорных стен. Сам коридор уходил куда-то вглубь, и ниже уровня ворот. Страж решил не оборачиваться и двигаться вперед, возможно, в последний раз в своей жизни.

" Интересно, что поджидает меня там?"

Спуск казался монотонным занятием, чем ниже опускался страж, тем более ветхими и обшарпанными казались стены.

" Почему Гесиор спрятал печать именно здесь? Или Печать была спрятана самим Крысиным Королем? Тогда каким образом Хранитель запечатал своей кровью спуск в Подземелье?"

По-прежнему у Клепия оставалось много вопросов, на которых он не мог найти ответов. Но одним из фундаменталь-

ных вопросов был тот, что был поставлен о личности самого Велисария. В конце концов его размышления пришли в тупик, как и сам страж, оказавшийся перед стеной, с какой-то выемкой.

" Это какая-то дверь", – рассудил Клепий, разглядывая края этой стены.

Возможно, это могло быть ловушкой, но страж решил, что терять ему нечего и просунул руку в выемку, где было холодно и противно от обилия паутины.

" Рычаг", – подумал имперец и дернул его вниз.

Липкая от паутины рука ощутило холодный железный рычаг, который будто по инерции сам начал опускаться вниз. В стене загрохотали какие-то странные механизмы, начался жуткий скрип заржавевшего железа, Клепий слышал, как что-то внутри заработало. Створки двери начали разъезжаться в разные стороны, при этом осыпались небольшие камни и куски земли, падая разбивались на маленькие кусочки. Пыль подняла в воздух и не в первый раз начала резать глаза стража.

" Надеюсь, эта дверь будет последней", – подумал имперец.

Какой-то странный механизм со странными шестернями заставили дверь открываться и перед Клепием открылся вид этого древнего помещения, построенного еще две тысячи лет назад.

" О, Двенадцать богов, что это?"

Зал идеальной квадратной формы был полностью выстроен из какого-то черного камня, обрамленный бронзовыми барельефами. Под потолком помещения был какой-то странный механизм, который Клепий видел в первый раз. Огромное количество колес были переплетены между собой как большие, примерно размером с колесом телеги, так и маленькие, которые с такого расстояния трудно было рассмотреть. От этого места расходились четыре толстых троса, которые были сплетены из конского волоса, переплетавшегося в очень толстый канат. Они поддерживали в воздухе, высоко над поверхностью помещения, большую бронзовую плиту, с виду больше напоминавший саркофаг или большой варварский гроб, вылитый из бронзового материала. Но Клепий больше был поражен странной громадной фигуре, закованной в бронзовые неуклюжие доспехи. Старческое лицо фигуры больше походило на умело отлитую статую, но длинная седая борода говорила о том, что этот человек был живым и наблюдал за тем, что происходит в помещении. Странные доспехи старца были велики ему в размерах, Клепий отметил большие выпирающие наплечники, большие сапоги, и выпирающие гладкие доспехи. К шее старца был привязан пятый канат, и судя по всему очень туго. Фигура не сдвинулась с места и Клепию вновь показалось, что это превосходно отлитая бронзовыми людьми статуя.

Над старцем на четырех тросах висел бронзовый сарко-

фаг, причем таким образом, что два первых каната, поддерживающие изголовья были короткими, а два, что держали нижнюю часть гробницы были длиннее и соответственно бронзовая махина висела в полувертикальном положении.

" О боги всемогущие, не может этого быть ", – Клепий был удивлен, когда начал рассматривать эту гробницу.

Крышка бронзового саркофага была отлита в виде человека, который был больше, обычного. Но узнал лик этого человека, он уже встречал это властное и непоколебимое лицо, широкие густые брови, ярко выраженные скулы. Ладони фигуры были раскрыты и в одной из них было сгусток пламени, а в другом цветок, в котором угадывался мохир.

– Не может быть, – теперь Клепий не смог сдержать своих слов. Гробница Фахтаче... Она здесь.

Теперь страж понял, что хочет найти Куарья.

" Король искал не печати, а тело богини. Но зачем оно ему? Он хочет властвовать над культистами?"

Огненная пляска оказалось не тем местом, где может быть захоронено материальное тело Фахтаче. Это было лишь местом ее убийства, которое культисты обратили в место поклонения. Они искали гробницу богини, чтобы возродить ее, но даже не догадывались, что она сокрыта под Ноблосом.

– Даааввннноооо, – Клепий вздрогнул, когда услышал старческий голос, выходящий изо рта, покрытого седыми усами. Я не слышал звук этих шестерен.

Старик оказался живым. Несмотря на всю его немощь

на лице, глубокие морщины и вялые губы, в его медленных плавных движениях чувствовалось величие. Старик был больше любого человека, проживавшего сейчас в Делионе.

" Он тоже из бронзовых, человек из второй эпохи."

Старик растягивал каждое свое слово и казалось, что он делал это с невероятных усилий, будто его легкие засохли и превратились в два больших изюма, что не мудрено. Сколько уже лун пережил этого человек, выйдя из чрева матери? Говорил он на странном языке, имперское наречие было перемешано с какими-то непонятными словами.

" Он не знает нашего языка. Он провел взаперти больше двух тысячелетий, в отличие от Гесиора или Крысиного Короля."

– Кто ты? – Клепий понимал, что старик вряд ли поймет его, но решил попробовать.

Неизвестный гигант шевельнулся и попытался было встать, однако трос крепко привязанный к его толстой иссохшей шеи не дал ему этого сделать. Каждое его движение казалось неуклюжим, он двигал своими конечностями, будто черепаха, упавшая на спину и пытающаяся перевернуться на ноги.

– Кто ты такой? – повторил свой вопрос страж, сдвинувшись с места.

Хотя Клепий и понимал, что бронзовый вряд ли сможет сдвинуться с места, но был на стороже. Он двигался медленно и аккуратно, пытаясь не провоцировать того, кто прибыл

здесь в заточении несколько тысячелетий.

– Твой язык неведом мне, – отвечал на древнем наречии старик, которого Клепий не понимал.

Саркофаг по-прежнему висел неподвижно. С виду он был очень тяжелым, если уж он упадет на землю, то с легкостью проломит ее. Клепий попытался сообразить, как работают эти механизмы, и сразу же понял, что единственный канат, которым можно было опустить гробницу Фахтаче был на шею старика.

– Но раз ты уже здесь, значит достоин того, – продолжил говорить старик. Лишь только кровью моего отца можно разрушить клятву, которая сокрывало это место.

" О чем он говорит? Возможно о том, где захоронена печать?"

Старик пытался поговорить с пришельцем, что освободил его отца, но тот не понимал древнего наречия. А ведь последний и настоящий хранитель печати мог бы многое рассказать Клепию о том, кто он такой. О том, как Фахтаче прокляла Месиду, обратив прялку в паучиху и ее собственное дитя, еще в утробе сотворив из него крысу с человеческим разумом. Хранитель печати мог рассказать, что темный эфир искажил Крысиного короля еще в утробе и когда мать родила это чудовище, оно бросило его. Клепий не смог бы понять старика, если бы тот поведал о дальнейшей судьбе Крысиного Короля, как он с помощью чистого эфира пытался стать антропоморфным существом.

– Ты что, то хочешь сказать мне, – Клепий обратил внимание на дёргающиеся губы старика, на которых оставались так и не произнесенные ими слова.

Старик хотел рассказать о том, что Фахтаче прокляла дитя Месиды. Но богиня не знала, что Месида вынашивает двойню, и что, когда один из них родится и вырастет, он станет отмщением для своей семьи. Он будет создавать союзы с одними богами и разрывать с другими, он будет нарушать закон и топтать мораль, будет блюсти негласные правила и соглашения с темными, лишь бы убить Фахтаче в ее подземном царстве – Огненной Пляске. Именно второй сын Гесиора и Месиды создаст это подземелье и свяжет вход клятвой крови своего собственного отца, навсегда запрет здесь обе печати и тело Фахтаче, чтобы их смог найти только достойный человек.

Старик понял, что гость не сможет понять его и смирился с этим. Ему бы так хотелось поведать обо всем, что случилось с ним еще две тысячи лет назад. О том, что именно он сделал все так, как есть оно сейчас. Не Гесиор, не Крысиный Король. А именно этот Хранитель Печати. Он не сможет рассказать человеку, которого он увидел впервые за двадцать веков, что он накинул на свою шею петлю, которую невозможно развязать и показал своему гостю жест, который поймет каждый человек, безо всяких слов.

Клепий остановился в пяти шагах от старика. Вблизи он показался еще более внушительным, нежели как при вхоже

– одна его ступня, закованная в броню, могла сравниться с голенью Клепия. Хранитель медленно и неспешно поднял свою руку и разжав кулак, приложил ребро ладони к собственной шее. Затем, он погладил свой узел и указал пальцем на огромное колесо с рычагом, которое было в углу этого квадратного помещения. Страж все понял и вытащил свой меч из ножен.

" Сколько мне еще предстоит убить одних невинных, чтобы спасти других? Сколько жертв я должен положить на алтарь свободы всего Делиона?"

Несмотря на то, что шея старика казалось хрупкой, даже зачарованный меч не смог с первого раза отрубить ее. Загустевшая жидкость фонтаном начала бить из его артерии, но второй удар попался прямо в канат.

" О, боги!"

Клепий не смог поверить своим глазам, но удар меча не смог повредить трос. Старик хрипел, захлебываясь собственной кровью, но еще один точный удар уставшего и изнеможенного стража заставил голову старика скатиться с плеч. Крепкий трос, сплетенный из какого-то неизвестного Клепию материала, упал на землю. С меча продолжала стекать кровь и Клепий надеялся, что это был последний раз, когда он обагрил свой меч.

" Клянусь Двенадцатью, как только Печать прибудет в Обитель, я окончу свой путь стража."

Канат казался тяжелее, чем был с виду. Клепий понимал,

что он был сплетен отнюдь не из конских волос, то были волосы какой-то магической твари, прочность этого троса хватало даже, чтобы остановить зачарованный меч и скорее походили на человеческие.

" О Боги, неужели это волосы Месиды?"

Взявшись за окровавленный узел, который тысячелетиями был прилеплен к шеи последнего и истинного хранителя печати, страж потащил его к зазубренному колесу.

" Неужели весь этот сложный механизм придуман лишь для того, чтобы этот старик своей головой охранял гробницу Фахтаче?"

Из колеса торчали металлические зубцы, а по правую сторону от него была большая выемка.

" Приспособление для каната."

Зацепив узел за один из зубцов, и удостоверившись, что он сидит плотно, Клепий взялся за рычаг и начал крутить его по часовой стрелке. Ничего не происходило до тех пор, пока этот канат не натянулся, и только потом сопротивление могло сказать о том, что саркофаг начал опускаться.

– Действует, – сам тому не веря произнес страж.

Несмотря на то, как легко двигался рычаг, это принесло Клепию тяжелые боли. На руках затвердели мышцы, руки не слушались его, грудная клетка пылала пламенем бездны и все же страж упорно продолжал крутить механизм. Саркофаг медленно опускался на пол до тех пор, пока не слы-

шался странный звук, раздавшийся эхом по всему старому помещению. Нижняя часть гроба опустилась на пол, но Клепий решил продолжить крутить колесо до тех пор, пока саркофаг не окажется в горизонтальном положении.

" Хвала Двенадцати", – промолвил Клепий, когда гроб оказался полностью на полу.

Приблизившись к нему, он увидел вблизи саркофага и то самое лицо, в могущество которого верили тысячи поклонников по всему Морскому Востоку.

" Что ж, пора открыть его."

Однако крышка не поддавалась, но на этот раз Клепию помог его зачарованный меч. Ударив, он расколол ее пополам. Момент истины. Тело было покрыто дорогой мантией, а на ее поверхности лежали два невзрачных куска больше похожие на камень, нежели на магический артефакт. Но страж понял, именно ради этого, сюда его вела судьба.

Ноблос полыхал и даже за десяток фикийских миль он представлял из себя ярко горевший факел из человеческих тел, построек, животных. Город стал сосредоточием хаоса – повсюду лежали мертвые тела, которые стали пирушкой для детей Крысиного короля, летучих птиц и мух, собравшихся над павшими...

Подняться на поверхность города было для Клепия еще сложнее, нежели опуститься в недра древних построек, сотворенных по приказу последнего хранителя печати. Раненый, измученный и обессиленный страж понимал, что шан-

сов у него мало. Кроме того, что сам Клепий был в приемной у самой госпожи смерти, так на поверхности было еще больше шансов отправиться в Дадур к вечно скитающимся телам – во всех районах города свирепствовала чума, насланная Крысиным Королем, а по улицам зверствовали воины короля Куарья. Король Катакомб предупредил стража о том, что культисты готовят теплый прием для захватчиков, но Клепий даже не подозревал насколько этот теплый прием окажется горячим.

Он высунул свою голову из канализационного колодца и обомлел от увиденного. Печати были спрятаны за его поясом, и он рефлекторно прижал их своими ладонями, охраняя их, будто-бы собственного ребенка.

" Нет. Они нечто большее, нежели дите. Они ключ к победе над надвигающейся Тьмой."

Подземный путь вывел его к торговому району и это он понял, увидев горящие палатки купцов. Яркое пламя поглощало весь базар, огонь перекидывался с одной палатки на другую, навесы загорались в один счет, точно факелы, облитые возгорающейся жидкостью. Вся торговая площадь была усеяна телами – в южной части тела были свалены в кучу и превращались в одну гниющую биомассу, над которой вились рои мух. В другой части базара тела лежали по отдельности и судя по тому, как были одеты мертвецы, они пытались спастись бегством от наступающей опасности. Они были заколоты и судя по всему королевскими воинами. По-

всюду слышались жалобные крики, вопли, лязг мечей, писк крыс, молитвы о спасении, уговоры и причитания.

" О, Двенадцать богов", – Клепий впал ступор, увидев, во что превратился этот некогда богатый и старинный город.

В скором времени пепелище и груды тел обратятся в руины и вряд ли Куарья сможет восстановить этот некогда величественный город. Но сейчас Клепия больше интересовала собственная судьба, а точнее судьба тех печатей, за которыми он проделал столь долгий путь.

" Куда мне идти? К Куарья или направится в сторону порта? Но даже если я и доберусь до порта, то остались ли корабли, которые могут отчалить в Империю?"

На тот момент, Клепию казалось правильным решением отправиться к королю Морского Востока, у него в стане было бы намного безопаснее, однако что-то остановило его. Страж до сих пор не доверял самозванцу, чьих мотивов он так до сих пор и не вычислил. Его советник, который не имеет никакого отношения к империи – Арамуд был человеком не менее странным и что движет именно им? Есть моменты в жизни, которые в одиночку преодолеть невозможно, когда без посторонней помощи нельзя добиться нужного тебе результата. Но всегда, без исключений, когда надежда на людей пересиливает веру в себя, то человек становится заложником обстоятельств. И поэтому, Клепий решил действовать в одиночку.

Он подтянулся из колодца и выбрался на колодец. Первый

же его шаг на твердую поверхность был шагом откровения.

" Боги милостивые. Не может быть".

Клепий понимал, что в любой момент город может взорваться, словно горящий корабль, наткнувшийся на рифы. Первое его же движение ногой предвещало об опасности, которым сейчас полнится Ноблос. Он наступил в Красное Золото.

" Культисты везде разлили эту жидкость."

Клепий решил понапрасну не терять времени и побежал к первому же закоулку. Страж решил не испытывать судьбу и тут же достал свое оружие. В этом переулке было безжизненно, по крайней мере он встретил только лишь три мертвых тела. Первое было заколото точечным ударом в сердце, два других вызвало в нем скорбь – женщина и закутанный в пеленке младенец, выбросились из окна, предпочитая смерть – рабству. Стены были измазаны тягучей жидкостью Красного Золота.

" Чего же они ждут? Почему они не превратили город в одно мгновение в горящий факел?"

Скорее всего Крысиный Король позаботился об этом. В любом случае терять ему было уже нечего – печать он передал в те руки, что смогут ее уничтожить. По крайней мере он отдал добровольно то, что хранил его брат тысячелетия.

" Предсказание сбылось", – сказал тогда на горе Гесиор.

Выбежав из переулка, он попал прямо на Проспектиум. Толпы людей одним единым организмом бежали в сторо-

ну Великоморья и порта, где хотели найти спасение. Стоял оглушительный рев толпы и не мудрено, за ними по пятам гнались воины Куарья. Клепий решил побежать вместе со всеми, и уже стал частью толпы, смешавшись с этими испуганными людьми. Позади слышались гортанные крики боли, звуки исполосованных тел и мольбы о пощаде. Совесть Клепия говорила о том, чтобы он остановился и помог свершить справедливость. Внутри него боролись две силы – голос разума, и дух сердца, он по началу не поддавался ни тому, ни другому и бежал вперед, даже не раздумывая об этом. Но в конце концов мысли начали просачиваться в его голову, словно вода, протекающая под большой валун.

"Зачем вмешиваться в это дело между смертными? Моя цель глобальнее. Но, зачем спасать тот мир, где люди могут безнаказанно убивать друг друга без всякого зазрения совести?"

Перспективум уже выводил всю толпу к морскому порту, где еще стояло много кораблей. За спинами впереди бегущих было не видно, что творилась в самом порту, но судя по звукам люди прыгали с пристани прямо в воду, чтобы хоть как-то спастись от разящих в спину мечей. В порту стояло очень много суден, однако какое из них вообще сможет уплыть отсюда? Есть ли на них команда? А если и есть, то пустят ли они на борт?

Толпа двигалась единым порывом. Давка была страшной – Клепий на своем пути уже встретил несколько тел, кото-

рые были раздавлены испуганной толпой, мертвая женщина и двое детей. Тела топтали, даже не замечая мертвецов, кто-то спотыкался о них, но продолжал бежать дальше, стараясь ухватиться за впереди идущего. Если ты упадешь – шансов выжить практически не будет. Страж был одет в обычный поддоспешник, но даже будучи с мечом он не привлекал к себе внимания, все следовали своему инстинкту. Любовь. Любовь – пустота, выброс твоих эмоций на человека, часто она приходит внезапно, уходит же так же. Голод? Возможно, было много случаев, когда осажденный город начинал полниться каннибалами. Размножение? Человек – низкое существо, думающее только как продлить свой род, и в порыве похоти его не смогут остановить морально-этические установки. Но и похоть можно преодолеть. А вот забота о собственной жизни? Что может быть важнее? Если ты не будешь стараться сохранить собственную жизнь, то и остальные твои инстинкты не позаботятся. Вот, что двигало толпу вперед, несмотря на все преграды.

– Алвай! – страж, наделенный сверхъестественным слухом и чутьем, смог расслышать сквозь шум и гам бешеной испуганной толпы знакомый голос. Алвай, беги сюда!

Клепий понимал, что, если он остановится, его затопчут. Он старался хоть как-нибудь притормозить, однако толпа уносила его вперед, словно бурный водный поток какой-нибудь горной реки. Он начал крутить головой, пытаясь высмотреть Рими, но мальчишки нигде не было видно.

– Алвай, сюда, скорее! – Клепий понял, что голос доносится откуда-то справа, от него. Сюда! Иначе смерть!

Сердце Клепия съежилось. Он почувствовал под своими ногами всю ту же вязкую жидкость, которой пользовались жители Ноблоса. Маяк по-прежнему горел в темном ночном предрассветном небе, но теперь жидкость, которая питала маяк, была рассеяна по всему городу.

" Боги всемилостивые. Мы в самой большой ловушке Де-лиона. Сам Ноблос – одна большая ловушка, культисты загнали нас сюда, словно охотник, загоняющий свою дичь.

Сердце Клепия вновь ощутило ту тревогу, которую чувствует каждое животное. Птицы ощущают своим нутром скорую грозу или страшную бурю. Ни одно живое существо нельзя найти на поляне, если в скором времени начнется землетрясение. Со стражем сейчас было так же. Он чувствовал, что-сейчас случится что-то грандиозное. То, о чем будут слагать легенды тысячелетиями.

Страшное зарево осветило весь порт. Сначала загорелся один корабль. Клепий понимал, что еще немного и толпа унесет его от того переуллка, где находился Рими со своими друзьями.

– Алвай, быстрее сюда! – пытался докричаться до него мальчик.

Следов вспыхнул второй корабль, а за ним и третий. Они зажигались в ночной темноте, словно факела, один за другим, пока в скором времени весь порт не начал полыхать пла-

менем Бездны!

Толпа заревела нечеловеческими голосами. Они начинали рвать на себе волосы, матерились, кричали в неистовстве, было ощущение, что сейчас они перебьют друг друга. Но самое страшное их еще ждало впереди.

Порт пылал настолько сильно, что жар доходил аж до того места, где пытался пробраться Клепий. Другого выхода не оставалось, он старался растолкать людей, чтобы пробиться к Рими. Однако случилось непредвиденное, кто-то схватился за его пояс и печати вылетели под ноги обезумевшей толпы.

– Нееееет! – Клепий впервые в жизни закричал и таким страшным нечеловеческим голосом.

Началась страшная резня. Достав свой меч, он начал убивать каждого, кто двигался ему на встречу. Применив Магию Зефирус, ментальные нити привели его в столь мощной вспышке эфирных сил, что он отбросил каждого, на расстоянии десяти шагов. Клепий не понимал, что он совершил, но сейчас это было не главное. Он ухватил печать, которая уже была залита литрами крови, вокруг валялись конечности – руки, ноги, головы, но толпа казалось не замечала того, что произошло.

– Быстрее! – крикнул Рими и Клепий понял, что огонь теперь бежит своею тропой, которую проложили культисты Фахтаче.

Красное золото вспыхнуло быстро. Проспектиум начал

гореть и постепенно огонь начал подходить к тому, где находился Клепий. Он успел нырнуть в проулок к попрошайкам и огонь поглотил всю толпу, которая бежала в поисках спасения. Страшные крики навсегда останутся в руинах этого города. Старики, кое-как пережившие старую давку, маленькие дети, груднички, прижимаемые к груди матерей, женщины, девушки, мужчины и мальчики все они горели с ног до головы. Красное золото загорелось и теперь пожирало их во славу Фахтаче. **ВЕСЬ ПРОСПЕКТИУМ ПРЕВРАТИЛСЯ В АЛТАРЬ ПРОСЛАВЛЕНИЯ БОГИНИ.**

– О боги всемилостивые, – промолвил Клепий, отойдя подальше от жара, который начал плавить каменные дома, стоявшие по главной улице города. Языки пламени ревели и взметались в вышину, казались они доставали до самого неба. Запах горелых тел разносился на сотни имперских миль, такого ужаса Делион еще не помнил.

– Тьма победила эту битву, – узрев все это, сказал Клепий.

– Бежим алвай, мы знаем тайный ход, – произнес один из мальчишек и начал тянуть того за руку, в которой он держал печати.

– Не тронь их! – крикнул на него страж и оттолкнул мальчика так, что тот упал на пятую точку.

Дети испугались этого проявления агрессии. Клепий спиной чувствовал этот всепоглощающий жар и все его тело мгновенно стало мокрым. Бежим. БЕЖИМ. Это хотел сказать Клепий, но слова застряли в его глотке. На противопо-

ложной улице, которая вела к храму Вездеходящего бога и была тупиком, поэтому она пустовала. Но он увидел, как там идет сражение между культистами и воинами короля. Все бы ничего, однако он разглядел то, что искал уже с самого прибытия в Ноблос. Плащ с двенадцатиконечным колесом.

" В эту ночь ты узришь свой последний сон и увидишь, почему ты стал таким, каким тебя видят боги." – так сказал ему предсказатель Арамуд.

Клепий понял это, когда увидел свой последний сон. Сон, о котором уже не узнает никто. Раз все звезды сошлись, то значит ему предстоит сегодня умереть. Но Печать. Что будет с печатью? Какая из них ложная, какая истинная?

– Рими, – страж присел на колени и одним глазом посматривал, как Велисарий разит своих врагов мечом, но все же его взгляд упал на мальчика. Эти печати.

Он протянул руку в могущественным артефактом, но попрошайка отдернулся так, словно увидел всех своих мертвых родственников сразу.

– Не искушай меня, Алвай, – Рими закатил свои глаза. Ты хочешь возложить на меня свое бремя?

– Другого выхода нет, – ответил Клепий и еще на шаг приблизился к мальчику.

Трое остальных попрошаек смотрели на то, что сейчас происходило между ними.

– Я не доживу до рассвета, – ответил страж. Если я умру, они заберут Печати и на шаг приблизятся к Вечной Тьме.

Этого допустить нельзя.

Мальчик стоял и не двигался. Он понимал, что зря теряет время, но принять на себя такую обузу... Справится ли он со своей задачей? Рими глядел в тот же одинаковый, как и прежде взгляд стража и он понимал, что Клепий не врет. Эта ночь будет последней для него.

– Что я с ней должен сделать? – задал вопрос мальчик.

Клепий посмотрел на него и впервые за долгое время улыбнулся.

Клепий двигался уверенно. Он передал обе печати четверем попрошайкам, которым предстоит тяжкое и невероятно опасное приключение в Империю. Он не хотел, чтобы хотя бы одна из печатей досталась не в те руки и приказал им разделиться.

" Надеюсь я поступил правильно. Иного выхода у меня не было. Больше мне довериться некому."

Он вышел из переулка с мечом на перевес. К сожалению кольчуги, на нем не было, она так и плавала в одной из лодок у стен города, возможно ее уже кто-нибудь забрал себе. Но нельзя ждать. Он шагал уверенно, двигаясь между людьми, уже разбившимися на пары и сражавшимися между собой. Было ощущение, что культисты проигрывают свой бой, однако огненные стрелы, которыми стреляли с крыш зданий, ранило уже много воинов короля. Клепий уверенно увернулся от бокового удара культиста и пронзил того в грудь острием.

– Велисарий! – кричал во всю глотку Клепий, пытаясь до-

биться того, чтобы увидеть лица предателя.

Еще один удар он отразил своим мечом. На этот раз кто-то из королевских воинов перепутал его и попытался убить Клепия. Страж не стал разбираться в этом и зарубил нападавшего.

– Велисарий! – еще раз крикнул страж, двигаясь через гору трупов, как мертвецки-бледных, истекающих кровью, так и горевших от огненных стрел.

– Велисарий! – пророкотал Клепий и только лишь тогда второй страж, который по-прежнему был в капюшоне обернулся в сторону Клепия.

Клепий стоял неподвижно, вглядываясь под капюшон. Между ними было десятков шагов, но этого хватило, чтобы страж рассмотрел своего собрата по ордену.

– Не может быть, – покачал головой Клепий, а другой страж, будто в насмешку спустил свой капюшон, но на его лице не проявилось ни единой эмоции.

Клепий почувствовал неприятное ощущение в области позвоночника и лишь слегка вскрикнул. Рука разжалась сама по себе и меч выпал из его правой ладони и упал на землю. Неприятное ощущение прожгло все его внутренности, и он почувствовал, как голова сама по себе опускается вниз. Последним, что он увидел, как острие меча торчит из его живота и тут же исчезает, при этом задевая внутри все органы стража.

– Это все? – кровь пузырилась на его губах, но Смерть еще

позволила ему задать свой последний вопрос, на который он уже не узнает никогда ответа.